

**Министерство образования Российской Федерации
Новосибирский государственный университет
Гуманитарный факультет
Научно-образовательный центр
«Российские социокультурные трансформации»**

С. В. Шалимов

**«СПАСЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ»:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ГЕНЕТИКИ
В НОВОСИБИРСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ
В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ» (1957–1964)**

Новосибирск
2011

ББК Е04г
УДК 94(571)“1957/1964”+575
А Ш183

А Ш183 **Шалимов С. В.** «Спасение и возрождение»: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск, 2011.
ISBN ??????

Ответственный редактор

д-р ист. наук, проф. И. С. Кузнецов

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников,

д-р ист. наук Е. Г. Водичев

Издание представляет собой первое монографическое исследование развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели». В нем раскрыта роль Сибирского отделения АН СССР, Института цитологии и генетики в возрождении отечественной генетики после ее сталинского разгрома. Дана научная периодизация, выявлено существенное общественно-политическое значение процесса становления генетических исследований в ННЦ. Особое внимание уделяется персональным характеристикам – показан вклад в этот процесс целой плеяды выдающихся ученых – академиков М. А. Лаврентьева, Н. П. Дубинина, Д. К. Беляева и др. Работа основана на максимально широком круге источников, в преобладающей массе впервые введенных в научный оборот. Среди них документы официальных органов, материалы прессы, опубликованные мемуары и устные свидетельства современников.

Книга адресована историкам, науковедом, всем интересующимся социальной историей науки.

*Издание подготовлено в рамках реализации программы развития НГУ,
ПНП No. 5.*

**ББК Е04г
УДК 94(571)“1957/1964”+575**

ISBN ??????

© С. В. Шалимов
© ООО «Издательский дом
«Манускрипт»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
Глава 1. Судьба генетики в зеркале историографии и источников.....	
1.1. Историографический аспект.....	
1.2. Документальные и мемуарные свидетельства.....	
Глава 2. Создание Сибирского отделения АН СССР и начало возрождения генетики	
2.1. Становление Института цитологии и генетики СО АН.....	
2.2. Время испытаний	
Глава 3. Сибирская генетика в первой половине 1960-х гг.	
3.1. Ситуация в начале 1960-х гг.	
3.2. Противостояние продолжается	
3.3. Состояние научных исследований по генетике: проблемы и результаты	
Заключение	

ВВЕДЕНИЕ

Согласно мнению многих авторитетных аналитиков, новое столетие призвано стать «веком биологии». Фундаментальные достижения этой науки позволят решить многие экономические и социальные проблемы. Особую роль в современной биологии и в жизни социума в целом приобрели генетические исследования. Их результаты внушают огромные надежды на кардинальные перемены в медицине, сельском хозяйстве и т. д., но вместе с тем порождают определенную тревогу за будущее человечества, в частности, в связи с возможными непредсказуемыми последствиями развития генной инженерии.

Актуальность темы в существенной мере повышается с учетом того, что отношения научного сообщества и институтов власти в Советском Союзе всегда характеризовались крайней сложностью, что особенно остро проявилось в судьбе биологии. Положение данной науки отличалось существенной спецификой, так как она, в отличие от ряда других наук, гораздо сильнее подвергалась идеологизации, в то же время имея громадное практическое значение. Перед биологией власть ставила важнейшие задачи подъема сельского хозяйства, – той сферы экономики, которая в стране хронически отставала. Ни в какой другой естественнонаучной области с такой остротой не проявлялось сочетание надежды правящих кругов на «чудодейственные результаты» биологических исследований и, вместе с тем, идеологические ограничения, контроль и диктат в отношении ученых-биологов.

В этих условиях создание Сибирского отделения АН СССР дало уникальный шанс для возрождения в его составе отечественной генетики как в силу общей атмосферы нового научного центра (дух свободолюбия и научного поиска), так и ввиду позитивного отношения к этой гонимой науке со стороны создателя Отделения акад. М. А. Лаврентьева.

На сибирской земле генетика прошла сложный и противоречивый путь. Ее немногочисленные кадры были сосредоточены в Институте цитологии и генетики, который до 1964 г. не имел даже собственного здания. Но, несмотря на все трудности, он достаточно быстро превратился в крупный научный центр, став одним из оплотов генетики в стране.

Не удивительно, что с самого начала своего существования, институт не был обделен вниманием властно-идеологических структур,

являясь объектом пристрастных проверок. В то же время в связи с необходимостью решения острых проблем продовольственной, а также радиационной безопасности, от института требовали плодотворной работы в этих важнейших сферах. Кроме того, ситуация, сложившаяся вокруг Института цитологии и генетики, выступала органичной частью общественно-политической жизни формировавшегося научного сообщества новосибирского Академгородка.

Процесс возрождения генетики на сибирской земле связан с деятельностью ряда известных ученых, являвшихся яркими, самобытными личностями – академиком М. А. Лаврентьева, Н. П. Дубинина, Д. К. Беляева и др. Это придает поставленной теме дополнительный интерес, сообщает ей яркий человеческий колорит.

Говоря о состоянии изученности вопроса, следует отметить, что он в какой-то мере отражен в литературе, главным образом мемуарного характера. Что же касается работ профессиональных историков, то здесь необходимо признать наличие лишь узкого круга публикаций. Определенная база для исследования поставленной проблемы была заложена в фундаментальной монографии американского историка П. Джозефсона¹ и в работе известного исследователя истории СО РАН Н. А. Куперштох². Названные авторы рассматривают интересующую нас тему в рамках соответствующих разделов, написанных на материалах Института цитологии и генетики СО АН / СО РАН. Более конкретный разбор исторических исследований будет дан в первой главе, но общая оценка историографической ситуации состоит в следующем. Во-первых, из-за отсутствия обобщающей работы, нет целостной картины процесса и отражены лишь отдельные аспекты темы. Во-вторых, во всех публикациях, даже наиболее основательных, наблюдается фрагментарность источниковой базы, в ряде случаев не использованы ключевые источники.

В свою очередь, источниковая база монографии включает широкий круг источников документального и нарративного характера, большая часть которых впервые вводится автором в научный обо-

¹ *Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997.*

² *Куперштох Н. А. Кадры академической науки в Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999.*

рот. Используемые в исследовании источники включают в себя три основные группы: официальные материалы, периодическая печать и источники личного происхождения (прежде всего мемуары).

Ввиду обилия анализируемых историографических объектов представляется целесообразным выделить историографический и источниковедческий анализы в отдельную главу, в то время как здесь следует сосредоточиться на обосновании исследовательского подхода автора.

Как известно, изучение научной деятельности может преследовать различные цели и вестись разными методами³. Один из распространенных подходов заключается в том, что исследуется сам процесс научного познания, раскрывается генезис и развитие тех или иных научных концепций. Другим подходом является социальная история науки, в контексте которого наука изучается именно как социальный институт. В рамках обозначенного подхода обычно исследуются организационные, ресурсные и кадровые предпосылки и факторы научной работы, раскрывается положение ученых как определенной социально-профессиональной группы, выявляются взаимоотношения данной общности с властными структурами. В последнее время появился целый ряд фундаментальных исследований, где реализуется именно такого рода подход⁴. По мнению одного из авторитетных специалистов в области истории советской культурной политики, «главное, что позволяет считать этот подход социальным состоит в том, что он направлен на выявление внешних по отношению

³ Вопросы методологии истории науки обстоятельно рассмотрены в кн.: *Историография естествознания на рубеже нового тысячелетия*. СПб., 2008. Например, в статье И. С. Тимофеева «Абстракции и актуальные дисциплинарные проблемы историографии науки» дается четкое различие предметов истории науки и науковедения (С. 87–123). В свою очередь, в работе С. С. Демидова «Новые тенденции в философии и историографии математики» на примере математики показан переход в исследованиях от преимущественно истории идей к социальной истории данной науки (С. 368–405).

⁴ См., напр.: *Балакин В. С.* Отечественная наука в 50-е – середине 70-х гг. XX в. (Опыт изучения социокультурных проблем). Челябинск, 1997; *Безбородов А. Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х гг. М., 1997; *Козлов Б. И.* Индустриализация России: вклад Академии наук СССР (Очерк социальной истории. 1925–1963). М., 2003; *Артемов Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.

к самому научному знанию факторов, т. е. на изучение комплекса отношений между наукой и обществом»⁵.

Данное исследование выполнено именно в русле социальной истории науки. Изучение собственно «научного задела» представляет наибольшую трудность для гражданского историка, так как в этом случае требуется «вторжение» в науку как систему знаний⁶. Поэтому характеристика научно-познавательного процесса дается в монографии преимущественно через призму его организационного обеспечения и практических результатов. При оценке результатов научных исследований воспроизводятся главным образом положения из официальных документов и суждения авторитетных специалистов.

Вместе с тем, в соответствии с историко-антропологическим подходом, значительное внимание в исследовании уделяется научному быту, повседневной жизни сибирских генетиков. Рассматриваются взаимоотношения внутри научного коллектива, анализируются конфликты. Кроме того, затрагиваются вопросы материального положения ученых, в особенности, «жилищный вопрос», который на тот момент был наиболее острым. Именно изучение повседневной жизни научного учреждения может стать ключом к пониманию парадоксов советской науки⁷.

Избранный подход в русле социальной истории требует адекватной оценки взаимоотношений научного сообщества и власти. Неразрывная связь развития науки с социально-политическими условиями является бесспорным положением. То, что деятельность ученых в существенной мере зависит от общественных порядков и политического строя, – факт в достаточной мере очевидный. Как правило, научное сообщество не живет в отрыве от всей социальной системы, руководствуется определенными реальными интересами как личного, так и профессионально-корпоративного характера. Поскольку

⁵ *Соскин В. Л.* Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. С. 279. Автор – д-р ист. наук, проф. Новосибирского государственного университета, гл. науч. сотр. Института истории СО РАН.

⁶ *Соскин В. Л., Водичев Е. Г.* Методологические аспекты изучения науки как предмета гражданской истории // Развитие науки в Сибири: Методология. Историография. Источниковедение. Новосибирск, 1986. С. 20.

⁷ *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 13.

власть является «верховным распорядителем» материальных ресурсов и, кроме того, нередко ставит перед наукой общезначимые задачи, то вполне очевидно, что история науки – это не только история познавательной деятельности, но и история взаимоотношений ученых с властью.

Названные общие положения получают особую значимость в XX в., когда формируется «большая наука» с ее особыми системными параметрами. В нашей стране данный процесс приобрел значительную специфику в связи суперцентрализацией и идеологическим контролем, характерными для общественной системы того периода. В настоящее время достаточно выявлены неоднозначные последствия такого положения для развития отечественной науки, что, впрочем, нередко приводит к полярным оценкам ее истории в ушедшем столетии. Для одних – время величайших прорывов (например, в ядерной и космической сфере), для других – эпоха подавления интеллигенции, преследований и репрессий.

Реальная история отечественной науки в XX столетии чрезвычайно контрастна. С одной стороны, ряд ее направлений получил небывалую за всю историю нашей страны государственную поддержку, что в значительной мере и обеспечило соответствующие научно-технические прорывы. С другой стороны, бюрократизм, всеобъемлющий контроль, идеологический диктат и репрессии оказывали на развитие отечественной науки очевидное деформирующее воздействие.

Отмеченная выше противоречивость отношений власти и науки прослеживается на примере генетики. В рамках сталинской эпохи здесь доминировали негативные аспекты этих взаимоотношений, влияние власти сказывалось, прежде всего, в идеологическом диктате и репрессиях. Вместе с тем даже в этом случае нельзя не видеть и позитивных результатов государственного патернализма. Ведь условия для подъема генетики в «эпоху Вавилова» в немалой степени являлись следствием государственной политики. Точно также возрождение этой науки в годы «оттепели», а затем ее развитие после низвержения Т. Д. Лысенко с середины 1960-х гг. было бы невозможно без соответствующей поддержки «сверху». Указанная модель взаимоотношений научного сообщества и власти с учетом разнонаправленности действовавших здесь факторов и тенденций применялась при исследовании истории генетики в Новосибирском научном центре.

Глава 1 СУДЬБА ГЕНЕТИКИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ

1.1. Историографический аспект

Как уже говорилось, несмотря на значительную актуальность данной темы, процесс возрождения генетики в Новосибирском научном центре недостаточно раскрыт в работах профессиональных историков. Это требует помимо исторических исследований рассматривать в историографическом контексте и издания другого рода: работы биологов, мемуары, публицистику.

В историографии прослеживаются два этапа, грань между которыми проходит на рубеже 1980–1990-х гг. Важнейшая особенность историографической ситуации в рамках начального этапа – отсутствие собственно исторических исследований по теме, хотя именно историкам принадлежит приоритет в постановке данного вопроса в книге «Новосибирский научный центр» (1962).

Впервые попытка дать общую картину истории генетики в СССР, включая и 1950-е гг., была предпринята по «горячим следам» событий в фундаментальном труде известного английского философа Дж. Бернала (1956). Автор, сдержанно анализируя генетическую дискуссию в СССР, выдвигает при этом ряд весомых утверждений. Так, он указывает, что в годы войны и в послевоенное время идеи Т. Д. Лысенко отвечали настроениям масс и соответствовали политике правительства. Генетические представления, утверждавшие господство наследственности над средой были связаны с расовыми теориями нацистов, в то время как концепция Т. Д. Лысенко более соответствовала официальной идеологии. По мнению Дж. Бернала, в то время ни партия, ни правительство не занимались этим вопросом. Однако новые теории в такой степени согласовывались с существовавшими настроениями и политикой, что беспристрастная оценка научных дискуссий исключалась. Автор отмечает: «Для того чтобы добиться своего, Лысенко не было никакой необходимости ссылаться на одобрение Центрального комитета партии, но он его процитировал и вмешал это учреждение в дела, которые выходили далеко за рамки его компетенции». Далее, Дж. Бернал констатирует по-

ложение в биологической науке, существовавшее на момент издания работы: «Лысенко уже не является президентом Академии сельскохозяйственных наук, и хотя его методы продолжают преподаваться, они подвергаются открытой и даже резкой критике. Все генетики-менделисты, насколько мне известно, возвращены на посты не менее важные, чем те, с которых они были сняты»⁸.

Первые же шаги в непосредственном изучении интересующей нас темы были сделаны уже в ходе рассматриваемых событий. На начальном этапе формирования Института цитологии и генетики в периодической печати появлялись разного рода статьи, очерки, имеющие определенное историографическое значение. Так, в статье Е. Строговой с символическим названием «Стратегия большой науки», опубликованной в 1959 г. в журнале «Новый мир», говорилось о масштабных задачах, стоявших перед сибирскими генетиками и, в связи с этим, о планах молодого коллектива ученых⁹.

Заметное внимание становлению ИЦиГ было уделено в упоминавшейся первой обобщающей работе о создании ННЦ – книге «Новосибирский научный центр», изданной в 1962 г. под редакцией проф. Г. С. Мигиренко. Институту цитологии и генетики здесь посвящен очерк, который сам по себе очень показателен, поскольку несет на себе «печать времени». Характерно, что в нем нет ни единого упоминания как об общем непростом положении генетики в стране, так

⁸ *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956. С. 509–510, 623–624. Интересен тот факт, что Дж. Бернал принимал непосредственное участие в популяризации биологии в СССР. Так, в 1965 г. газета «Комсомольская правда» в статье, посвященной открытиям молодых ученых ИЦиГ, раскрыла обстоятельства появления в институте А. Г. Шерудило: «В 1957 году он попал на “капишник” – традиционную встречу молодежи с известными учеными в Институте физических проблем, у академика Капицы. В тот вечер гостем был Джон Бернал. Кто-то задал знаменитому ученому тот же вопрос: почему он, физик, занялся биологией? Англичанин ответил примерно так: физика изучает общие свойства и законы движения вещества, а жизнь – это самая сложная форма движения материи. Бернал рассказывал долго и увлекательно. И, сам того не ведая, с каждой минутой “записывал” в легион биофизиков все новых и новых парней. Артур был среди них» (*Комс. правда.* 1965. 29 янв.).

⁹ *Строгова Е.* Стратегия большой науки // *Новый мир.* 1959. № 4. С. 184–186.

и о проблемах, стоявших непосредственно перед ИЦиГ. В частности, вся острота ситуации с руководством института завуалирована фразой «обязанность директора института исполняет канд. биол. наук Д. К. Беляев». Поскольку очерк был написан на основании материалов, представленных самим институтом, то здесь имеет место самооценка генетиками своей деятельности и поэтому неудивительно, что в публикации главным образом перечисляются достижения института¹⁰.

После отставки Н. С. Хрущева произошло и падение Т. Д. Лысенко, что дало возможность критиковать его идеи и практику. Однако это не привело к кардинальному изменению в изучении данной темы. Наиболее заметной новацией в историографии этих лет стало появление первой публикации, где отмечались сложные моменты развития генетики в Сибири. Она принадлежала не историкам – это была работа по истории биологии, написанная непосредственно специалистами в названной области. Статья Д. Ф. Петрова, А. В. Железнова и В. Н. Лизнева «Развитие селекции в Сибири за 50 лет Советской власти» примечательна достаточно откровенной для своего времени оценкой ситуации в среде генетики: «Следует отметить, что насаждение догматических положений не могло не оказать влияние на развитие селекции в Сибири. Много труда и времени было потрачено понапрасну на переделку яровых в озимые, на стерневые посевы, на опыты по обновлению семян и т. д. Все генетические и цитологические исследования были полностью прекращены, а многие важные селекционные работы резко сокращены или прерваны <...> Однако в настоящее время наряду с интенсивной работой по созданию новых сортов в Сибири проводятся обширные теоретические исследования по генетическому обоснованию и экспериментальной разработке новых методов селекции». Говоря о причинах улучшения ситуации, они указывают на соответствующую инициативу «сверху», а также на важную роль Сибирского отделения в этом процессе: «Это стало возможным только после нормализации положения в биологической науке, которая последовала за постановлением ЦК КПСС “О положении в биологической науке”. Расширению и развитию биологических исследований в области генетики и селекции в Сибири во многом содействовало создание в г. Новосибирске Сибирского отде-

¹⁰ *Новосибирский научный центр.* Новосибирск, 1962. С. 146–153.

ления Академии наук СССР, в состав которого входит ряд вновь организованных и ранее существовавших биологических институтов и отдельных лабораторий, плодотворно работающих в области цитологии, генетики и селекции культурных растений»¹¹.

Принципиальным рубежом в изучении темы стало появление мемуаров академиков Н. П. Дубинина и М. А. Лаврентьева¹². В них авторы впервые отразили политико-идеологические коллизии вокруг ИЦиГ и, в сущности, сформировали парадигму, которая развертывается в большинстве последующих исследований (с 1990-х гг.).

Общую ситуацию в изучении темы к концу советской эпохи ярко характеризует вышедшая к юбилею Отделения первая обобщающая работа по истории Сибирского отделения – его хроника¹³. Так, в издании ни слова не говорится о коллизиях вокруг Института цитологии и генетики, хотя на тот момент они, как уже отмечалось, были освещены в мемуарах Н. П. Дубинина и М. А. Лаврентьева. Видимо, то, что было позволено сказать «генералам» от науки, являлось изолированным и нестандартным фактом, не определявшим общую ситуацию в историографии. Их воспоминания оказались востребованными только на следующей стадии развития исторических исследований.

Симптоматично, что, несмотря на обилие работ по истории советской науки, изданных в «доперестроечное» время, большая их часть, по понятным причинам, не представляет особой значимости в разработке изучаемой темы. В качестве примера приведем один из наиболее известных трудов – исследование Е. А. Беляева и Н. С. Пышко-вой. В монографии никак не упоминается ситуация вокруг Института

¹¹ Петров Д. Ф., Железнов А. В., Лизнев В. Н. Развитие селекции в Сибири за 50 лет Советской власти // Развитие биологической науки в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1968. С. 237–238.

¹² Мемуары Н. П. Дубинина «Вечное движение» впервые были опубликованы в 1973 г., после чего переиздавались еще два раза. Что касается воспоминаний М. А. Лаврентьева «Опыты жизни. 50 лет в науке», то они впервые были изданы в 1979–1980 гг. в журнале «ЭКО», а затем в расширенном варианте воспроизведены к столетию Михаила Алексеевича в книге «Век Лаврентьева» (2000).

¹³ Академия наук СССР. Сибирское отделение: Хроника. 1957–1982 гг. Новосибирск, 1982.

цитологии и генетики, а само учреждение лишь единожды встречается при перечислении организованных в рамках СО АН институтов¹⁴. То же самое можно сказать и в отношении ряда исторических очерков, посвященных Академии наук СССР. Так, в работе Г. А. Князева и А. В. Кольцова повествуется о двух визитах Н. С. Хрущева в новосибирский Академгородок, однако нет ни слова о его нападках на генетиков¹⁵. В свою очередь, в исследовании Г. Д. Комкова, Б. В. Левшина и А. К. Семенова Институт цитологии и генетики только упоминается наряду с другими биологическими учреждениями¹⁶. Еще показательнее в этом плане монография А. В. Кольцова: здесь присутствует раздел о создании СО АН СССР, однако ничего не говорится об ИЦиГ¹⁷.

Что касается вышедших на данном этапе трудов зарубежных авторов, то здесь следует отметить работу Дэвида Журавски «Дело Лысенко», опубликованную в 1970 г. в Кембридже (Великобритания). Несмотря на наличие в монографии раздела «Победа над самим собой, 1950–1965», хронологические рамки которого соответствуют изучаемым событиям, ситуация вокруг ИЦиГ не рассматривается автором специально. Институт цитологии и генетики СО АН упоминается вскользь. В одном из таких фрагментов, помещенном в «примечаниях», Д. Журавски выдвигает распространенное сомнительное утверждение о поддержке Н. П. Дубинина со стороны местного партийного руководства¹⁸.

¹⁴ Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. Исторический очерк. М., 1979.

¹⁵ Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С. 179.

¹⁶ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов А. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк: В 2 т. М., 1977. Т. 2: 1917–1976. С. 288.

¹⁷ Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961. Л., 1988.

¹⁸ Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, 1970. P. 400. Автор рассматриваемого труда интересен еще и тем, что уже в 1960 г. попал в поле зрения руководства АН СССР благодаря одной из своих публикаций. Так, 19 января 1960 г. член Бюро Отделения биологических наук член-корр. Е. Н. Мишустин отправил проф. М. С. Мицкевичу предложение ознакомиться со статьей проф. Д. Журавского «Марксизм и биологическая наука до Лысенко»,

Качественно новый этап в изучении темы начинается в 1990-е гг. в общем контексте радикальных общественных преобразований, повлиявших и на состояние исторических исследований. Важнейшей особенностью второго этапа стало появление собственно исторических работ по теме.

В региональной историографии первым шагом в новом подходе к теме следует признать монографию А. Г. Осипова «Сибирь и НТР: Исторический аспект». Фрагмент работы на эту тему не выделен в отдельный структурный раздел¹⁹, хотя в нем вводятся в научный оборот некоторые ценные источники, в том числе материалы Президиума СО АН. В частности, здесь излагается стенограмма совместного заседания Президиума Отделения и комиссии ЦК КПСС 21 января 1959 г.

Вместе с тем названный автор несколько упрощает картину событий вокруг ИЦиГ. Так, анализ мемуаров М. А. Лаврентьева ограничивается пересказом соответствующих страниц из журнала «ЭКО», где впервые был опубликован данный источник. Помимо этого в работе некритично воспроизведено сомнительное утверждение первого директора Института цитологии и генетики Н. П. Дубинина о поддержке генетиков со стороны Новосибирского обкома КПСС. Результатом такого подхода к источникам явилось далеко не бесспорное утверждение А. Г. Осипова, что после посещения Н. С. Хрущевым новосибирского Академгородка (10 октября 1959 г.) положение генетиков нормализовалось: «Коллектив Института цитологии и генетики оста-

опубликованной в журнале «История развития идей» (США) в январе 1959 г. 4 мая 1960 г., аналогичная просьба поступила и проф. И. И. Новицкому от зам. академика-секретаря ОБН член-корр. Г. К. Хрущова. Представляет интерес отзыв И. И. Новицкого, который пришел к следующему заключению: «В качестве общего вывода следует признать, что желание проф. Д. Журавского раскрыть связь между марксистской мыслью и биологической наукой, само по себе положительное и в научном отношении полезное, не получило однако должного осуществления. Оказался не установленным в необходимой мере тот фактический материал, который должен был послужить основой для предпринятого автором исторического исследования» (АРАН. Ф. 534. Оп. 11. Д. 480. Л. 1, 14–20).

¹⁹ Осипов А. Г. Сибирь и НТР: Исторический аспект. Красноярск, 1989. С. 122–127.

вили в покое, но руководство его Сибирское отделение было вынуждено сменить, хотя и не по своей воле». Кроме того, как следует из приведенного выше фрагмента, автор заметно снизил остроту вопроса, связанного с отставкой Н. П. Дубинина.

В этой связи вызывает недоумение то, как названный автор представляет финал ситуации вокруг ИЦиГ в одной из своих последних работ, в статье «“Большая” политика и “большая” наука Сибири на пике “оттепели”», где, в частности, пишет: «Посещение Хрущевым Академгородка и одобрение деятельности коллектива научного центра нормализовало обстановку вокруг Сибирского отделения АН СССР»²⁰.

Наряду с отечественной историографией вопроса значительный интерес представляет зарубежная, где приоритетное место занимает монография Пола Джозефсона²¹ «Возвращение новой Атлантиды: Академгородок – сибирский город науки», изданная в США в 1997 г. Во многих отношениях работа не имеет аналогов, поскольку в ней комплексно рассматривается история Академгородка не только как научно-структурного подразделения СО АН СССР/РАН, но и как особого социально-политического феномена.

Значительную ценность представляет раздел исследования, посвященный возрождению генетики в Новосибирском научном центре, который можно рассматривать как первый исторический очерк, дающий общую картину развития событий. В сущности, впервые поставленная проблема рассматривается в содержательном тексте в виде главы с использованием разнообразных источников. Данная глава называется «Сибирь – страна вечнозеленых помидоров»²².

²⁰ *Он же*. «Большая» политика и «большая» наука Сибири на пике «оттепели» // Общественно-политическая жизнь Сибири: XX век: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 222.

²¹ Пол Р. Джозефсон – американский историк, автор работ в области социальной истории советской и российской науки, в т. ч. монографий: *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkley, 1991; *Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*. New York, 1999.

²² *Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton, 1997. P. 82–119. Рассматриваемая глава включает в себя следующие параграфы: «Девять жизней Трофима Денисовича Лысенко», «Генетика в подполье», «Наполеон приходит на помощь», «Институт цито-

Процесс становления генетических исследований в ННЦ воссоздается автором в широких хронологических рамках от момента создания Института цитологии и генетики и до середины 1990-х гг. При этом немалое внимание П. Джозефсон уделяет конкретным личностям, дает развернутые биографические характеристики многих ученых. Сильной стороной работы является широта источниковой базы: использованы материалы партийного делопроизводства из Государственного архива Новосибирской области, документы научно-организационных структур из Научного архива СО РАН; ценнейшая часть работы – интервью участников событий.

Вместе с тем, признавая значимость исследования П. Джозефсона, необходимо отметить наличие в его работе некоторых спорных положений и ряда неточностей. Возможно, в силу того, что автор первым предпринял попытку комплексного изучения сложного вопроса возрождения генетики в новосибирском Академгородке, ему не удалось в полной мере разобраться со всеми его реалиями. Несмотря на достаточно широкий круг привлеченных источников, исследователь по непонятным причинам не использовал такой ключевой исторический источник как мемуары М. А. Лаврентьева. Можно предположить, что именно по причине некоторой неполноты источниковой базы американский автор допускает ряд неудачных интерпретаций.

Так, во вступительной части главы он пишет: «После смерти Сталина, Дубинин, как ученый, придерживающийся своей точки зрения, который учился вместе с основоположниками советской генетики, боролся за освобождение биологии от власти “лысенковщины”. К нему присоединились Дмитрий Беляев, Юрий Керкис²³ и другие специалисты, которые занимали незначительные должности во времена Лысенко». Между тем в упомянутый период Д. К. Беляев не был широко известным специалистом и его нельзя ставить в один ряд с Ю. Я. Керкисом, который уже в довоенное время имел определенный научный вес.

логии и генетики: персоналии и возрастающие трудности», «Институт без стен открывает свои двери», «Индустриализация сельского хозяйства», «Будут ли зеленые помидоры в 1990-х гг.».

²³ П. Джозефсон неверно указал имя известного генетика – Юлия Яковлевича Керкиса, – далее в рассматриваемом тексте эта ошибка будет многократно повторяться.

Далее Джозефсон отмечает: «Будучи в течение шести лет лишенным своих возможностей, институт вынужден был занимать полулегальное положение. Такие соратники Дубинина как Беляев и Керкис, Раиса Берг, Петр Шкварников и Рудольф Салганик обеспечили успех сибирской генетики. Эти уникальные, сильные люди сумели каким-то образом пережить 20 лет “лысенковщины”, ведя подпольные генетические исследования». В приведенном выше фрагменте мы обнаруживаем значительное число противоречий и неточностей. Во-первых, тезис о «полулегальном положении» института хотя и встречается в ряде других публикаций, но представляется излишне категоричным. Во-вторых, неточность допущена автором при перечислении коллег Н. П. Дубинина. В частности, Р. Л. Берг приехала в Академгородок лишь в 1963 г.

Следующим шагом в изучении рассматриваемой темы стала монография Н. А. Куперштох «Кадры академической науки в Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.)». В ее второй главе имеется раздел «Ученые и власть: модели взаимодействия», написанный на материалах Института цитологии и генетики²⁴. Здесь представлены основные вехи его развития, рассмотрены проблемы, с которыми институту пришлось столкнуться с начала его существования.

Вместе с тем названное исследование не исчерпало всех резервов в изучении данной сложной темы. Это касается, прежде всего, источниковой базы: в книге использованы преимущественно материалы Президиума СО АН, имеющиеся в Научном архиве СО РАН (НАСО). Кроме этих источников привлечены лишь некоторые документы партийных органов из Государственного архива Новосибирской области. Возможно, именно в силу некоторой неполноты использованного круга источников порой в рассматриваемой работе встречаются недостаточно обоснованные суждения. В частности, правильный в целом тезис, что генетика в новосибирском Академгородке начинала развиваться в «относительно благоприятных условиях» подтверждается, в том числе положением, что «сотрудники Института цитологии и генетики получали квартиры в первую очередь». Это утверж-

²⁴ *Куперштох Н. А.* Кадры академической науки в Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999. С. 58–69. Автор – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института истории СО РАН.

дение не совсем согласуется с историческими фактами. Несколько упрощенным выглядит и сформулированный в рассматриваемом исследовании вывод, что с середины 1960-х гг. ситуация в генетике нормализовалась²⁵.

Продолжением исследований названного автора явилась статья «Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН», опубликованная в журнале «Вестник РАН»²⁶. Наибольшую ценность данной публикации придает анализ новейшей истории института, в том числе деятельности акад. В. К. Шумного на посту директора, освещение современного состояния исследований.

Для более глубокого понимания исторического контекста рассматриваемых событий следует также отметить ряд исследований, раскрывающие сложный во всех отношениях период, с легкой руки писателя И. Г. Эренбурга получивший название «оттепели». В настоящее время вышли в свет обобщающие издания, позволяющие глубже понять социально-политический контекст интересующей нас ситуации²⁷. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в упомянутых работах действия Т. Д. Лысенко, положение генетиков не рассматриваются специально. Тем не менее, имеется ряд биографических исследований, посвященных личности Н. С. Хрущева, в которых ситуация в биологии нашла определенное отражение.

Здесь в первую очередь следует обратить внимание на монографию американского историка У. Таубмана. Он, в частности, указывает на сотрудничество Н. С. Хрущева и Т. Д. Лысенко в бытность первого руководителем ЦК КП(б) Украины и отмечает личную симпатию Никиты Сергеевича к «народному академику»²⁸. В свою очередь, в книге Р. А. Медведева по этому поводу высказывается несколько иная точка зрения. Так, он пишет о конфликтных отношениях Н. С. Хрущева и Т. Д. Лысенко в послевоенный период. Однако

²⁵ Там же. С. 60, 62, 68–69.

²⁶ Она же. Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 6. С. 546–555.

²⁷ Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; Емельянов Ю. В. Хрущев: смутьян в Кремле. М., 2005; Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.

²⁸ Таубман У. Хрущев. М., 2005. С. 151, 229.

личные связи в окружении Первого секретаря и активная пропаганда всех его предложений, позволили Т. Д. Лысенко завоевать доверие Н. С. Хрущева. Кроме того, названный автор непосредственно касается истории отставки Н. П. Дубинина с поста директора Института цитологии и генетики СО АН в октябре 1959 г. По его мнению, отстранение Н. П. Дубинина, состоявшееся по личному распоряжению Н. С. Хрущева, было связано со стремлением Т. Д. Лысенко скомпрометировать своего давнего противника и удалить его от руководства институтом, который к тому же добился существенных успехов в применении генетических методов²⁹.

Что касается работ отечественных науковедов и историков, то здесь за несколько десятилетий исследований сформировался объемный историографический массив. Для более глубокой ориентировки в этом информационном «море» следует использовать историографическую статью Е. Т. Артемова³⁰. Однако, как уже отмечалось, основная их часть не внесла ощутимого вклада в исследование рассматриваемой темы.

Тем не менее, в последнее время появились работы, написанные в избранном нами русле социальной истории, которые позволяют в целом рассмотреть положение науки в СССР, политику властей в этой сфере³¹. Особое внимание следует уделить монографии В. С. Балакина, так как здесь относительно подробно рассмотрена ситуация с генетикой. В частности, автор выдвигает мнение, что в начале 1960-х гг. произошло ухудшение условий для развития генетики. Вместе с

²⁹ Медведев Р. Никита Хрущев. Отец или отчим советской «оттепели». М., 2006. С. 458–463.

³⁰ Артемов Е. Т. Отечественная историография советской научно-технической политики // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. Автор – д-р ист. наук, зам. директора Института истории и археологии УрО РАН.

³¹ Балакин В. С. Отечественная наука в 50-е – середине 70-х гг. XX в. (Опыт изучения социокультурных проблем). Челябинск, 1997; Безбородов А. Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х гг. М., 1997; Козлов Б. И. Индустриализация России: вклад Академии наук СССР (Очерк социальной истории. 1925–1963). М., 2003; Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. М., 2006.

тем одно из высказываний названного автора представляется нам совсем точным. Говоря о снятии в 1962 г. Т. Д. Лысенко с поста президента ВАСХНИЛ, он пишет: «Но Т. Д. Лысенко оставался директором единственного в стране Института генетики». При этом уже на следующей странице указывается: «В противовес партийному давлению Институт цитологии и генетики в новосибирском Академгородке, лаборатории биологов в Москве и Ленинграде умножали свои усилия в изучении хромосомной теории, наследственных признаков»³².

Помимо обобщающих работ по истории советской науки, необходимо выделить труды историков, посвященные непосредственно развитию науки в Сибири. Общий анализ данных работ проведен в статье Е. Г. Водичева и Ю. И. Узбековой³³.

Следует отметить, что в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. издано значительное количество работ, в том числе тематических сборников, по самым разным аспектам истории сибирской науки³⁴. Тем не менее, изучаемая тема в них не затрагивалась. Лишь в некоторых работах «вскользь» затронуты проблемы развития генетики. Так, в статье Г. В. Шойдиной «Формы организации научных исследований в области сельского хозяйства в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. (на примере Западной Сибири)» повествуется о сотрудничестве генетиков ИЦиГ и ученых созданного в 1969 г. Сибирского отделения ВАСХНИЛ в области селекционных работ. В частности, упоминается целевая программа «Генетические основы селек-

³² Балакин В. С. Указ. соч. С. 91–92.

³³ Водичев Е. Г., Узбекова Ю. И. Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004.

³⁴ *Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект.* Новосибирск, 1988; *Социально-исторические аспекты организации науки в Сибири.* Новосибирск, 1989; *Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг.* Новосибирск, 1990; *Кадры науки в советской Сибири: проблемы истории.* Новосибирск, 1991; *Вишнякова Л. А. Государственное управление развитием науки в Западной Сибири (середина 50-х – середина 60-х гг.).* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992; *Водичев Е. Г. Путь на восток. Формирование и развитие научного потенциала Сибири. Середина 50-х – 60-е гг.* Новосибирск, 1994.

ции яровой пшеницы для Западной Сибири, Алтая, Зауралья и Северного Казахстана», по которой с 1973 г. работали селекционеры под руководством Института цитологии и генетики. Сам факт сотрудничества ученых из враждовавших в недалеком прошлом организаций выглядит весьма характерным. Однако автор никак не комментирует этот момент. Кроме того, говоря о трудностях в организации сельскохозяйственных центров, в исследовании отмечается проблема нехватки специалистов, в том числе генетиков и цитологов, однако причины такого положения дел не затрагиваются³⁵.

Следует особо отметить исследование Е. Г. Водичева, где, несмотря на отсутствие сюжета о сибирских генетиках, выдвигаются некоторые общие положения о ситуации с генетикой в целом по стране. В частности, им утверждается: «Как показывают исследования, несмотря на сильнейшее давление со стороны политического режима, в середине 50-х – начале 60-х гг., не удалось полностью уничтожить эти научные направления. Ученые находили лакуны и “институциональные ниши” для продолжения своих “опальных” исследований. В силу этого совершенно очевидно, что нельзя изучать историю науки при Хрущеве, следуя логике официальных деклараций и постановлений – картина будет явно искаженной. Но характер и тон этих постановлений, касающихся, например, генетики, явно передает беспомощность и раздражение администрации»³⁶.

Данная позиция получила некоторое развитие в одной из последующих работ Е. Г. Водичева, где, говоря об идеологической компоненте научной политики в СССР, он отмечал: «И во времена Н. С. Хрущева, и в более поздний период господствующим оставался подход, при котором наука в СССР рассматривалась только через призму марксистской теории. При этом единственно верным гарантом “чистоты принципов” марксизма-ленинизма оставалась коммунистическая партия. Сохранение такого положения в принципе не исключало рецидивов сталинского идеологического обскурантизма в науке, т. е. прямого навязывания ученым тех или иных интерпретаций научных

³⁵ Шойдина Г. В. Формы организации научных исследований в области сельского хозяйства в конце 60-х – первой половине 70-х гг. (на примере Западной Сибири) // *Формы организации науки в Сибири...* С. 211–212.

³⁶ Водичев Е. Г. Путь на восток... С. 27.

теорий, искажающих саму суть научного познания. И действительно, как показала практика, гарантировать себя от них научному сообществу полностью не удалось и при Н. С. Хрущеве, свидетельством чего стал новый расцвет “лысенковщины”³⁷.

Рассмотренный подход представляется нам несколько упрощенным. Для полноты картины приведем мнения авторитетных специалистов по истории и философии науки. Так, в недавно вышедшей коллективной монографии «Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века)» точка зрения, согласно которой дискуссии по важнейшим проблемам науки в рассматриваемый период утрачивали характер научных и становились идеологическими кампаниями, признается недостаточно верной. В частности, отмечается: «Действительно, вмешательство партийно-государственного руководства в дела науки, участие философов в названных дискуссиях с критикой новаторских научных направлений, идеологизация науки – неоспоримые факты. Но к этому дело не сводится. Видимо, в формировании однозначных, односторонних выводов сказались психологические особенности общественного сознания – стремление к свертыванию информации до четких, однозначно воспринимаемых формул, установка на поиск простых решений серьезных проблем. В действительности дело обстояло сложнее»³⁸.

В свою очередь, историк науки Э. И. Колчинский, связывая появление «лысенкоизма» с попытками создать в 1920-е гг. «пролетарскую» биологию, утверждает: «Однако не только, и даже не столько политическое руководство, сколько ученые были главными инициаторами идеологизации естествознания»³⁹.

Характерная точка зрения представлена в публикации А. В. Кожевникова. По мнению автора, в послевоенное время наука в СССР стала делом особой государственной важности, а ученые преврати-

³⁷ *Он же*. Управление наукой в СССР во второй половине XX века – факторы инерции и точки роста // Традиции и новации в духовной культуре Сибири XVII–XX вв. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 112–113.

³⁸ *Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века)*. М., 2008. С. 7.

³⁹ *Колчинский Э. И.* Попытки «советизации» биологии в Ленинграде в годы «культурной революции» (1929–1932) // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 265.

лись в одну из элитных групп советского общества. Тем самым определенные ритуалы, существовавшие в партийной жизни, были перенесены из политической среды в академическую. Ученые были «приглашены сыграть в игры» с открытой повесткой и результатами, стимулировавшими инициативу снизу, конфликты и критику. Стремясь получить поддержку «сверху», ученые старались перевести концептуальные, институциональные, а также групповые и личные интересы на понятный политикам язык⁴⁰.

В последние годы вышли в свет несколько работ И. С. Кузнецова, посвященные непосредственно истории новосибирского Академгородка. Они важны для общего понимания ситуации в Новосибирском научном центре и, кроме того, в них содержатся некоторые фрагментарные упоминания об ИЦиГ, представлен ряд документов, касающихся данного института⁴¹.

Небольшой фрагмент, посвященный Институту цитологии и генетики, помещен в главе «Создание» фундаментального издания «Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк», вышедшего к полувековому юбилею СО РАН. Вместе с тем интересующий нас сюжет представлен здесь с некоторыми неточностями. В частности, датой отставки директора ИЦиГ Н. П. Дубинина как и во многих других работах ошибочно назван январь 1960 г. Кроме того, в данном тексте отражена весьма спорная позиция о длительном прессинге в отношении института: «По воспоминаниям В. К. Шумного, в то время молодого сотрудника Института цитологии и генетики, а в последующем его директора и академика, «наш институт много лет “висел на волоске”»⁴².

⁴⁰ *Кожевников А. В.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 52–53.

⁴¹ *Кузнецов И. С.* Рождение Академгородка. 1957–1964. Документальная летопись: Учеб. пособие по спецкурсу. Новосибирск, 2006; *Он же*. У истоков Академгородка: Строительство Города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск, 2007; *Он же*. Новосибирский научный центр: Хроника становления: Учеб. пособие к спецкурсу. Новосибирск, 2007. Автор – д-р ист. наук, проф. Новосибирского государственного университета.

⁴² *Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк.* Новосибирск, 2007. С. 143. Подробнее об этой работе см.: *Кузнецов И. С.*

Следующий раздел историографии составляют специальные работы по истории биологии, большинство из которых были написаны специалистами в этой области. Переходя к рассмотрению данных исследований, необходимо обратить внимание на изданную еще в «перестроечные» годы книгу А. Е. Гайсиновича. В исследовании упоминается ИЦиГ, однако автор допускает ряд неточностей. Так, он пишет: «В 1958 г. в Новосибирске в составе Сибирского отделения АН СССР по инициативе его председателя академика М. А. Лаврентьева (1900–1980) был организован Институт цитологии и генетики, возглавлявшийся первые три года Н. П. Дубининым...»⁴³. Как видим, здесь неверно указан год основания института и несколько увеличен срок пребывания Н. П. Дубинина на посту директора.

В работе В. Я. Александрова также в контексте общей истории генетики затрагивается деятельность ИЦиГ. В частности, отмечается: «Первостепенно важным для возрождения генетики и цитологии в нашей стране было принятое в мае 1957 г. постановление Совета Министров СССР об организации Сибирского отделения АН СССР и строительстве вблизи Новосибирска научного городка, включившего Институт цитологии и генетики»⁴⁴. Вместе с тем, автор дает ошибочную датировку отставки Н. П. Дубинина, называя январь 1960 г., приводит крайне сомнительную версию о поддержке генетиков первым секретарем Новосибирского обкома Ф. С. Горячевым⁴⁵. В то же время рассматриваемый труд интересен рядом концептуальных положений. Так, изучаемый нами период «оттепели» представлен следующим образом: «Как видим, борьба за перестройку биологии начиная с 1954 г. вплоть до осени 1964 г. шла в условиях, когда глава партии, Хрущев, неотступно верил в то, что деятельность Лысенко необходи-

Фундаментальные издания к 50-летию СО РАН. Рец. на кн.: Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск, 2007. 510 с.; Российская академия наук. Сибирское отделение: Персональный состав. Новосибирск, 207. 603 с.; Российская академия наук. Сибирское отделение: Стратегия лидеров. Новосибирск, 2007. 544 с. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 265–269.

⁴³ Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988. С. 325.

⁴⁴ Александров В. Я. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб., 1992. С. 178.

⁴⁵ Там же. С. 190.

ма для преуспевания нашего сельского хозяйства. Тормозящее влияние этого обстоятельства на нормализацию биологии нарастало по мере того, как набирала силу власть Хрущева»⁴⁶.

В свою очередь, другой известный автор – Ж. А. Медведев, – дает следующую периодизацию: первая половина 1960-х гг. характеризуется усилением «лысенкоизма», хотя преодоление абсолютного господства Т. Д. Лысенко началось еще в 1952 г.⁴⁷

Вопрос о хронологии событий представляется особенно важным в свете диаметрально противоположных точек зрения, встречаемых в литературе. Так, в ряде публикаций сложные события конца 1950-х – начала 1960-х гг., в сущности, остаются «в тени». В качестве примера можно привести работу Е. Г. Трубецковой и А. Д. Трубецкого, где, в частности, отмечается: «...умирает И. В. Сталин. В генетике быстро происходит возвращение работ в прежнее русло – лженаучность “лысенковщины” не нужно было даже доказывать»⁴⁸. Еще однозначнее подобное суждение высказано в публикации Н. Делоне «Как физики спасали генетику»: «...уже к концу пятидесятых годов прошлого столетия догмы молекулярной генетики захватили умы большинства ученых мира. <...> Как волной смыло “лысенковство” в Советском Союзе»⁴⁹.

В то же время в некоторых других работах, наоборот, «за скобками» остаются все положительные сдвиги, происходившие в годы «оттепели». Так, в биографической работе Н. М. Артемова и Т. Е. Калининой, посвященной С. С. Четверикову безапелляционно утверждается: «Послевоенный период характеризовался дальнейшим усилением террора “лысенковцев”. Своей кульминации он достиг в 1948 г., когда была организована августовская сессия ВАСХНИЛ, на которой научная генетика была предана анафеме. После нее, вплоть до 1960-х годов, происходила не борьба двух направлений науки, а односторон-

⁴⁶ Там же. С. 175.

⁴⁷ Медведев Ж. А. Взлет и падение Лысенко. М., 1993. С. 192, 290.

⁴⁸ Трубецкова Е. Г., Трубецков А. Д. История публикации книги Л. И. Гутилевского «Заметки к павловскому учению о слове “цензура”» как социокультурный феномен. Саратов, 2007. С. 212.

⁴⁹ Делоне Н. Как физики спасали генетику // Здравый смысл. 2009. № 1. С. 33.

нее преследование генетиков и выкорчевывание научных основ биологии путем подмены их “творческим дарвинизмом”⁵⁰.

Данную позицию разделяет акад. В. А. Струнников: «Многие надеялись, что после смерти Сталина эра “лысенковцев” закатится. Но, увы! Она продолжалась еще 12 лет. <...> Ходили смутные слухи о возможных переменах, но они не подтвердились, наоборот, активность “лысенковцев”, значительно усилилась»⁵¹. Такую же крайнюю точку зрения излагает С. Э. Шноль: «Нам молодым, казалось, что эта дикость не может продолжаться долго. Но прошло 16 лет. Только в 1964 году, после падения Хрущева был разоблачен Лысенко. Но еще много лет не могла подняться на ноги поверженная наука»⁵².

Кроме того, рубеж 1964 г., отмеченный во многих работ как переломный момент, также представляется далеко не однозначным. В частности, по мнению А. П. Акифьева, настоящая свобода для генетиков после снятия Н. С. Хрущева не наступила, так как при Л. И. Брежнев начался возврат к «сталинизму» и критика Т. Д. Лысенко была сведена на нет⁵³. Близкая точка зрения прослеживается в статье Э. И. Колчинского и М. Б. Конашева: «Считается, что период новых “заморожек” для генетиков был относительно непродолжительным. После октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., сместившего Н. С. Хрущева, генетика в нашей стране как будто вновь получила права гражданства. Но в полный голос о ее судьбе, о “лысенковщине” ученые и писатели смогли заговорить лишь в 1987 г.»⁵⁴.

Завершим рассмотрение «хронологической» проблемы точкой зрения известного советского философа И. Т. Фролова. В его книге «Генетика и диалектика», изданной еще в 1968 г. утверждает: «Начало 60-х годов было отмечено <...> новыми попытками Т. Д. Лысен-

⁵⁰ Артемов Н. М., Калинина Т. Е. Сергей Сергеевич Четвериков, 1880–1959. М., 1994. С. 123.

⁵¹ Струнников В. А. Шелковый путь. М., 2004. С. 196.

⁵² Шноль С. Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997. С. 253. См. также более позднюю работу: *Он же*. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд., доп. М., 2001.

⁵³ Акифьев А. П. Генетика и судьбы. М., 2001. С. 29.

⁵⁴ Колчинский Э. И., Конашев М. Б. Как «Правда» учила «Ботанический журнал» // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 54.

ко и его сторонников повернуть вспять развитие советской генетики, взять своеобразный “реванш”, за поражения, полученные в предшествующие годы <...> Но какого-либо осязаемого успеха эти попытки уже не имели. Октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС положил конец субъективистским притязаниям...»⁵⁵.

Кроме рассмотренных работ, по интересующей теме имеется определенное количество исследований, находящихся на грани историко-научной и публицистической литературы. В известной мере это относится и к ряду уже перечисленных работ, но, прежде всего, здесь следует сказать о трудах известного исследователя истории отечественной биологии В. Н. Сойфера. Оценивая содержательную сторону работ этого автора, следует иметь в виду их крайнюю тенденциозность, которая, видимо, определяется двумя факторами. Во-первых, его трудам свойственен крайний антикоммунизм, что проявилось даже в названии его основной монографии «Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР)». Во-вторых, судя по всему, у автора имеются основания для личной неприязни к некоторым участникам событий, например, к Н. П. Дубинину.

В этой связи бросаются в глаза некоторые характерные вехи биографии

В. Н. Сойфера. Так, на обложке упомянутой выше книги приводится следующая информация: «Сойфер В. Н. – автор книг по молекулярной генетике, структуре нуклеиновых кислот, мутагенезу и истории науки. С 1961 по 1988 гг. работал в Москве (в Институте атомной энергии им. Курчатова и др.). В 1988 г. лишен советского гражданства и эмигрировал в США. В настоящее время – директор лаборатории молекулярной генетики. Заслуженный профессор университета им. Дж. Мейсона (США)»⁵⁶.

Кроме того, на обложке книги приведены также слова почетного президента Рокфеллеровского университета, лауреата Нобелевской премии Джозуа Ледерберга: «Я считаю, что никто лучше не подготовлен чем Валерий Сойфер для исследования трагического периода

⁵⁵ Фролов И. Т. Генетика и диалектика. М., 1968. С. 114. См. также более позднее издание: *Он же*. Избранные труды: в 3-х т. М., 2002. Т. 2. Философия и история генетики.

⁵⁶ Подробное изложение обстоятельств эмиграции В. Н. Сойфера дается в его последней работе. См.: *Сойфер В. Н.* «По личному поручению товарища Сталина»: псевдонаука в СССР. М., 2007. С. 310–325.

в истории СССР. Сойфер проявил экстраординарные научные качества историка, скрупулезность в документальном анализе».

Надо сказать, что Нобелевский лауреат явно преувеличивает степень заслуг

В. Н. Сойфера. Здесь возникает и другой вопрос: на каком основании не историк судит о качестве исторического труда?

Вместе с тем следует признать, что книга В. Н. Сойфера «Власть и наука» является наиболее значимой работой по истории генетики в СССР. В рассматриваемом труде имеется небольшой раздел под названием «Хрущев вмешивается в работу Сибирского Института цитологии и генетики», где представлена изучаемая тема. Однако следует отметить крайнюю ограниченность источниковой базы данного текста: он основывается главным образом на опубликованных мемуарах акад. М. А. Лаврентьева, которые используются как абсолютно исчерпывающий источник.

Впрочем, в одном из подстрочных примечаний высказываются некоторые сомнения относительно достоверности названных воспоминаний. Так, В. Н. Сойфер указывает на отсутствие истории с Т. Д. Лысенко в книге М. А. Лаврентьева «Прирастать будет Сибирью» и на трудности, с которыми столкнулась первая публикация его мемуаров в журнале «ЭКО». Автор делает предположение, что в книгу материал не попал из-за нежелания редакторов и цензоров «ворочить прошлое, так ясно рисующее методы “управления наукой при еще недоразвитом в ту пору социализме”»⁵⁷. Данное утверждение представляется весьма спорным. Достаточно вспомнить мемуары акад. Н. П. Дубинина: они появились еще раньше воспоминаний М. А. Лаврентьева, и в них также большое внимание было уделено противостоянию с «лысенковщиной».

Помимо названного труда, В. Н. Сойфер недавно издал работу, посвященную непосредственно Н. П. Дубинину, в которой содержится глава о сибирском периоде его деятельности⁵⁸. Эта новая книга представляет определенный интерес для понимания личности Н. П. Дуби-

⁵⁷ *Сойфер В. Н.* Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 862.

⁵⁸ *Он же.* Тень Ленина его усыновила...: Документальный детектив об одном Ленинском лауреате и советских генетиках. М., 2006. С. 225–228. Автор указывает, что названная книга «вчерне» была завершена в 1988 г., но находилась «в столе».

нина, но раздел под названием «Частичный переезд в Сибирь» достаточно скуден в отношении фактического материала. Единственное, что может иметь существенное значение, – утверждение В. Н. Сойфера, согласно которому М. А. Лаврентьев предложил возглавить Институт цитологии и генетики сначала А. Н. Жебраку⁵⁹ и лишь после его отказа выбор пал на Н. П. Дубинина. В остальном данная глава не вносит ничего нового и, более того, в ней повторяются ошибки и сомнительные версии, которые допускает в своих работах Н. П. Дубинин. Например, названный автор пишет: «И как ни сопротивлялся Дубинин, как ни искал поддержки у секретаря Новосибирского обкома партии Ф. С. Горячева и председателя СО АН СССР М. А. Лаврентьева, пришлось ему в 1960 г. покинуть пост директора института в Сибири и перебраться навсегда в Москву». Датой отставки ошибочно называется 1960 г., – здесь, видимо, В. Н. Сойфер доверился материалам книги Н. П. Дубинина «Вечное движение», что подтверждается сноской в конце главы.

Надо сказать, что 1990-е гг. ознаменовались публикацией значительного числа сборников как по истории науки в целом, так и по истории биологии⁶⁰. Некоторые из представленных в них работ ценны для понимания контекста рассматриваемых проблем, для более четкого представления об отдельных сюжетах. Например, в статье М. Б. Конашева «Холодная война, генетика и “спецхран”» показана роль специальных отделов главных научных библиотек и архивов в противоборстве генетиков и «лысенковцев»⁶¹. В ряде работ содержатся фрагментарные упоминания об Институте цитологии и генетики СО АН. Так, в исследовании Е. С. Левиной отмечается: «Среди академических центров в Сибири и на Дальнем Востоке область экспериментальной биологии была представлена главным образом в новосибирском Академгородке (Институт цитологии и генетики и Институт органической химии СО АН СССР, кафедра генетики Ново-

⁵⁹ Жебрак Антон Романович (1901–1965) – советский генетик, академик, в 1945–1948 гг. возглавлял Академию наук Белорусской ССР.

⁶⁰ См. напр.: *Репрессированная наука*. Л. 1991; *Российская Академия наук. 275 лет служения России*. М., 1999; *За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки*. СПб., 2002.

⁶¹ *Конашев М. Б.* Холодная война, генетика и «спецхран» // *За «железным занавесом»...*

сибирского государственного университета) и Владивостоке (Институт биологии моря), однако в силу принятой в Союзе традиции централизации науки, условия, в которые были поставлены эти научные учреждения (финансирование, кадры) долго не позволяли ученым достигнуть в этой области конкурентоспособного с мировым уровнем»⁶².

Как видим, справедливо отмечая трудности материального плана, автор вместе с тем умалчивает о идеологическом прессинге в отношении генетиков и о том, что финансовые и кадровые проблемы во многом были вызваны именно этим.

Следует сказать несколько слов и о статье В. Д. Есакова, посвященной истории РАН в XX в. Данная публикация интересна, прежде всего, тем, что в ней создание СО АН рассматривается как фактор, затормозивший борьбу с «лысенковщиной». Повествуя о строительстве научного городка в Пущине, автор приводит высказывание акад. А. Н. Несмеянова: «“Благодаря” соперничающим стройкам в Новосибирске и под Ногинском, – писал академик А. Н. Несмеянов, – ввод в строй главного наступательного оружия в борьбе с Лысенко задержался так надолго, что потерял смысл: Лысенко сошел со сцены гораздо раньше окончания пущинского строительства»⁶³.

Отметим также и две книги по истории генетики, написанных И. А. Захаровым⁶⁴. Пожалуй, наибольшую значимость здесь имеет утверждение автора, согласно которому к 1964 г. в СССР существовало, по меньшей мере, 5 научных учреждений, широко проводивших генетические исследования⁶⁵.

Существенный интерес представляет работа А. И. Ермолаева, посвященная развитию генетических исследований в Казанском государственном университете. Здесь, помимо прочего, представлена не-

⁶² Левина Е. С. Биотделения АН СССР и развитие новых направлений экспериментальной биологии (1930–1980-е гг.) // Российская Академия наук. 275 лет служения России... С. 646.

⁶³ Есаков В. Д. Российская академия наук в XX столетии // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 2. С. 116–117. Автор – д-р ист. наук, науч. сотр. Института российской истории РАН.

⁶⁴ Захаров И. А. Генетика в XX веке. Очерки по истории. М., 2003. *Он же*. Генетика во второй половине XX века (личный взгляд). М., 2004. Автор – член-корр. РАН, д-р биол. наук, проф. МГУ.

⁶⁵ Захаров И. А. Генетика во второй половине XX века... С. 21.

стандартная точка зрения относительно фигуры В. Н. Столетова⁶⁶. Дело в том, что в литературе, причем как в научной, так и публицистической, о нем распространено мнение как о «лысенковце»⁶⁷. В качестве примера приведем статью М. П. Солнцевой. Автор, повествуя о том, как в 1957 г. на должность заведующего кафедрой генетики МГУ претендовал А. Д. Жебрак, утверждает: «Но этого не допустил В. Н. Столетов, к тому времени уже ставший министром высшего образования СССР»⁶⁸. Да, тот самый, кто был организатором сессии ВАСХНИЛ 1948 г., кто был связующим звеном между ВАСХНИЛ и ЦК...». И далее делается вывод: «Постфактум конкурс был отменен и через год он сам стал заведующим кафедрой генетики МГУ»⁶⁹.

Между тем, по мнению А. И. Ермолаева, именно приход на кафедру В. Н. Столетова способствовал тому, чтобы в МГУ появились предпосылки преодоления «лысенковщины». В работе утверждается, что в 1930-х – 1940-х гг. В. Н. Столетов был одним из ближайших сподвижников «народного академика», однако впоследствии отошел от него⁷⁰.

Говоря о работах по истории биологии, вышедших в последнее время, следует особое внимание обратить на фундаментальный труд

⁶⁶ Столетов Василий Николаевич (1907–1989) – советский государственный деятель и ученый. Министр высшего образования СССР (1951–1953), высшего и среднего специального образования РСФСР (1959–1972), президент Академии педагогических наук СССР (1972–1981).

⁶⁷ Гольдфаин И. Почему преуспел Лысенко // Знание – сила. 2008. № 7. С. 85; Левина Е. С. Указ. соч. // Российская Академия наук. 275 лет служения России... С. 627; Идеология и наука... С. 285.

⁶⁸ Здесь автор публикации допустил неточность, так как в 1957 г. В. Н. Столетов был первым зам. министра высшего образования СССР.

⁶⁹ Солнцева М. П. Воспоминания о культе личности в биологии // Информационный вестник ВОГиС. 2008. Т. 12. № 3. С. 347.

⁷⁰ Ермолаев А. И. История генетических исследований в КГУ. Казань, 2004. С. 99. В этой связи следует отметить, что позитивная роль В. Н. Столетова в возрождении генетического образования отмечается и в некоторых других работах. В частности, известный российский генетик д-р биол. наук, проф. Е. П. Гуськов писал, что восстановление кафедры генетики в Ростовском государственном университете состоялось во многом благодаря назначению В. Н. Столетова министром (Гуськов Е. П. Генетика. Эволюция. Культура: Избранные труды. Ростов н/Д., 2007. С. 318).

Э. И. Колчинского «Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века». В книге представлен ряд важных концептуальных положений по истории отечественной биологии. Так, автор опровергает господствовавший долгое время подход, согласно которому борьба генетиков и «лысенковцев» рассматривалась с позиций деления на «черное» и «белое». Он, в частности, пишет: «Легенда о людях в “белых одеждах” мало соответствует открываемой историками картине постоянно инспирируемых дискуссий, многочисленных кампаний разоблачений, чисток и репрессий 1920-х – 1940-х гг.»⁷¹. Кроме того, автор отмечает, что до 1964 г. имело место «частичное преодоление “лысенковщины”». По мнению Э. И. Колчинского, после смерти И. В. Сталина против Т. Д. Лысенко выступили физики, химики, математики и, таким образом, в биологии возникла оппозиция, так как ученые не прекращали отстаивать свободу в научных исследованиях⁷².

Рассматриваемая тема в какой-то мере затронута в ряде работ, написанных непосредственно сотрудниками Института цитологии и генетики СО РАН. Особое значение в этом плане имеет учебное пособие акад. И. Ф. Жимулева «Общая и молекулярная генетика», где есть параграф «Краткий очерк истории генетики в России». В нем, в свою очередь, присутствует раздел, посвященный истории Института цитологии и генетики СО РАН, который, правда, составляет лишь три страницы⁷³.

Несмотря на свои небольшие размеры, этот текст, разумеется, представляет особый интерес, принимая во внимание компетент-

⁷¹ Колчинский Э. И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб., 2007. С. 36. Автор – историк науки, д-р филос. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. См. рец. В. Г. Борзенкова на эту книгу: *Человек*. 2009. № 5. С. 178–180.

⁷² Колчинский Э. И. Биология Германии и России–СССР... С. 431.

⁷³ Жимулев И. Ф. Общая и молекулярная генетика: Учебное пособие. Новосибирск, 2002. С. 27–29. Книга имеет гриф Министерства образования Российской Федерации. Автор в настоящее время занимает должность зам. директора Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН.

ность автора – одного из ведущих в настоящее время отечественных генетиков. Вместе с тем в небольшом тексте по данной теме отмечается целый ряд неточностей.

Так, в работе утверждается: «С момента организации института на него сразу обрушились нападки “лысенковцев” и были предприняты серьезные попытки его ликвидации». На самом деле эти нападки развернулись с конца 1958 г., после того как 14 декабря газета «Правда» опубликовала редакционную статью «Об агробиологической науке и ложных позициях “Ботанического журнала”», в которой негативно оценивалась деятельность директора Института цитологии и генетики Н. П. Дубинина.

Автор также пишет: «Первый директор Н. П. Дубинин смог проработать не более двух лет и был снят с должности по указанию Н. С. Хрущева. Однако он уже успел сформулировать основные направления исследований и пригласить ведущих ученых-генетиков. В ноябре 1959 г. из США через Китай возвращался Н. С. Хрущев, активно поддерживавший Т. Д. Лысенко. От Пекина до Новосибирска в одном самолете с ним летел председатель Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев. Уже с борта самолета он дал телеграмму, что Н. С. Хрущев приказал снять Н. П. Дубинина с поста директора ИЦиГ, как вейсманиста-морганиста. В этот же день Н. П. Дубинин покинул Новосибирск». Как и в ряде других публикаций, здесь нарушается хронологическая последовательность, не совсем точно излагается ход событий. Например, Н. С. Хрущев посетил Новосибирск не в ноябре, а в октябре. Кроме того, И. Ф. Жимулев воспроизводит спорную версию о «бегстве» Н. П. Дубинина из Новосибирска.

Далее в рассматриваемой книге читаем: «В 1959 г. директором института стал кандидат биологических наук, впоследствии академик Д. К. Беляев. Именно ему пришлось выдержать всю тяжесть противостояния с властями в процессе формирования института, создания его инфраструктуры и воспитания нового поколения генетиков. Если Н. П. Дубинин заложил прочный фундамент института, то Д. К. Беляев создал на этом фундаменте сам институт и руководил им до 1985 г. Несомненно, что оба этих человека внесли огромный вклад в возрождение генетики в России». Согласно утверждению Игоря Федоровича получается, что наиболее тяжелый для института период пришел-

ся на время директорства Д. К. Беляева, что, видимо, не совсем правильно. Остается непонятным и высказывание относительно «прочного фундамента».

Неточно отражена и биография акад. В. К. Шумного: «Начиная с 1985 г. по настоящее время институт возглавляет член-корреспондент АН, впоследствии академик, В. К. Шумный, выпускник Московского университета, работающий в институте со дня его основания и прошедший все ступени научного роста, начиная с должности старшего лаборанта». Утверждение о том, что он работал в институте «с первых дней» не совсем точно, так как В. К. Шумный стал сотрудником ИЦиГ только в 1958 г.⁷⁴

Из других публикаций, принадлежащих сотрудникам ИЦиГ, следует обратить внимание на статью О. В. Трапезова «Судьбы генетики», опубликованную в журнале «Философия науки». Автор начинает свое повествование с описания общей истории генетики, затем переходит к характеристике положения этой науки в СССР и, в частности, кратко касается проблем ее развития в Новосибирском научном центре⁷⁵. При изложении этих событий прослеживается крайняя осторожность автора. Так, снятие Н. П. Дубинина он завуалировал фразой «после отъезда первого директора...». Далее, повествуя о событиях 1959 г., автор воспроизводит версию М. А. Лаврентьева и вслед за ним нарушает временную последовательность. Дело в том, что между посещением ИЦиГ комиссией М. А. Ольшанского и приездом в Новосибирск Н. С. Хрущева лежит полугодовой интервал. Однако в мемуарах М. А. Лаврентьева эти события представлены как случившиеся чуть ли не через неделю.

Продолжая свою статью, О. В. Трапезов цитирует воспоминания М. А. Лаврентьева, воспроизводя на свой лад известную версию о «телефонном звонке» в январе 1959 г., который «спас» институт. Он также приводит распространенную точку зрения об определяющем влиянии на позицию руководителя СО АН в вопросе о генетике его

⁷⁴ О биографии и научной работе В. К. Шумного см. напр.: *Захаров И. К., Кикнадзе И. И.* Академик Владимир Константинович Шумный: к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной деятельности // *Генетика*. 2004. Т. 4. № 4.

⁷⁵ *Трапезов О. В.* Судьбы генетики // *Философия науки*. 2005. № 3. С. 69–74. Автор – канд. биол. наук, зав. сектором ИЦиГ СО РАН.

жены. Некоторые утверждения автора представляются недостаточно четкими. Так, ссылаясь на рекламно-информационную газету «Навигатор», он пишет: «Лаврентьев обладал редкой способностью как “приводить в чувство госноменклатуру”, так и идти с ней на компромисс, когда этого требовали обстоятельства. Когда же Хрущев вознамерился ликвидировать Институт цитологии и генетики, Лаврентьев нашел компромиссное решение: возвратить в Москву прежнего директора Н. П. Дубинина, а директором Института цитологии и генетики поставить известного специалиста по генетике пушных зверей Д. К. Беляева. Хрущеву же объяснили, что страна получает на меховых аукционах конвертируемую валюту и ИЦиГ трогать не разумно». Заканчивается статья названного автора стереотипным утверждением, что после 1964 г. «Институт цитологии и генетики особенно пошел в гору».

Помимо названных работ, необходимо также отметить ряд публикаций биографического характера, посвященных акад. Н. П. Дубинину. Здесь в первую очередь следует обратить внимание на фундаментальный труд «Николай Петрович Дубинин и XX век», приуроченный к 100-летию со дня рождения этого ученого. Книга представляет собой сборник воспоминаний и писем. Составители сборника Л. Г. Дубинина и И. Н. Овчинникова в первой главе, посвященной биографии Н. П. Дубинина, подробно комментируют события, впервые используя целый ряд ранее не публиковавшихся документов. Указанная глава содержит параграф под названием «Сибирский период. Н. П. Дубинин – основатель и первый директор Института цитологии и генетики СО АН СССР»⁷⁶. Нельзя не отметить, что данный раздел книги, наряду с ценным материалом, содержит целый ряд неточностей, а также нарушений причинно-следственной связи. Это касается, в частности, трактовки письма Н. П. Дубинина в ЦК КПСС (август 1959 г.). Авторы некритично позаимствовали текст из работы Н. П. Дубинина «История и трагедия советской генетики», где утверждается, что после письма «начались интенсивные посещения Института цитологии и генетики комиссиями из Москвы». На самом

⁷⁶ *Николай Петрович Дубинин и XX век: современники о жизни и деятельности. Письма, материалы, воспоминания: к 100-летию со дня рождения / сост. Л. Г. Дубинина, И. Н. Овчинникова. М., 2006. С. 176–201.*

деле наиболее известная комиссия М. А. Ольшанского проверяла институт до появления названного письма. Кроме того, авторы немного «подкорректировали» текст названного письма. В частности, изъяс из него фразу, которую мы обнаруживаем в подлиннике: «Работа института проникнута боевым марксистско-ленинским духом <...> Мы отдадим все силы советской науке, советскому народу, коммунистической партии ведущей нашу страну и весь мир к коммунизму»⁷⁷.

Весьма характерным является изложение событий, связанных с отставкой Н. П. Дубинина: «В ноябре 1959 г. Н. С. Хрущев, активно поддерживающий Т. Д. Лысенко, летел в одном самолете из Пекина в Новосибирск вместе с Лаврентьевым. Уже с борта самолета М. А. Лаврентьев дал телеграмму, что Н. С. Хрущев велел снять с поста директора Н. П. Дубинина как “вейсманиста-морганиста”. Власть Н. С. Хрущева в то время была такова, что М. А. Лаврентьев не смог переубедить его, несмотря на решительные и единодушные возражения всего Президиума СО АН СССР, партийной организации ИЦиГ, других ученых. В результате Н. П. Дубинину – организатору и первому директору пришлось покинуть ИЦиГ».

Как видим, здесь вновь фигурирует ноябрь вместо октября. Такая неточность выглядит особенно странной, так как несколькими страницами далее в указанной работе опубликовано постановление Президиума АН СССР от 16 октября 1959 г. о снятии Н. П. Дубинина с поста директора.

Не совсем убедительным выглядит и утверждение составителей сборника о «решительных и единодушных возражениях Президиума СО АН, партийной организации ИЦиГ, других ученых». Никаких документальных свидетельств по этому поводу не имеется, да и представить, чтобы в конце 1950-х гг. кто-то осмелился «решительно возражать» полномочному в то время лидеру довольно трудно. В этой связи следует привести слова акад. С. А. Христиановича на заседании Бюро Президиума СО АН 12 октября 1959 г., когда решался вопрос о снятии Н. П. Дубинина: «Есть такое предложение – без комментариев принять»⁷⁸.

В целом работа написана в апологетическом тоне, подтверждением чего может послужить следующая фраза, которой завершает-

ся вышеупомянутый параграф: «История создания Института цитологии и генетики СО АН СССР – это яркая страница в деятельности выдающегося ученого и признанного борца за истину в науке – Николая Петровича Дубинина».

В данном контексте представляет интерес также вводная статья А. П. Акифьева и Л. Г. Дубининой о деятельности Н. П. Дубинина, помещенная в первом томе его избранных трудов⁷⁹. Описывая биографию этого ученого, авторы касаются сибирского периода его жизни. Относительно подробно рассматриваются научные исследования Института цитологии и генетики в годы становления. При этом повторяются некоторые распространенные неточности, например, датой отставки Н. П. Дубинина вновь называется 1960 г.

Необходимо отметить и ряд других биографических публикаций, посвященных сибирским генетикам⁸⁰.

⁷⁹ Акифьев А. П., Дубинина Л. Г. Очерк научной биографии академика Н. П. Дубинина // Дубинин Н. П. Проблемы гена и эволюции. М., 2000. С. 10–56 (Избранные труды; Т. 1).

⁸⁰ Шумный В. К., Захаров И. К. Академик Николай Петрович Дубинин: К 100-летию со дня рождения (1907–1998) // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 1. С. 5–13; Захаров И. К., Древич В. Ф., Аргутинская С. В. К 90-летию со дня рождения академика Д. К. Беляева // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 2. С. 251–272; Захаров И. К., Колосова Л. Д., Шумный В. К. Раиса Львовна Берг // Информационный вестник ВОГиС. 2006. Т. 10. № 2. С. 426–428; Голубовский М. Несколько слов памяти Раисы Львовны Берг // Знание – сила. 2006. № 8. С. 113–115; Лебедева Л. И., Захаров И. К., Жизнь есть подвиг: к 100-летию со дня рождения генетика, профессора Юлия Яковлевича Керкиса (1907–1977) // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 1. С. 16–38; Захаров И. К., Шумный В. К. 100-летие со дня рождения генетика и селекционера Юлия Петровича Мирюты // Информационный вестник ВОГиС. 2005. Т. 9. № 1. С. 73–75; Захаров И. К., Васильева Л. А. Крамольная профессия – генетик. К 100-летию со дня рождения З. С. Никоро // Никоро З. С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика. М., 2005. С. 275–279; Кикнадзе И. И., Орел Л. И., Захаров И. К. Цитозембриолог растений профессор Иван Дмитриевич Романов: К 100-летию со дня рождения // Цитология, 2006, Т. 48. № 3. С. 264–266; Захаров И. К., Шумный В. К. Век Шкварникова // Информационный вестник ВОГиС. 2006. Т. 10. № 2. С. 418–420; Трапезов О. В. Академику Владимиру Константиновичу Шумному – 75 лет // Философия науки. 2009. № 1. С. 191–193.

⁷⁷ НАСО. Ф. 50. Оп. 1 Д. 30. Л. 10, 11.

⁷⁸ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 56. Л. 136.

Помимо трудов профессиональных историков и биологов, некоторое историографическое значение имеет ряд журналистских очерков, основанных на интервью с участниками событий и воспоминаниях самих авторов. Здесь следует обратить внимание, прежде всего, на публикации Р. К. Нотмана – известного новосибирского журналиста, который более 20 лет является научным обозревателем газеты «Советская Сибирь». Его книга «Предназначение», посвященная сибирским ученым, вышла в издательстве СО РАН и производит впечатление официального издания этой структуры. Характерно, что в работе над книгой приняли участие такие известные сотрудники СО АН как канд. геол.-мин. наук В. Д. Ермаков и канд. тех. наук Н. А. Притвиц. Предисловие же к названной публикации написано акад. В. И. Молодиным (на момент выхода этого издания он являлся заместителем председателя СО РАН).

Тем не менее, публикация не лишена некоторых неточностей. Например, в очерке о женщинах-сотрудниках ИЦиГ Ролен Константинович пишет: «Когда Никоро приехала в Академгородок и стала в ИЦиГ работать сразу старшим научным сотрудником, то мальчишки бежали за этой курящей, плохо выглядящей женщиной и дружно кричали: “Баба Яга! Баба Яга!” <...> И как только Зоя Софроньевна получила в институте первые свои триста пятьдесят рублей (сумма по тем временам значительная), как сразу же была разработана операция “Одежда”, после которой никакие мальчишки уже не кричали вслед Никоро “Баба Яга!”. Операцией лично руководил директор института академик Беляев»⁸¹.

В данном фрагменте имеют место искажения исторических реалий. Как известно, З. С. Никоро была принята в ИЦиГ в 1958 г., когда он располагался в центре Новосибирска. Кроме того, Д. К. Беляев, названный «директором» и «академиком», сам приехал в Новосибирск в 1958 г. и на то время не был ни тем, ни другим.

Ряд публикаций о сибирских генетиках принадлежат другому новосибирскому журналисту – Г. Н. Падерину. Самой крупной из этого ряда является вышедшая в 1977 г. в Москве его книга о Д. К. Беляеве. Затем эти работы были им воспроизведены (без всяких коррективов) в сборнике «Обвиняемый страх» (2001). Бросается в глаза, что в этих пу-

⁸¹ Нотман Р. К. Предназначение. Новосибирск, 2002. С. 177–178. Книга вышла в серии «Интеллигенты России».

бликациях все сложные моменты биографии Д. К. Беляева и истории Института цитологии и генетики либо обходятся, либо упоминаются чрезвычайно «глухо». Например, по поводу драматического эпизода с отставкой Н. П. Дубинина сообщается: «Осенью 1959-го, когда Дубинин возвратился в Москву, чтобы впоследствии возглавить там Институт общей генетики АН СССР, Дмитрий Константинович стал директором»⁸². Такая осторожность особенно бросается в глаза, принимая во внимание, что к тому времени уже вышли мемуары Н. П. Дубинина, где вся эта острая ситуация была описана достаточно конкретно. Возможно дело тут не только в излишней осторожности названного автора, но и в разных «правилах игры»: что было разрешено столичному академику, было непозволительно провинциальному журналисту...

Анализируя историографию, следует иметь в виду, что в подавляющем числе публикаций Т. Д. Лысенко представлен как лжеученый и своего рода «злой гений» отечественной биологии, а его учение бескомпромиссно признается лженаучным. В качестве примера такого широко распространенного в имеющейся литературе мнения приведем высказывание А. А. Любищева. Известный советский биолог еще в 1956 г., можно сказать «по горячим следам» событий 1948 г., рассматривая происходившее в контексте общей политической ситуации, писал: «Год 1948 – год черной реакции, настоящей измены делу прогрессивной партийности и начало настоящей фашизации нашей страны»⁸³.

Между тем существует и другая точка зрения относительно фигуры Т. Д. Лысенко и его деятельности, которая хотя и получила гораздо меньшее распространение, однако, требует соответствующего анализа. Одним из основоположников этой версии явился И. А. Бенедиктов⁸⁴. В его интервью, данном в 1981 г., утверждалось: «Научные исследования, проводившиеся Лысенко и его сторонниками,

⁸² Падерин Г. Н. На крутизне поиска. М., 1977. С. 56. Книга вышла в изд-ве «Советская Россия» в серии «Люди Советской России».

⁸³ Любищев А. А. О монополии Т. Д. Лысенко в биологии. М., 2006. С. 417.

⁸⁴ Бенедиктов Иван Александрович (1902–1983) – советский государственный деятель, народный комиссар земледелия СССР (1938–1943), 1-й зам. народного комиссара – министра земледелия СССР (1943–1946), министр земледелия СССР (1946–1947), министр сельского хозяйства СССР (1947–1955), министр совхозов СССР (1955–1957), министр сельского хозяйства РСФСР, зам. председателя Госплана РСФСР (1957–1959).

были четко нацелены на реальную отдачу и в ряде случаев уже приносили осязаемый практический эффект»⁸⁵.

В современной же литературе эта точка зрения нашла отражение не в исторических исследованиях, а в некоторых работах, носящих преимущественно публицистический характер. Так, в очерке д-ра филол. наук В. А. Рыбина и канд. физ-мат. наук Б. А. Маркова, посвященном писателю Д. Гранину, утверждается: «Внес свой вклад биолог Т. Д. Лысенко: при всей сложности тогдашней ситуации в биологической науке и при неоднозначности ее современной оценки его противникам сложно отрицать факт выведения им новых сортов разных культур, яровизацию зерновых, оригинальнейшие агротехнические приемы, такие как посевы по стерне и уникальные методы посадки картофеля, позволившие избежать массового голода во время войны»⁸⁶.

В свою очередь, в статье В. Б. Губина «О лженауке» деятельность Т. Д. Лысенко характеризуется следующим образом: «Ясно видно, что это искренне увлеченный человек. <...> Но становится понятным, что провал генетиков был поражением узких, недоразвившихся, нешироких ученых, которых на их же территории побил перед лицом широкой общественности увлеченный фанатик, а вовсе не банальный мерзкий прохвост, и которые ничего в этой эпопее до сих пор не поняли и ничему не научились»⁸⁷.

Следует отметить, что в некоторых публикациях по данному вопросу порой можно встретить еще более крайнюю точку зрения. В частности, в работах научного сотрудника ИЦиГ Ю. Н. Иванова утверждается, что исследования формальных генетиков были, в сущности, практически бесплодными. И более того, по его мнению, борьба против Т. Д. Лысенко отражала наступление антикоммунистической идеологии. Надо сказать, что названный автор делает далеко идущие выводы, в частности, отмечая: «Никакой пресловутой “лысенковщины” не было, а была “антилысенковщина” как этап “перестройки”, разрушившей СССР»⁸⁸.

⁸⁵ Сталин. Энциклопедия / сост. В. В. Суходеев. М., 2008. С. 258.

⁸⁶ Литературная Россия. 2009. 6 марта.

⁸⁷ Губин В. Б. О науке и лженауке. М., 2005. С. 89. Автор – сотрудник Вычислительного центра Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

⁸⁸ Иванов Ю. Н. Исследования плодовитости в связи с теориями биогеनेза.

Первой специальной и в настоящее время единственной книгой, где в концентрированном виде проводится идея «реабилитации» Т. Д. Лысенко стала работа С. С. Миронина «Дело генетиков». Так, автор называет Т. Д. Лысенко «выдающимся естествоиспытателем советской страны», который «сделал целый ряд выдающихся открытий»⁸⁹. Вместе с тем данная публикация представляет собой яркий пример априорных утверждений, не подтвержденных конкретными фактами.

Симптоматично, что «отголоски» этой проблемы, в особенности, вопроса о «научности» теории Т. Д. Лысенко, можно обнаружить в настоящее время в научных дискуссиях генетиков. Так, в августе 2007 г. в Новосибирске прошла международная конференция «Развитие эволюционной идеи в биологии, социологии, медицине», посвященная 90-летию акад. Д. К. Беляева. По этому поводу в газете «Наука в Сибири» был помещен материал, в котором, помимо всего прочего, сообщалось: «Было несколько докладов по новой ветви генетики – эпигенетики⁹⁰. <...> Это новое и спорное направление – здесь можно впасть в “лысенковщину”. <...> Лысенко говорил, что условия среды могут менять все. Эпигенетика сближается с этим подходом, считая, что изменения признака происходит не под воздействием мутаций и рекомбинаций, а благодаря изменению активности определенных генов, а этот механизм до конца не изучен»⁹¹.

Подводя итоги историографического анализа темы, следует сделать вывод, что в настоящее время история отечественной генетики получила широкое отражение в литературе различного жанра. Вместе с тем в ее освещении имеются существенные «лакуны», – про-

Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 2009. С. 98. См. также другую работу: Он же. Мысли о науке и жизни. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 2009.

⁸⁹ Миронин С. С. Дело генетиков. М., 2008. С. 189.

⁹⁰ Эпигенетика – наука, изучающая изменения в веществе наследственности, которые возникают в онтогенезе родителей и их наследовании в поколениях. Сущность этой теории сводится к тому, что эволюция сопровождается генетическими изменениями, но не сводится к ним (Глазко В. И., Глазко Г. В. Толковый словарь терминов по общей и молекулярной биологии, общей и прикладной генетике, селекции, ДНК-технологии и биоинформатике. В 2-х томах. Т. 2. М., 2008. С. 509).

⁹¹ Наука в Сибири. 2007. 6 сент.

блемы, которые либо вообще остались «в тени», либо недостаточно раскрыты в работах профессиональных историков. Так, альтернативный подход к фигуре Т. Д. Лысенко представлен лишь в публицистических работах. Тем самым отсутствует исчерпывающая оценка феномена «лысенковщины», и этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Что касается проблемы взаимоотношения научного сообщества и власти, то здесь сделаны лишь первые шаги в пересмотре сложившихся представлений.

В свою очередь, история возрождения генетики в Новосибирском научном центре является одним из таких важных и в то же время недостаточно изученных вопросов. Впервые достаточно многосторонняя картина (с отражением острых проблем) становления генетических исследований в новосибирском Академгородке была представлена не в исторических исследованиях. Приоритет здесь имели мемуары первого директора Института цитологии и генетики СО АН акад. Н. П. Дубинина и в особенности – основателя СО АН акад. М. А. Лаврентьева. Говоря об исследованиях профессиональных историков, следует, прежде всего, отметить труды П. Джозефсона и Н. А. Куперштох, в которых рассматриваемый вопрос получил комплексное освещение с использованием разнообразных источников. Кроме того, имеется большое количество публикаций, написанных главным образом специалистами-биологами, в которых в контексте более общих вопросов, рассматриваются коллизии вокруг Института цитологии и генетики СО АН. Вместе с тем следует иметь в виду, что все они, в сущности, базируются на версии, представленной в мемуарах Н. П. Дубинина и М. А. Лаврентьева. Необходимо констатировать, что все перечисленные исследования ограничиваются изучением отдельных проблем, и в настоящее время отсутствует сложившаяся концепция. Таким образом, состояние изученности темы убеждает в необходимости подготовки специального исторического исследования о развитии генетики в Новосибирском научном центре.

1.2. Документальные и мемуарные свидетельства

Приоритетное значение в источниковой базе исследования имеют материалы официального делопроизводства. В свою очередь, из них необходимо выделить два блока, один из которых представлен мате-

риалами партийных и государственных органов, второй – документами научно-организационных структур (материалы общих собраний Академии наук, Сибирского отделения Академии наук, заседаний Президиума СО АН и постановления Бюро Президиума СО АН).

Первый блок материалов состоит преимущественно из документов, извлеченных из соответствующих фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Данные делопроизводственные материалы представлены главным образом учетно-контрольной документацией – материалами проверок, проведенных региональными и центральными партийными органами; протоколами и стенограммами заседаний партийных организаций, а также перепиской между региональным и центральным научно-бюрократическим аппаратом и партийными инстанциями.

Данный источниковый массив позволяет осуществить на этой основе историческую реконструкцию изучаемой проблемы с позиций партийного руководства центрального и регионального уровней. Отметим также, что в рассматриваемых документах отражены не только вопросы политико-идеологического плана, но также и кадровые, материально-технические проблемы, анализируется уровень научных разработок.

В то же время следует учитывать очевидную тенденциозность данного типа делопроизводственной документации. В качестве примера приведем справку «О серьезных недостатках в комплектовании кадрами Института цитологии и генетики СО АН СССР», подготовленную отделом науки и школ Новосибирского обкома КПСС (июнь 1959 г.). Рассматриваемый документ, несмотря на содержащуюся в нем определенную объективную информацию, содержит и очевидные предвзятые оценки о коллективе института: «...на работу в институт берутся люди малоопытные в научно-исследовательской работе, порой даже случайные. <...> Создается впечатление, что вдумчивое комплектование Института цитологии и генетики СО АН СССР зачастую подменяется работой по трудоустройству и пристройству»⁹².

Поэтому, если ориентироваться лишь на данный массив источников, то процесс становления ИЦиГ окажется отраженным одно-

⁹² Документ опубликован: Кузнецов И. С. Рождение Академгородка... С. 142–143.

сторонне. Более весомыми в вопросах, касающихся непосредственно научных исследований, являются внутриведомственные экспертные оценки, содержащиеся в материалах научно-организационных структур. Данный тип делопроизводственной документации, извлеченной из фондов Архива Российской академии наук (АРАН) и Научного архива СО РАН (НАСО), составляет второй блок источников. Безусловно, особую значимость здесь имеет характеристика деятельности Института цитологии и генетики со стороны руководства Академии наук и ведущих ученых.

В этом плане особую значимость имеют отчеты Отделения биологических наук АН СССР. Так, весьма показательным является позитивный отзыв академика-секретаря ОБН акад. Н. М. Сисакяна о работе ИЦиГ в тяжелом для сибирских генетиков 1959 г.⁹³

Особую ценность представляют материалы самого Института цитологии и генетики, отложившиеся в соответствующем фонде НАСО. Данный фонд содержит протоколы Ученого совета, годовые отчеты о работе института, а также различные обращения и письма коллектива и отдельных сотрудников. Рассматриваемые документы рисуют картину жизни научного учреждения, проливают свет на многие «животрепещущие» проблемы молодого коллектива. В то же время в некоторых документах из рассматриваемого фонда, в частности, в ряде отчетов о зарубежных командировках, отражены точки зрения на общее состояние генетических исследований в стране, проводится сравнение с уровнем аналогичных научных работ в других странах.

Вместе с тем, следует обозначить некоторую неполноту названного фонда. Так, первым по хронологии документом здесь является распоряжение № 3 дирекции ИЦиГ⁹⁴, в то время как распоряжения № 1–2 отсутствуют. Кроме того, в рассматриваемом фонде отсутствуют материалы заседания Ученого совета института от 8 января 1959 г., которое было посвящено обсуждению печально известной статьи «Правды» «Об агробиологической науке и ложных позициях “Ботанического журнала”».

Документы указанного фонда используются в комплексе с материалами фонда партийной организации Института цитологии и ге-

нетики, находящимися в ГАНУ. При этом необходимо отметить, что данный фонд также содержит существенные лакуны. Так, по непонятным причинам полностью отсутствуют материалы партийной организации института за 1961 г.

Материалы данного фонда, как и прочие документы партийного делопроизводства, отличает свойственная им тенденциозность. Наиболее рельефно это отражено в материалах закрытого партийного собрания института, проходившего в Институте цитологии и генетики 27 декабря 1958 г. и посвященного обсуждению упомянутой статьи в «Правде». Симптоматично, что все выступавшие безоговорочно поддерживали официальную «пролысенковскую» позицию. Особо показательно, что не были исключением в этом плане даже выступления таких ученых как П. К. Шкварников и Ю. Я. Керкис, самих пострадавших от «лысенковщины»⁹⁵.

При использовании делопроизводственной документации автор учитывал ее официозный характер, когда обсуждение всех вопросов, как правило, велось в рамках жестких предписаний «сверху». Для выявления реальной, часто глубоко скрытой, подоплеки событий автор особое внимание обращал на «симптоматические проговорки» и суждения, идущие в разрез с общей линией. С особой пристальностью изучались документы, появившиеся в связи с теми или иными конфликтными ситуациями.

Следующая группа источников – периодическая печать, имеющая в нашем исследовании вспомогательное значение в сравнении с официальными документами. Данный многоплановый источник интегрирует в себе различную по жанру и содержанию информацию (в том числе официальные сообщения, информационные заметки, статьи научных сотрудников, научно-популярные очерки и др.). Из периодических изданий следует, прежде всего, отметить региональный научный еженедельник «За науку в Сибири» (ныне – «Наука в Сибири»). Рассматриваемое издание поместило на своих страницах значительное число публикаций о сибирских генетиках, посвященных самым разным вопросам, начиная от юбилейных заметок и заканчивая статьями о научных дискуссиях по самым острым проблемам биологии. В свою очередь, материалы главно-

⁹³ АРАН. Ф. 534. Оп. 1-1959. Д. 13. Л. 6.

⁹⁴ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1.

⁹⁵ См.: ГАНУ. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–30.

го печатного «рупора» Новосибирского обкома КПСС – газеты «Советская Сибирь», иллюстрируют идеологическую кампанию на региональном уровне и способствуют более четкому пониманию позиции партийных органов. Кроме того, публикации об ИЦиГ, помещенные, помимо местных, и в центральных изданиях, позволяют осуществить более глубокую реконструкцию «духа времени». Вместе с тем следует учитывать, что рассматриваемый источник еще более тенденциозен в сравнении с официальными документами, имевшими «закрытый» характер.

Данный упрек представляется справедливым по отношению к ряду очерков столичных корреспондентов⁹⁶. В этой связи не стали исключением и публикации самих генетиков. Так, в статье Ю. Я. Керкиса «Большие перспективы», помещенной на страницах газеты «Вечерний Новосибирск» в 1958 г., в соответствии с названием указывается на важность генетических исследований, повествуется о планах работы ИЦиГ, а также отмечаются первые достижения. Однако материально-технические и бытовые проблемы молодого института не упоминались, хотя в то время именно эти вопросы стояли наиболее остро. В данной публикации можно обнаружить лишь намек на существующие трудности: «С окончанием строительства института в Академгородке и с созданием при нем экспериментально-производственной базы увеличится научный коллектив института и расширится круг разрабатываемых проблем»⁹⁷.

Все вышесказанное характерно и для публикаций еженедельника «За науку в Сибири», освещавших главным образом успехи сибирских генетиков. Хотя ряд публикаций названного издания носил весьма критичный характер. В частности, в 1962 г. газета опубликовала статью Ю. Я. Керкиса «Советская генетика будет вновь стоять на переднем крае», в которой содержались основные положения выступления Юлия Яковлевича на общем собрании партийной организации СО АН 14 июня 1962 г. Данное заседание было посвящено проводившейся в то время кампании по достижению советской наукой «мирового приоритета», и Ю. Я. Керкис в своей речи отметил отста-

⁹⁶ Рытов Ю. Возле Новосибирска // Знамя. 1959. № 3. С. 142; Строгова Е. Стратегия большой науки // Новый мир. 1959. № 4. С. 184–186.

⁹⁷ Веч. Новосибирск. 1958. 20 сент.

вание генетических исследований в СССР по сравнению с зарубежными странами⁹⁸.

В этой связи показательны и то, как рассматриваемая газета изложила суть выступления. Так, ряд прозвучавших в выступлении Ю. Я. Керкиса положений были смягчены, другие же еще и усилены. В частности, в связи с необходимостью издания журнала по проблемам генетики в данной публикации отмечалось: «В стране у нас нет ни одного такого журнала, за рубежом же – их сотни»⁹⁹.

В еще большей степени подобные «коррективы» характерны для «Советской Сибири». Так, в ходе первого этапа давления на Институт цитологии и генетики (декабрь 1958 – январь 1959 г.) газета проявила четкую избирательность. Публикуя материалы X областной конференции КПСС, на которой секретарь обкома В. Г. Фуров критиковал ИЦиГ и его директора¹⁰⁰, издание смягчило прозвучавшую формулировку в адрес генетиков¹⁰¹, вероятно, отразив тем самым настороженность и выжидательную политику в данном вопросе руководства Новосибирского обкома КПСС.

Третья группа использованных источников включает опубликованные мемуары, а также устные свидетельства современников. Наибольшую ценность, разумеется, представляют воспоминания акад. М. А. Лаврентьева, которые впервые были изданы в 1979–1980 гг. в журнале «ЭКО»¹⁰², а затем в расширенном варианте воспроизведены к столетию Михаила Алексеевича. Отмечая беспрецедентную насыщенность их фактическим материалом, высокий аналитический уровень, следует вместе с тем учитывать исторические обстоятельства появления данного источника. Почему в условиях «глухого застоя», небывалых цензурных ограничений, отставному (и фактически опальному) основателю СО АН, наряду с Н. П. Дубининым, позволили впервые раскрыть некоторые острые страницы истории советской генетики конца 1950-х гг.? Не исключено, что это вписыва-

⁹⁸ ГАНУ. Ф. П-384. Оп. 1. Д. 19. Л. 38–43.

⁹⁹ За науку в Сибири. 1962. 27 июня.

¹⁰⁰ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1827. Л. 107.

¹⁰¹ Сов. Сибирь. 1959. 13 янв.

¹⁰² Фрагмент мемуаров «Дела биологические» был опубл.: ЭКО: Экономика и орг. промышл. пр-ва. 1980. № 1. С. 146–150.

лось в общий контекст долговременной кампании по дискредитации Н. С. Хрущева, которая получила новый импульс по мере ухудшения положения дел в стране. Чем хуже шли дела у Л. И. Брежнева, тем больше был соблазн «развенчания» его предшественника¹⁰³.

В мемуарах М. А. Лаврентьева имеется раздел «Дела биологические», в котором он обличает Т. Д. Лысенко за то, что тот «тормозил и разгонял» генетику¹⁰⁴. Однако о том, что в 1948 г. с санкции И. В. Сталина генетика подверглась полному разгрому, мемуарист даже не упоминает. В целом в рассматриваемых воспоминаниях картина смягчена, и вся острота ситуации не отражается. Далее, описывая историю с «суперкоровами», которых Т. Д. Лысенко хотел навязать СО АН, он говорит о составе комиссии, созданной для решения данного вопроса. По его словам, в ее состав вошли как сторонники Т. Д. Лысенко, так и «вейсманисты-морганисты». Перечисляя последних, он называет и себя самого. Мимоходом причисляя себя к противникам Т. Д. Лысенко, М. А. Лаврентьев никак не комментирует этот момент, не разъясняя мотивы своего противостояния.

Особого внимания заслуживает фрагмент мемуаров, связанный с событиями 1959 г. Касаясь истории с комиссией М. А. Ольшанского¹⁰⁵ и вспоминая приезд Н. С. Хрущева в Новосибирск, М. А. Лаврентьев нарушает временную последовательность. Затрагивая ситуацию в январе 1959 г., Михаил Алексеевич пишет, что на совещании с комиссией М. А. Ольшанского он говорил «бессвязно». Судя по стенограмме заседания, не создается впечатление, что он выступал «бессвязно». Его политика была гибкой и дипломатичной. Кроме того, вспоминая свой диалог с Н. С. Хрущевым в октябре 1959 г.

¹⁰³ В качестве одного из ярких примеров такого рода идеологической тенденции можно привести воспоминания известного авиаконструктора А. С. Яковлева. Его мемуары, также как и воспоминания Н. П. Дубинина, были опубликованы «Политиздатом» большим тиражом. В них восхваляются И. В. Сталин и Л. И. Брежнев, но в то же время есть два фрагмента, где Н. С. Хрущев предстает настоящим «самодуром» (*Яковлев А. С. Цель жизни. (Записки авиаконструктора)*. Изд. 4-е., доп. М., 1974. С. 181–182, 531–532).

¹⁰⁴ *Век* Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 149–152.

¹⁰⁵ Здесь речь идет о наиболее известной комиссии по проверке ИЦиГ (январь 1959 г.), которую возглавлял один из ближайших соратников Т. Д. Лысенко вице-президент ВАСХНИЛ акад. М. А. Ольшанский.

по поводу генетики, он утверждает, что назвал Т. Д. Лысенко «мракобесом» и «гадом». Маловероятно, чтобы М. А. Лаврентьев столь резко разоблачал Т. Д. Лысенко в беседе с его высокопоставленным покровителем.

Заканчивая раздел «Дела биологические», Михаил Алексеевич рассказывает о «нормализации» ситуации. По его версии, нажим на генетиков прекратился со снятием Н. П. Дубинина, которое само по себе прошло очень спокойно. Согласиться с таким утверждением никак нельзя, и об этом еще пойдет речь в исследовании.

Ценным источником мемуарного характера следует признать также упоминавшиеся воспоминания Н. П. Дубинина. Его работа «Вечное движение» впервые была опубликована в 1973 г. и затем переиздавалась еще два раза¹⁰⁶. Наиболее интересны два фрагмента названного труда. Во-первых, касаясь вопроса о позиции руководства СО АН, Н. П. Дубинин выдвигает версию, которую впоследствии воспроизвел в своих мемуарах М. А. Лаврентьев. Во-вторых, описывая отношения с Новосибирским обкомом, Николай Петрович излагает то, о чем М. А. Лаврентьев не писал. Согласно книге «Вечное движение», Н. П. Дубинин оставался на посту директора еще некоторое время после выступления Н. С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС (июнь 1959 г.) благодаря помощи М. А. Лаврентьева и первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Ф. С. Горячева.

¹⁰⁶ Характерное мнение относительно обстоятельств появления названного труда приводится в книге В. В. Бабкова: «Н. П. Дубинин, в жажде власти, пошел на союз с зубрами сталинской идеологии, а патрон “лысенковцев” М. Б. Митин увидел встречную выгоду в поддержке Дубинина. Осенью 1973 г., после августовской хвалебной рецензии в “Правде”, “Политиздат” выпустил стотысячным тиражом его мемуары “Вечное движение”. В борьбе за монополию Дубинин платил за поддержку ЦК запрошенную цену: он в мемуарах снимал с партии, правительства и карательных органов ответственность за трагедию генетики и перекладывал ее на крупнейших русских генетиков старшего поколения» (*Бабков В. В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека*. М., 2008. С. 716. Автор – советский и российский генетик и историк генетики, д-р биол. наук. Кроме названной книги, к сожалению, ставшей для автора последней, также подготовил монографии «Московская школа эволюционной генетики» (1985), «Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский» (2002, совместно с Е. С. Саканян).

Кроме того, воспоминания содержат ряд неточностей. В частности, Н. П. Дубинин дает неверную датировку своей отставке: «В январе 1960 г. М. А. Лаврентьев сказал мне, что все их (руководства СО АН – С. III.) возможности исчерпаны, и мне придется оставить институт»¹⁰⁷.

Следует также отметить книгу Н. П. Дубинина «История и трагедия советской генетики», последнее издание которой вошло в четвертый том избранных трудов Николая Петровича. Названное произведение правомерно рассматривать и в историографическом и в источниковом контексте. Наибольший интерес представляют мемуарные фрагменты указанного труда, в том числе воспоминания о деятельности Н. П. Дубинина в Новосибирске. Правда, этот период своей жизни автор описывает весьма скупой, можно сказать, затрагивая вскользь¹⁰⁸. Видимо, не случайно в сборнике «Дмитрий Константинович Беляев» С. В. Аргутинская говорит, что Н. П. Дубинин «выбросил институт из своей души...»¹⁰⁹. Пожалуй, самым значимым является впервые опубликованное письмо Н. П. Дубинина Н. С. Хрущеву. О том, как названный мемуарист, приводя свое послание, путает причину и следствие, и о других неточностях речь пойдет в следующей главе. Здесь же отметим содержащиеся в рассматриваемом труде некоторые штрихи к портрету личности Д. К. Беляева. Н. П. Дубинин не упустил возможности представить своего преемника, а затем научного оппонента не в лучшем свете, поместив на страницах своей работы ряд цитат из трудов Дмитрия Константиновича, в которых дается положительная оценка исследований Т. Д. Лысенко¹¹⁰.

Из других мемуарных публикаций особое внимание следует обратить на сборник воспоминаний сотрудников Института цитологии и генетики о его втором директоре – акад. Д. К. Беляеве. Наряду с ценными фактическими свидетельствами, рассматриваемая книга несет налет некоторой тенденциозности. Д. К. Беляев представляется как

¹⁰⁷ Дубинин Н. П. Вечное движение. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 373.

¹⁰⁸ Он же. История и трагедия советской генетики. Философские проблемы генетики. М., 2002. С. 234–240 (Избранные труды. Т. 4).

¹⁰⁹ Аргутинская С. В. Дима // Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний. Новосибирск, 2002. С. 33.

¹¹⁰ Дубинин. Н. П. Указ. соч. С. 179.

неустанный борец за дело генетики. В то же время, когда речь заходит о Н. П. Дубинине, который возглавлял институт до Д. К. Беляева, тон высказываний меняется. С одной стороны, он также изображается самоотверженным борцом за науку, и даже жертвой, но, с другой стороны, мемуары С. В. Аргутинской, также помещенные в данном сборнике, содержат немало критики в адрес Н. П. Дубинина. Что касается описания событий, то тяжелым временем для генетики признается период с 1958 по 1964 г. Дальнейший период, в сущности, характеризуется в «безоблачных» тонах.

Хотя воспоминания сотрудников института имеют апологетический оттенок, тем не менее, в некоторых из них приводятся ценные факты и оценки. Показательно, в частности, следующее свидетельство бывшего директора института акад. В. К. Шумного: «В самые тяжелые для института времена он (Д. К. Беляев. – С. III.) собрал группу молодых сотрудников и сказал: “Судьба науки и института во многом решается в партийных органах. Для них очень важно мнение партийной организации института, идите в партию и формируйте это мнение”. Так стали членами партии В. И. Евсиков, А. Д. Груздев, Е. Д. Будашкина и другие, в том числе и я»¹¹¹.

Говоря о судьбе генетики в Новосибирском научном центре, нельзя оставить без внимания воспоминания Р. Л. Берг «Суховой», являющиеся в настоящее время самыми обширными мемуарами по истории Академгородка. Как известно, Раиса Львовна Берг – известный генетик, представительница научной династии (дочь и племянница академиков). После подписания известного «письма 46-ти» в 1968 г.¹¹²

Р. Л. Берг была «выдавлена» из Академгородка, работе в котором посвящена половина книги «Суховой». Если рассматривать книгу Р. Л. Берг в качестве мемуарного источника, то, прежде всего, следует отметить непривычный ракурс описания. С одной стороны, она – представитель научной элиты, с другой стороны, Раиса Львовна

¹¹¹ Шумный В. К. Сверяем поступки по своим учителям // Дмитрий Константинович Беляев... С. 84.

¹¹² Подробнее об этой коллизии см.: Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск, 2007.

очень негативно относится к официальной иерархии, постоянно делает акцент на «засилье КГБ».

Одним из самых интересных фрагментов мемуаров представляется стенограмма закрытого заседания Ученого совета Института цитологии и генетики, на котором обсуждалось «письмо 46-ти». Этот текст был составлен собственноручно Р. Л. Берг, в делопроизводстве ИЦиГ такого документа нет. Есть повод усомниться в достоверности данной записи, а также во многих утверждениях Р. Л. Берг. Необходимо отметить явно предвзятый подход по отношению к сотрудникам института и особенно к его директору – Д. К. Беляеву. Следует иметь в виду, что после подписания упомянутого письма Р. Л. Берг оказалась в опале, ее поступок разбирали на различных собраниях, а это, в свою очередь, не могло не сказаться на ее отношении к коллегам.

Кроме того, еще до появления «письма 46-ти» в лаборатории Р. Л. Берг имел место конфликт с одной из сотрудниц¹¹³. При этом, помимо архивных документов, упоминание о «скандальных размолвках» Раисы Львовны содержится в работе сотрудника ИЦиГ Ю. Н. Иванова. Названный автор поместил на страницах своей книги рецензию на работу «Суховой», где дал крайне негативную характеристику Р. Л. Берг. В свою очередь, названные воспоминания, по его мнению, «во многом лишены достоверности»¹¹⁴. Все это важно учитывать при рассмотрении мемуаров Р. Л. Берг.

Определенный интерес в исследуемом контексте представляет и сборник «Городок. Ru. Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия. Воспоминания, размышления, проекты». Данная работа является самой многоплановой и плюралистической книгой по истории ННЦ. Правда, стоит отметить, что в сборнике нет воспоминаний ни одного деятеля, который бы занимал высокий пост в годы становления Академгородка. В контексте рассматриваемой темы наибольший интерес представляют опубликованные в данной книге мемуарные фрагменты акад. В. К. Шумного и М. М. Лаврентьева. Отмечая ценность данных текстов, следует вместе с тем отметить некоторые неточности. Так, в тексте В. К. Шумного при описа-

¹¹³ ГАНО. Ф. П-5434. Оп.1 Д. 7. Л. 1.

¹¹⁴ Иванов Ю. Н. Мысли о науке и жизни. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 2009. С. 178.

нии ситуации вокруг приезда в Новосибирск Н. С. Хрущева и снятия с поста директора ИЦиГ Н. П. Дубинина в 1959 г., говорится следующее: «Когда Хрущев прилетел, Дубинина здесь уже не было»¹¹⁵. На самом деле Н. П. Дубинин был освобожден от обязанностей директора института решением Бюро Президиума СО АН 12 октября 1959 г., т. е. через два дня после приезда Н. С. Хрущева¹¹⁶.

В. К. Шумный утверждает, что во время очередного посещения Новосибирского научного центра комиссией «лысенковцев» С. А. Христианович оказал определенную помощь вставшему на защиту генетиков М. А. Лаврентьеву¹¹⁷. В то же время сын основателя Сибирского отделения М. М. Лаврентьев пишет о «непорядочном поведении» С. А. Христиановича, который, по его словам, «вел переговоры с Лысенко»¹¹⁸. Видимо, этот непростой вопрос заслуживает дальнейшего исследования.

Представляют интерес и воспоминания ряда известных биологов, которые в разные периоды были так или иначе связаны с ИЦиГ – особенно З. С. Никоро, А. А. Прокофьевой-Бельговской и В. А. Ратнера¹¹⁹. Воспоминания З. С. Никоро не затрагивают события, имевшие место в новосибирском Академгородке, однако эта книга помогает понять личность человека, который своим поведением значительно отличался от остальных сотрудников института. А. А. Прокофьева-Бельговская была в числе сотрудников лаборатории радиационной генетики Института биофизики АН, помогавших в организации ИЦиГ. В связи с этим, ее мемуары вносят дополнительные подробности о начальном периоде в истории Института цитологии и генетики. Меньшую ценность как исторический источник представляют

¹¹⁵ Шумный В. К. Чем ответим на глобальные вызовы? // Городок. Ru. Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия. Воспоминания, размышления, проекты. Новосибирск, 2003. С. 101.

¹¹⁶ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 45. Л. 165.

¹¹⁷ Шумный В. К. Указ. соч. // Городок. Ru... С. 102.

¹¹⁸ Лаврентьев М. М. Отец не предвидел таких поворотов // Там же. С. 49.

¹¹⁹ Никоро З. С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика. М., 2005; Прокофьева-Бельговская А. А. Портрет на фоне хромосом. М., 2005; Ратнер В. А. Генетика, молекулярная кибернетика: личности и проблемы. Новосибирск, 2002.

воспоминания В. А. Ратнера, который преобладающую часть своей книги посвятил сугубо научным вопросам. Хотя в его мемуарах присутствует глава «Дмитрий Константинович Беляев», но она является простым пересказом содержания упомянутой выше книги с аналогичным названием.

Рассматриваемая тема затрагивается также в воспоминаниях А. П. Филатова, где ей посвящена отдельная глава¹²⁰. Как известно, автор в начале 1960-х гг. был зав. отделом науки и школ обкома КПСС, а в 1979–1988 гг. – его первым секретарем. Картина событий в его повествовании несколько упрощена, тем не менее, свидетельства Александра Павловича представляют значительную ценность, так как позволяют взглянуть на положение генетиков глазами представителя партийных органов.

Помимо опубликованных воспоминаний, существенное место в источниковой базе исследования занимают устные источники. При работе с данной группой источников применялась методика закрытой анкеты. Автор имел встречи с бывшим директором Института цитологии и генетики, советником РАН акад. В. К. Шумным, а также с зав. лабораторией ИЦиГ, советником РАН акад. Л. Н. Ивановой, гл. науч. сотр. ИЦиГ д-ром биол. наук А. Д. Груздевым, гл. науч. сотр. ИЦиГ д-ром биол. наук И. И. Кикнадзе, гл. науч. сотр. ИЦиГ д-ром биол. наук В. Н. Тихоновым, заведующими лабораториями д-ром биол. наук П. М. Бородиным, д-ром биол. наук Г. М. Дымшицем, д-ром биол. наук С. И. Малецким и д-ром биол. наук О. Л. Серовым. Разговор со свидетелями и участниками прошедших событий, или же с теми, которые пришли в институт позднее и являются лишь носителями устной традиции, порой позволяет с разных сторон посмотреть на те или иные события и личности.

В этой связи наибольший интерес представляют интервью Владимира Константиновича Шумного, возглавлявшего ИЦиГ в 1985–2007 гг., и Ии Ивановны Кикнадзе, научного сотрудника института с 1957 г. Их свидетельства могут служить ценным подспорьем в понимании таких сложных вопросов истории ИЦиГ, как отставка Н. П. Дубинина в октябре 1959 г., назначение директором Д. К. Беляева, позиция Новосибирского обкома КПСС.

¹²⁰ Филатов А. П. Жили-прожили мы не зря. Новосибирск, 2005. С. 62–66.

Значительную ценность имеют также свидетельства Станислава Игнатьевича Малецкого. Так, в одной из бесед им была выдвинута отличающаяся от точки зрения И. И. Кикнадзе версия о квалификационном уровне кадров, о двух поколениях ученых института. Надо сказать, что данное представление, согласно которому старшие сотрудники после разгрома генетики в 1948 г. утратили квалификацию, а молодые ученые не имели специального образования, подтверждается рядом архивных документов¹²¹. Кроме того, С. И. Малецкий приводит ряд фактов о противоречивости личности Д. К. Беляева, что, в частности, отражено в рукописи его неопубликованной статьи¹²².

В целом же адекватная картина рассматриваемых событий реконструируется путем комплексного использования как официальных документов, так и источников личного происхождения.

¹²¹ «Кадровый вопрос» весьма критично был представлен П. К. Шкварниковым в его отчете о поездке в США в 1963 г. См.: *НАСО*. Ф. 10. Оп. 9. Д. 86. Л. 106–107.

¹²² *Личный архив автора (Далее – ЛАА)*. Рукопись: Малецкий С. И. Академический тупик. Новосибирск, 1988.

Глава 2

СОЗДАНИЕ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР И НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ ГЕНЕТИКИ

2.1. Становление Института цитологии и генетики СО АН

В 1948 г. генетика была подвергнута разгрому на сессии ВАСХ-НИЛ и ко времени создания новосибирского Академгородка по-прежнему находилась в трудном положении. Вместе с тем в последние годы сталинской эпохи обнаруживаются некоторые тенденции к реабилитации этой науки. По поводу подоплеку обозначенных перемен прослеживаются две версии происходивших событий. Согласно одной из них, в конце сталинского правления имела место своего рода «оттепель» по отношению к ряду наук. В данном контексте некоторые перемены в положении биологии рассматриваются как результат общего ослабления идеологического давления¹.

Вторая точка зрения обнаруживается, к примеру, в воспоминаниях Ю. А. Жданова – ученого-химика, сына А. А. Жданова. По его мнению, летом 1952 г. под влиянием физиков-атомщиков И. В. Сталин решил ликвидировать монополию Т. Д. Лысенко. В это время чрезвычайную важность приобрела разработка методов выявления радиационной опасности и средств лечения радиационной болезни, определения генетических последствий облучения. В сложившейся ситуации «народный академик» и его последователи не смогли ничего предложить, поэтому требовалось использовать опыт тех, кто исследовал действие радиации². В целом же, версию о начале перемен к лучшему в положении генетики в конце сталинского периода в настоящее время следует квалифицировать не более как гипотезу, которая нуждается в соответствующей фактической проверке.

В послесталинский период по мере изменения общественной атмосферы создаются более благоприятные предпосылки для возрождения опальной науки. Большую роль в этом сыграла инициатива

¹ См.: Ханин Г. Сталин – инициатор перестройки / Беседовал Л. Аннинский // Родина. 2006. № 1. С. 18–23. Автор – д-р экон. наук, проф. Сибирского государственного университета путей сообщения.

² Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое. Воспоминания очевидца. М., 2004. С. 261.

прогрессивной части научного сообщества, прежде всего физиков-атомщиков, свидетельством чего стало «письмо 300-т» (11 октября 1955 г.)³.

О конкретных инициативах научного сообщества по возрождению генетики можно судить по воспоминаниям А. Д. Сахарова: «Отдаленные биологические последствия ядерных взрывов в основном связаны с так называемыми не пороговыми эффектами. <...> Одним из таких эффектов являются генетические повреждения. В связи с проблемой ядерных испытаний я вновь вспомнил о своем юношеском интересе к генетике. В этой науке тогда как раз происходили драматические события. <...> В 1956 г. (кажется) Я. Б. Зельдович повел меня к Н. П. Дубинину, который был тогда одним из опальных вождей опальной генетики. <...> Наш визит к Дубинину был не просто экскурсией. В это время Курчатов собирался организовать в своем институте в порядке меценатства некое прибежище для опальных генетиков, и ему нужно было иметь рядом беспристрастных людей, с которыми он мог бы посоветоваться»⁴.

В этой связи значительный интерес представляет записка И. В. Курчатова Н. С. Хрущеву о необходимости опубликования статьи А. Д. Сахарова «Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты» от 31 декабря 1957 г. В документе, в частности, сообщалось: «В статье т. Сахарова вскользь затрагивается важный вопрос о влиянии космических лучей и радиоактивного излучения на мутации вирусов. <...> Среди биологов и многих физиков (об этом мне говорили акад. Харитон и акад. Тамм) существует убеждение, что, действуя радиоактивными излучениями, можно создать видоизмененные вирусы заразных болезней (например, оспы), против которых уже не будут эффективны существующие сейчас прививки. Нападающая страна, защитив свою армию и насе-

³ Напомним, что «письмо 300-т» было нацелено на поддержку генетики и содержало критику в адрес Т. Д. Лысенко. Данное послание, направленное в Президиум ЦК КПСС, было подписано ведущими учеными страны, среди которых были не только биологи. Так, свои подписи поставили академики П. Л. Капица, М. В. Келдыш, Л. Д. Ландау, И. Е. Тамм и др. Подробнее см., напр.: Захаров И. К., Шумный В. К. К 50-летию «письма трехсот» // Информационный вестник ВОГиС. 2005. Т. 9. № 1. С. 12–13.

⁴ Сахаров А. Д. Воспоминания. В 2-х т. М., 1996. Т. 1. С. 274–277.

ление заблаговременно разработанными новыми защитными средствами против таких бактерий, может нанести страшный урон своему противнику, которому потребуется значительное время для разработки своих защитных средств. Это касается не только вирусов, но и возбудителей грибковых заболеваний людей, животных и растений. Есть основания думать, что американские биологи серьезно работают сейчас над этой новой формой бактериологической войны. Мне представляется целесообразным, чтобы Министерство обороны СССР представило доклад по этому вопросу в ЦК КПСС»⁵.

Кроме того, приведем фрагмент из воспоминаний Е. П. Славского, который был министром «среднего машиностроения» (атомной промышленности) и на определенном этапе являлся одним из наиболее влиятельных хозяйственных руководителей страны. Он так вспоминает о ситуации середины 1950-х гг.: «В это время Лысенко зажимал генетику. А Игорь Васильевич (Курчатов – С. Ш.) решил Дубинина защитить – и к Хрущеву. А тот: “Игорь Васильевич! Мы вас очень ценим и уважаем, а здесь вы неграмотны, не суйтесь к этому делу!” Я тогда не знал, кто такой Вавилов Николай Иванович. Думал, что это Сергей Иванович. А это его брат – генетик. А Лысенко, оказывается, всякую подлость творил. И вот Игорь Васильевич обратился тогда ко мне: “Давай деньги!” Построили помещение – и генетиков вырастили в тайне от Хрущева. Только несколько лет назад отдали их из Института атомной энергии в Академию наук – целый институт молекулярной генетики!»⁶.

Роль физиков-атомщиков в возрождении генетики получила фундаментальную концептуальную характеристику в статье известного исследователя истории отечественной науки В. П. Визгина. Он пи-

⁵ *РГАНИ*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 318. Л. 53– 56. Документ был разослан членам Президиума ЦК КПСС и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и содержал грифы «Совершенно секретно» и «Особая папка» (в настоящее время гриф «Особая папка» снят). 3 января 1958 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен вопрос «Записка т. Курчатова от 31 декабря 1957 г.», который дал согласие на опубликование в печати статьи акад. А. Д. Сахарова «Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты» (*РГАНИ*. Ф. 3. Оп. 14. Д. 175. Л. 7). Характерно, что в научных изданиях, издававшихся в СССР эта статья А. Д. Сахарова не обнаружена.

⁶ *Е. П. Славский*. 100 лет со дня рождения. М., 1999. С. 75.

шет: «Несомненна роль ядерного щита и в нормализации положения дел на физическом факультете МГУ в 1953–1954 гг., и в поддержке генетиков в сталинские и хрущевские времена»⁷.

Следует отметить, что ветераны Института цитологии и генетики СО РАН (И. И. Кикнадзе, С. И. Малецкий, О. Л. Серов и др.) также подтверждают, что перед институтом в качестве приоритетной была поставлена задача изучения биологических последствий радиационного воздействия. В частности, по утверждению С. И. Малецкого, институт и был создан в значительной мере для реализации этих задач, так как военным требовалось получить защиту от радиации⁸.

По мнению бывшего директора ИЦиГ акад. В. К. Шумного, за организацию института надо благодарить таких ученых как И. В. Курчатов, П. Л. Капица, Н. Н. Семенов, Х. С. Коштыяц, В. А. Энгельгард, обратившихся к М. А. Лаврентьеву с просьбой о создании подобного научного учреждения. Как отмечает Владимир Константинович, в первую очередь именно И. В. Курчатов понимал необходимость изучения генетических последствий радиации⁹.

Следует также особо отметить отношение к данному вопросу другого известного физика – акад. И. Е. Тамма. Так, в 1957 г. он писал: «Я считаю, что роль ведущей науки естествознания перейдет в относительно недалеком будущем от физики к биологии. <...> За последние полвека было доказано, что наследственные признаки живых существ связаны в основном с ядром клетки и хромосомами, из которых оно состоит. Была установлена решающая роль ДНК (а не белков, как предполагали многие) в передаче наследственной информации»¹⁰.

⁷ *Визгин В. П.* Формирование научного сообщества отечественных ученых-атомщиков: люди, институты, ведомства // *Вестник РГНФ*. 2006. № 1. С. 132. Автор – д-р физ-мат. наук, зав. сектором истории и механики Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова.

⁸ *ЛАА*. Запись беседы с С. И. Малецким от 10 августа 2006 г.

⁹ *Там же*. Запись беседы с В. К. Шумным от 26 ноября 2007 г.

¹⁰ *Нобелевские лауреаты – авторы «ГМ»* // *Техника – молодежи*. 2008. № 10. С. 23. В данной публикации помещена статья И. Е. Тамма «Роль ведущей науки перейдет от физики к биологии», опубликованная в № 9 указанного журнала за 1957 г.

Однако, как известно, во второй половине 1950-х гг. Т. Д. Лысенко, опираясь на поддержку Н. С. Хрущева, вновь укрепил свои позиции и развернул гонения на генетику. Это в немалой степени было связано с новыми обещаниями «народного академика» о «чудодейственных средствах» подъема сельского хозяйства. В частности, по свидетельству Ю. А. Жданов, Т. Д. Лысенко смог «подкупить» Н. С. Хрущева предложением улучшить показатели молочного стада коров за счет скрещивания с джерсейской породой¹¹. Возможно, сказалось и сходство мировосприятия Н. С. Хрущева и Т. Д. Лысенко, как выходцев из деревни, носителей своего рода крестьянского менталитета с его ограниченностью и подозрительностью по отношению к «умникам».

Говоря о возвышении Т. Д. Лысенко необходимо также обратить внимание на версию историка Р. А. Медведева. По его мнению, Т. Д. Лысенко имел много друзей в аппарате ЦК КПСС и в Совете Министров СССР, среди которых были Л. И. Кириченко и Н. В. Подгорный. Кроме того, Т. Д. Лысенко удалось наладить отношения с ближайшим помощником Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству А. С. Шевченко, который стал академиком ВАСХНИЛ¹².

В этой противоречивой обстановке и начинается становление генетических исследований в формирующемся Новосибирском научном центре. Своим решением от 7 июня 1957 г. Президиум АН СССР в ряду других институтов Сибирского отделения АН предусмотрел создать Институт цитологии и генетики¹³.

Помимо общих факторов «оттепели», успешному созданию нового института способствовали некоторые более конкретные обстоятельства – поддержка со стороны руководства СО АН (М. А. Лаврентьева), относительная независимость формирующегося научного центра от региональных партийных структур, присущий ему в годы становления дух свободолобия. В тоже время, как нам представляется, нельзя переоценивать значимость такого рода факторов, как это порой прослеживается в некоторых исследованиях. Так, Н. А. Купер-

¹¹ Жданов. Ю. А. Указ. соч. С. 263.

¹² Медведев Р. А. Никита Хрущев. Отец или отчим советской «оттепели». М., 2006. С. 459.

¹³ НАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

штох справедливо отмечая поддержку Института цитологии и генетики рядом известных ученых (помимо М. А. Лаврентьева, называются С. Л. Соболев, И. Н. Векуа, А. А. Ляпунов, Г. И. Будкер), приходит к выводу, что становление института начиналось «в относительно благоприятных условиях»¹⁴. Однако при этом не следует забывать, что, во-первых, начиная с 1958 г. Институт цитологии и генетики нередко испытывал жесткое давление властно-идеологических структур. Во-вторых, вплоть до 1964 г. у института не было собственного здания, – он последним из институтов СО АН въехал «под крышу дома своего». Разумеется, это чрезвычайно затрудняло работу генетиков и вместе с тем характеризует общую ситуацию и политику руководства по отношению к данному научному коллективу.

Организация Института цитологии и генетики СО АН была поручена член-корр. АН СССР Н. П. Дубинину, возглавлявшему в то время лабораторию радиационной генетики в Институте биофизики АН СССР. Он был назначен директором-организатором института постановлением Президиума АН СССР «О Сибирском отделении Академии наук СССР» от 21 июня 1957 г.¹⁵. Информация о назначенных директорах создаваемых институтов была переда-

¹⁴ Куперитох Н. А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999. С. 62. Вместе с тем существуют разные точки зрения относительно поддержки новосибирских генетиков ведущими учеными СО РАН. Так, по воспоминаниям супруги акад. С. Л. Соболева Ариадны Дмитриевны, М. А. Лаврентьев не интересовался биологией и не собирался развивать ее в Сибирском отделении, но его убедили С. А. Христианович и С. Л. Соболев (Амирьянц Г. А. Два великих Сергея // Академик С. А. Христианович. М., 2008. С. 250). Кроме того, вызывает вопрос и уровень компетентности ученых, которые не были по своей специальности биологами. О том, что такая проблема существовала, свидетельствует публикация Н. Делоне, где, в частности, приводится следующее мнение акад. И. Е. Тамма в адрес А. А. Ляпунова: «Ляпунов малопочтенный человек, все только запутает» (Делоне Н. Как физики спасали генетику // Здравый смысл. 2009. № 1. С. 29).

¹⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1957. Д. 64. Л. 14. Характерно, что в проекте постановления общего собрания Академии наук СССР об избрании директоров институтов от 2 ноября 1957 г. перечислены имена всех назначаемых директоров, представлены их биографии, а о Н. П. Дубинине нет ни слова (Там же. Д. 123. Л. 80–90).

на в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Вот что говорилось по этому поводу о Н. П. Дубинине: «Н. П. Дубинин – 1907 года рождения, русский, беспартийный, известный ученый в области генетики и экспериментальной зоологии, заведующий лабораторией Института биофизики АН СССР»¹⁶.

В связи с этим необходимо уделить большее внимание личности Николая Петровича Дубинина, принимая во внимание неоднозначность имеющихся в литературе оценок. Наряду с преобладающими характеристиками Н. П. Дубинина как выдающегося ученого, мужественного борца за возрождение генетики, порой имеют место и противоположные оценки. Так, в книге В. В. Бабкова и Е. С. Саканян выдвигается версия, что еще во время монополии Т. Д. Лысенко, Н. П. Дубинин «приступил к строительству своей собственной монополии в биологической науке». Названные авторы говорят о неблагоприятных действиях Н. П. Дубинина и в последующие годы, например, на Всесоюзном съезде генетиков (октябрь 1987 г.), где собирались подписи за реабилитацию Н. В. Тимофеева-Ресовского. В книге также утверждается, что Н. П. Дубинин «растоптал» имя Н. К. Кольцова – своего учителя. Кроме того, по словам этих авторов, Н. П. Дубинин в своем институте не разрешал печатать статьи, если его фамилия не была поставлена первым из соавторов¹⁷.

Следует отметить, что в ряде других публикаций В. В. Бабкова также дается весьма критичная оценка Н. П. Дубинина. Так, в книге «Заря генетики человека», указывается на «попытку рвущегося к монополии академика Н. П. Дубинина обвинить борца за автономию науки Б. Л. Астаурова в чудовищных идеологических преступлениях»¹⁸. В свою очередь, в очерке «О жизни и творчестве Николая Кон-

¹⁶ Там же. Д. 64. Л. 95. Документ был отправлен 27 июля 1957 г. и подписан главным ученым секретарем Президиума АН СССР А. В. Топчиевым.

¹⁷ Бабков В. В., Саканян Е. С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. М., 2002. С. 275, 331–333. Авторы: В. В. Бабков – генетик-популяционист и историк науки, сотрудник Института истории естествознания и техники РАН; Е. С. Саканян – кинорежиссер и драматург (к сожалению, в настоящее время их уже нет в живых).

¹⁸ Бабков В. В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М., 2008. С. 714.

стантиновича Кольцова», названный автор указывает, что целью мемуаров «Вечное движение» было переложить вину за «лысенковщину» на самих генетиков¹⁹.

Сходные мотивы прослеживаются в статье Е. С. Левиной «Трагедия Н. И. Вавилова», где говорится о недооценке этого титана отечественной науки в мемуарах Н. П. Дубинина. Автор упрекает Н. П. Дубинина в тенденциозности и субъективизме, делая вывод, что его книга «Вечное движение» не может использоваться в качестве серьезного источника²⁰.

В свою очередь, В. Н. Сойфер в упоминавшейся книге «Власть и наука», вспоминая годы совместной работы с Н. П. Дубининым, выдвигает версию о «поразительной неграмотности» академика. По утверждению названного автора, когда он указал Николаю Петровичу на ошибку в одной из его публикаций, тот, придя в ярость, закричал: «Запомните, я – академик и вовсе не должен вспоминать об этих запятых! У меня всегда найдутся умники, вроде вас, которые за меня их, где нужно, расставят»²¹.

Однако наиболее острой критике Н. П. Дубинин подвергается в другой работе В. Н. Сойфера, посвященной непосредственно Николаю Петровичу. В данной книге Валерий Николаевич утверждает: «В своих мемуарах, осуждая Лысенко, Дубинин писал: “Одной из ошибок Т. Д. Лысенко было то, что он сузил кадры генетики до групп, которые подбирались по признаку преданности ему”. Но стоило ему возглавить ведущий генетический институт, созданный на месте разогнанного института Лысенко, как он воспринял целиком тактику своего предшественника, перенял его методы и начал претворять их в жизнь с тем же или даже с большим размахом».

Автор отмечает, помимо прочего, и некоторые особенности научной деятельности Н. П. Дубинина: «Те, кто знал его ближе, отмеча-

¹⁹ Он же. О жизни и творчестве Николая Константиновича Кольцова // Кольцов Н. К. Избранные труды. М. 2006. С. 222.

²⁰ Левина Е. С. Трагедия Н. И. Вавилова // Репрессированная наука. Л., 1991. Вып. 1. С. 235–236, 238.

²¹ Сойфер В. Н. Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 960.

ли, что и раньше Дубинин во многих своих публикациях не брезговал тем, чтобы переписывать целиком абзацы из чужих работ и вставлять их без указания истинного автора в свои публикации. Так что использование чужих трудов было совсем не случайным, с годами стиль академика не изменился».

В книге также показано отношение к Н. П. Дубинину других ученых: «...Однажды мне говорил с раздражением президент ВАСХНИЛ П. П. Лобанов: “Опять на днях у меня был Дубинин. Снова, как много уже раз на протяжении последних тридцати лет, он мне заявил, что в очередной раз стоит на пороге великого открытия. Так он десятилетиями и стоит на этом пороге и никак за порог не переступит”».

Главный вывод В. Н. Сойфера в отношении фигуры Н. П. Дубинина заключается в следующем: «Его характер и личные устремления выстроила в один примитивный ряд политическая система, а сам он стал Выучеником Системы, точно таким же, каким был первый государственный выдвиженец в биологии в СССР – Трофим Денисович Лысенко. Николай Петрович Дубинин был просто талантливым социальным адаптантом»²².

Надо сказать, что далеко не лестные отзывы о Н. П. Дубинине мы встречаем у некоторых из его коллег, в частности, у В. П. Эфроимсона. Патриарх отечественной генетики называет Николая Петровича «Лысенко № 2» и «карьеристом»²³ и, касаясь их личных отношений,

²² *Он же*. Тень Ленина его усыновила...: Документальный детектив об одном Ленинском лауреате и советских генетиках. М., 2006. С. 315–316, 372, 374, 386. Следует, однако, иметь в виду, что названный автор несколько по-иному отзывался о Н. П. Дубинине в предшествующие годы. Например, в 1975 г. он писал: «Одним из крупных достоинств работ по изучению ступенчатых аллеломорфов был количественный метод учета мутантов. Разработав систему, позволявшую количественно оценивать результат каждой мутации, Серебровский, Дубинин и другие авторы тогда же раскрыли явления дополнения одного мутантного гена другим. <...> За цикл работ по хромосомной теории наследственности и теории мутаций Дубинин был удостоен в 1966 г. Ленинской премии». См.: *История биологии с начала XX в. до наших дней*. М., 1975. С. 312.

²³ *Неожиданная* автобиография. К 100-летию со дня рождения В. П. Эфроимсона // *Человек*. 2008. № 4. С. 153.

утверждает, что «он мне напакостил больше, чем Лысенко и Презент вместе взятые»²⁴.

Некоторые имеющиеся в нашем распоряжении документы в какой-то мере подтверждают обоснованность названных замечаний в отношении Н. П. Дубинина. Примером могут быть материалы заседания Президиума СО АН от 20 ноября 1973 г. В его стенограмме зафиксировано следующее сообщение директора Института цитологии и генетики Д. К. Беляева: «7 ноября 1973 года, в день великого праздника, состоялся традиционный репортаж с Красной площади, в нем выступил и академик Дубинин, который был справедливо отрекомендован комментатором как один из крупнейших советских генетиков, и когда его попросили – не мог ли бы он сообщить о достижениях советской генетики, он сказал, что сообщит о достижениях его института, и в качестве третьего достижения он назвал этот самый синтез гена. Я сам видел лицо Н. П. Дубинина на экране телевизора и слышал его слова: он сообщил об этом как о достижении Института общей генетики, “о только что осуществленном в Институте общей генетики синтезе гена”».

Далее Дмитрий Константинович отметил: «В Москве это вызвало соответствующую реакцию, вчера Энгельгардт собирал соответствующую конференцию по этому поводу, я в качестве председателя Научного совета по проблемам генетики получил официальное письмо от Гершензона. Вот это письмо, мы с товарищами сочли необходимым информировать членов Президиума об этом обстоятельстве. Это явление, мимо которого трудно пройти. Я должен добавить, что, кроме претензий на синтез гена, Н. П. Дубинин не в первый раз заявляет свои претензии на авторство в создании триплоидных сортов сахарной свеклы, которые созданы действительно при его участии на первом этапе в нашем институте, но в решающей части они были сделаны потом без него. В этой же информации на Красной площади Дубинин сообщил, что гибриды занимают 1,5 млн. га, фактически же – 400 тысяч га. Наш институт не несет никакой ответственности за его заявление».

М. А. Лаврентьев, подводя итоги рассматриваемого обсуждения, сказал: «По-моему, вопрос достаточно прозрачный: это была гене-

²⁴ *Указ. соч.* // Там же. 2008. № 5. С. 149.

ральная линия Энгельгардта, большая коллективная работа. Ясно, что поведение Н. П. Дубинина было некорректным. Я думаю, что мы поблагодарим Дмитрия Константиновича Беляева за интересную информацию и будем в курсе дела»²⁵.

Для объективного рассмотрения личности Н. П. Дубинина, следует отметить, что в книге «Николай Петрович Дубинин и XX век» имеется раздел «О некоторых фактах, искажающих историю отечественной генетики». В данном разделе подвергаются критике ряд авторов, опубликовавших работы по истории этой науки. Среди них, в частности, упоминаются В. В. Бабков и Е. С. Саканян, а также В. Н. Соيفер. Например, по отношению к последнему утверждается: «Уже в старости В. Н. Соифер, бывший сотрудник ИОГен АН СССР, эмигрировавший на Запад, опубликовал немало материалов о Н. П. Дубинине не просто в неуважительном тоне, а зачастую лживых и надуманных. Эпизоды были придуманы самим автором или приведены со слов С. М. Гершензона, примкнувшего после 1948 г. к лагерю Т. Д. Лысенко». В целом, составители сборника приходят к следующему выводу: «По всей вероятности, В. В. Бабков с Е. С. Саканян и В. Н. Соифер и иже с ними, выдающие себя за “историков науки” используют имя академика Н. П. Дубинина для пиаровских акций своих книг»²⁶.

П. Джозефсон также выдвигает ряд спорных положений относительно фигуры первого директора Института цитологии и генетики Н. П. Дубинина. Говоря о жизненном пути Николая Петровича, он, в частности, указывает: «В период расцвета “лысенковщины” Дубинин нашел тихое место в Алма-Ате, а затем в Институте леса на Урале, директор которого, академик Сукачев, генетик по специальности, позволил ему заниматься генетикой птиц»²⁷.

При этом американский автор умалчивает обо всей деятельности Н. П. Дубинина по противодействию «лысенковщине» в

²⁵ *НАСО*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 910. Л. 307–309.

²⁶ *Николай Петрович Дубинин и XX век: современники о жизни и деятельности: письма, материалы, воспоминания: к 100-летию со дня рождения / сост. Л. Г. Дубинина, И. Н. Овчинникова. М., 2006. С. 347–348.*

²⁷ *Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997. P. 93.*

1930-е–1940-е гг., которая закончилась его отстранением от работы постановлением Президиума АН СССР в августе 1948 г. после знаменитой сессии ВАСХНИЛ. Данный сюжет нашел яркое описание в мемуарах Н. П. Дубинина²⁸. Вызывает недоумение и упоминание Алма-Аты, где Н. П. Дубинин работал в 1942–1943 гг. в составе эвакуированного Института экспериментальной биологии, а не скрывался от «лысенковцев».

Кроме того, исследователь дает излишне категоричную оценку деятельности Н. П. Дубинина, как директора ИЦиГ: «Действительно, своим невниманием он более навредил институту в период становления, чем Хрущев и “лысенковцы” с их непрерывными попытками закрыть учреждение»²⁹. Надо сказать, что приведенная версия весьма сомнительна, хотя и содержит долю истины. Так, 8 мая 1959 г., выступая на партийном собрании института, секретарь партийной организации Ю. П. Мирюта отметил «своеобразный неровный характер работы в институте, по той причине, что директор бывает наездами и с его приездом все кругом превращается в горячку, вызывается большая нервозность, выбивающая из колеи большинство из коллектива»³⁰.

Для всесторонней характеристики фигуры первого директора ИЦиГ, необходимо использовать также имеющиеся в нашем распоряжении устные источники, например, свидетельства И. И. Кикнадзе, ставшей сотрудником института еще в период директорства Н. П. Дубинина. По ее словам, он был крупным ученым и выдающимся человеком. Ия Ивановна высоко оценивает роль Николая Петровича в создании института, так как он подобрал для него кадры, определил профиль его деятельности. Вместе с тем она отмечает и противоречивость его личности. И. И. Кикнадзе говорит, что, когда Н. П. Дубинин уехал, он был так оскорблен увольнением, что «отрезал» от себя институт и перестал встречаться с его сотрудниками, отвечая только на частные открытки. Постепенно Н. П. Дубинин стал «злейшим врагом» ИЦиГ. Он постоянно говорил, что Д. К. Беляев не тот, кто нужен на посту директора. От Н. П. Дуби-

²⁸ *Дубинин Н. П. Вечное движение. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 248–274.*

²⁹ *Josephson P. New Atlantis revisited... P. 94.*

³⁰ *ГАНУ*. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

нина ушли все ученики – В. В. Хвостова, Н. Н. Соколов, Б. Н. Сидоров, А. А. Прокофьева-Бельговская. Он так обиделся, что, будучи директором Института общей генетики в Москве, считал, что его институт главный, и что ИЦиГ ему «в подметки не годится». Тем не менее, характеризуя Н. П. Дубинина, Ия Ивановна вновь подчеркивает, что вначале сотрудники института восхищались своим первым директором; он был самым крупным из ученых, с кем ей довелось встретиться³¹.

Можно привести также свидетельство О. Л. Серова, пришедшего в ИЦиГ в 1966 г. и уже не заставшего Н. П. Дубинина. Его свидетельство может в какой-то степени проиллюстрировать представление о Николае Петровиче среди сотрудников, пришедших в годы «правления» Д. К. Беляева. По мнению Олега Леонидовича, Н. П. Дубинин действительно внес значительный вклад в генетику. Отношение к нему во многом определялось «вопросом моральной категории». Так, «недобитые» в годы репрессий генетики, в целом, держались вместе, и ни за кем не числилось неблагоприятных поступков. Среди них «последним делом» считался переход в стан Т. Д. Лысенко, а Н. П. Дубинин, в свою очередь, вел борьбу с «лысенковщиной». Однако подвела его другая борьба – на идеологическом «фронте». Статьи Н. П. Дубинина в центральных партийных и философских журналах побудили большинство генетиков перейти на сторону Д. К. Беляева. Даже ученики оставили его и он, по большому счету, остался один. Наш собеседник утверждал, что в 1981 г. Н. П. Дубинин лишился поста директора Института общей генетики из-за конфликтов, вызванных его личным поведением, в частности, высокомерием³².

Вместе с тем в имеющихся в нашем распоряжении воспоминаниях можно встретить и другую точку зрения, в частности, по поводу непростых отношений между коллективом ИЦиГ и Н. П. Дубининым в последующие годы. Так, в мемуарах сотрудницы института Т. С. Ростовцевой утверждается: «В. В. Хвостова повела атаку на академика Н. П. Дубинина. Стала распространять слухи, что он очень изменился, стал плохим человеком. И постепенно сотрудники инсти-

³¹ ЛАА. Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г.

³² Там же. Запись беседы с О. Л. Серовым от 14 ноября 2006 г.

тута, которые сохраняли добрую память о нем как о директоре, ученом и человеке, стали перестраиваться»³³.

Здесь стоит сказать несколько слов о противостоянии Д. К. Беляева и Н. П. Дубинина в 1970-е гг. Видимо, в немалой степени оно определялось борьбой за лидерство, хотя вместе с тем, бесспорно, присутствовала и научная составляющая данного конфликта. По этому поводу в воспоминаниях жены Д. К. Беляева С. В. Аргутинской говорится: «Дубинин считал, что духовное содержание человека относится к его надбиологической сфере, которая не записана в генах. Отвечая Н. П. Дубинину, ДК (Беляев – С. Ш.) отмечал, что человек не исключен из сферы генетической детерминации, люди неодинаковы в потенциальных возможностях психики и интеллекта. Они различны уже при рождении, поскольку фундаментальные законы наследственности едины для всего живого, включая и человека»³⁴.

В свою очередь, в популярной публикации д-ра биол. наук В. Сапунова утверждается: «Лидером борьбы с научной социобиологией стал главный оппонент Лысенко – академик Н. П. Дубинин. Его лжеученым назвать нельзя. Продолжая выполнять блестящие и глубоко научные работы на мушке дрозофиле, Дубинин проповедал ошибочную трактовку положений генетики человека. В тюрьмы в то время ученых за научные взгляды уже не сажали, но благодаря активности Дубинина, специалисты, работавшие в области социобиологии и генетики поведения, оказались лишенными возможности плодотворно трудиться»³⁵.

За свое отношение к генетике человека Н. П. Дубинин подвергается критике и в других публикациях. Например, в статье Е. А. Кешман приводятся фрагменты из его книги «История и трагедия совет-

³³ Ростовцева Т. С. Путь в науку или не называя фамилии: воспоминания. Коломна, 2002. С. 61–62. Следует заметить, что названные мемуары получили крайне негативную оценку со стороны акад. В. К. Шумного. По его словам, Татьяна Степановна отличалась скандальным характером, а ее воспоминания во многом лишены достоверности (ЛАА. Запись беседы с В. К. Шумным от 22 декабря 2009 г.).

³⁴ Аргутинская С. В. Дима // Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний. Новосибирск, 2002. С. 63.

³⁵ Сапунов В. Генетические основы преступности с точки зрения Ц. Ломброзо и Л. Берии // Чудеса и приключения. 2004. № 8. С. 39.

ской генетики» и утверждается, что, критикуя евгенику, он «выносит однозначный приговор» своему учителю – Н. К. Кольцову. Автор также отмечает, что Н. П. Дубинин переносит всю вину за августовскую сессию 1948 г. на ученых, занимавших евгенические позиции³⁶.

Действительно, если мы обратимся к трудам названного ученого, то можем обнаружить там вполне однозначное отношение к евгенике³⁷. Например, в одной из его работ мы читаем: «Наряду с замечательными успехами в области генетики в 1920-х годах, ее развитие имело и некоторые отрицательные моменты. Причем наибольший общественный резонанс приобрели ошибки ряда генетиков в отношении к проблеме человека. <...> На представлениях о связи социальной личности человека с его генетическими способностями развились концепции евгеники, социал-дарвинизма и расизма»³⁸.

Между тем следует иметь в виду, что представленная позиция имеет своих сторонников и в настоящее время. Так, в публикации Л. Мельникова евгеника охарактеризована следующим образом: «Евгеника, “упорядочивающая” природу людей, на деле ведет к обеднению генетического фонда человечества, являясь одной из опаснейших псевдонаучных теорий»³⁹.

В завершение характеристики сложной фигуры первого директора ИЦиГ, приведем мнение американского исследователя Лорена Грэхэма, автора фундаментального труда по истории взаимодействия диалектического материализма и советской науки. Говоря о Н. П. Ду-

³⁶ *Кешман Е. А.* «И все же истина нетленна...» // *Человек*. 2009. № 1. С. 57–58. Автор – биолог, журналист, хранитель архива В. П. Эфроимсона.

³⁷ *Евгеника – наука об использовании генетических принципов для улучшения наследственных качеств человеческих популяций, рас. Учение о наследственном здоровье человека и путях его улучшения (Глазко В. И., Глазко Г. В.* Толковый словарь терминов по общей и молекулярной биологии, общей и прикладной генетике, селекции, ДНК-технологии и биоинформатике. В 2-х томах. Т. 1. М., 2008. С. 333).

³⁸ *Дубинин Н. П.* Методологические и практические аспекты развития советской генетики // *Очерк развития генетических исследований в СССР*. М., 1976. С. 9.

³⁹ *Мельников Л.* Талант... по наследству? // *Чудеса и приключения*. 2008. № 8. С. 7. Автор – акад. Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского.

бинине, он, с одной стороны, указывает на его положительную роль в истории развития советской генетики. Л. Грэхэм ставит ему в заслугу значимые исследования, выступления против Т. Д. Лысенко и считает, что, возглавив после падения «народного академика» Институт общей генетики, Н. П. Дубинин способствовал возрождению этой науки.

С другой стороны, Л. Грэхэм отмечает, что в начале 1970-х гг. Николай Петрович непрерывно писал статьи, в которых выступал против генетического подхода к проблеме изучения поведения человека и рассматривал эту проблему с точки зрения марксистской философии, отдавая приоритет социальной обусловленности человеческих качеств.

По утверждению названного автора, стремление Н. П. Дубинина связать свои взгляды с «диалектическим материализмом» выглядело в глазах научного сообщества весьма похожим на аналогичные попытки, предпринимаемые ранее «лысенкоизмом». Кроме того, академик авторитарно относился к коллегам и со временем перестал самостоятельно заниматься исследованиями. В результате у него даже появилось прозвище «Трофим Денисович Дубинин».

Л. Грэхэм указывает, что Н. П. Дубинин был смещен с поста директора Института общей генетики в 1981 г., после публичных обвинений в преувеличении роли среды в объяснении поведения человека, прозвучавших на общем собрании Академии наук. Сам факт отставки рассматривался как поражение всех, кто стоял в этой дискуссии на схожих с Н. П. Дубининым позициях, которые на протяжении пятидесяти лет считались позициями официального советского марксизма. Кроме того, Л. Грэхэм акцентирует внимание на фигуре акад. А. Д. Александрова. Он ставит вопрос о причинах, по которым математик сыграл ключевую роль в смещении Н. П. Дубинина. По его мнению, А. Д. Александров имел репутацию антидогматика, его идеологическая приверженность марксизму не вызывала сомнений, поэтому именно он мог противостоять обвинениям в «ревизии» и «отказе» от марксизма, которые использовал Н. П. Дубинин в журнале «Коммунист»⁴⁰.

⁴⁰ *Грэхэм Л. Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 232–233, 237.

Что касается позиции А. Д. Александрова по данному вопросу, то она исчерпывающе раскрыта в посвященном ему сборнике воспоминаний. Рассматриваемый эпизод затрагивается в фрагменте С. С. Кутателадзе, который пишет, что А. Д. Александров занял «бойцовскую позицию» в связи с опубликованием в 1980 г. в журнале «Коммунист» статьи Н. П. Дубинина «Наследование биологическое и социальное». По мнению А. Д. Александрова, статья была «выдающимся произведением антинаучной литературы», о чем он в резкой форме и сказал на общем собрании АН СССР в ноябре 1980 г.⁴¹

* * *

Возвращаясь к проблеме становления Института цитологии и генетики СО АН, следует коснуться организационных и кадровых вопросов. Согласно многим свидетельствам, в ходе создания этого учреждения Н. П. Дубинин собрал в Новосибирске таких известных биологов как Ю. Я. Керкис, Ю. П. Мирюта, И. Д. Романов, П. К. Шкварников, которые помогли ему в последующем подборе кадров. Так, П. К. Шкварников подбирал исследователей по генетике растений. Ю. Я. Керкис, в свою очередь, занимался формированием кадров по генетике животных.

Кроме них, значительную работу провели коллеги Н. П. Дубинина из Москвы, которые помогали в составлении планов института и также подбирали кадры. Среди них были Б. Н. Сидоров, Н. Н. Соколов, А. А. Прокофьева-Бельговская, В. В. Хвостова.

Все вышеперечисленные ученые отвечали за отдельные направления работы и неоднократно обсуждали профиль института, при создании которого требовалось соблюсти определенное равновесие. Дело в том, что была необходимость возродить классическую генетику, в которой наша страна когда-то занимала приоритетные мировые позиции. В то же время требовалось создать те направления, которые получили развитие за рубежом в годы гонений на биологию. С целью развития данных направлений были приглашены молодые ученые, частично владевшие новыми методами. Среди них были Р. И. Салганик, изучавший молекулярную биологию,

⁴¹ Кутателадзе С. С. Штрихи // Академик А. Д. Александров. Воспоминания, публикации, материалы. М., 2002. С. 129–130.

Н. Б. Христолюбова, которая занималась электрономикроскопией и ультраструктурой клетки, И. И. Кикнадзе, как цитогенетик для исследования хромосом⁴².

Отметим, что в некоторых публикациях процесс «собирания» кадров в Новосибирске порой излагается с неточностями. Так, Н. П. Дубинин в своей работе «История и трагедия советской генетики» пишет: «При организации института цитологии и генетики в Новосибирск были приглашены ученые, которых сессия ВАСХНИЛ разбросала по разным уголкам страны: П. К. Шкварников, Д. К. Беляев, Р. И. Салганик, В. К. Шумный, И. Д. Романов, Ю. П. Мирюта, Г. А. Стакан, Ю. Я. Керкис, Д. Ф. Петров, Н. А. Плохинский и др.»⁴³. Между тем упомянутый здесь В. К. Шумный родился в 1934 г. и, следовательно, ни коим образом не мог пострадать от знаменитой сессии ВАСХНИЛ.

«Старая гвардия» приехавших в ИЦиГ генетиков была представлена учениками Московской и Ленинградских школ генетики⁴⁴. Из представителей Ленинградской школы, учеников Ю. А. Филипченко⁴⁵, следует отметить, прежде всего, заведующего лабораторией радиационной генетики Ю. Я. Керкиса. Юлий Яковлевич Керкис на момент прибытия в институт был уже известным биологом, специалистом в области энтомологии, генетики популяций, радиационной генетики. Многие из его исследований были сделаны еще в конце 1920-х–1930-е гг. Так, накануне войны Ю. Я. Керкис поставил про-

⁴² ЛАА. Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г.

⁴³ См.: Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики. Философские проблемы генетики. М., 2002. С. 251.

⁴⁴ Об истории становления отечественных школ генетики в довоенный период см.: Бабков В. В. Московская школа эволюционной генетики. М. 1985; Вавиловское наследие в современной биологии. М., 1989; Фандо Р. А. Формирование научных школ в отечественной генетике в 1930–1940-е гг. М., 2005.

⁴⁵ Филипченко Юрий Александрович (1882–1930) – проф. Ленинградского университета, занимался проблемами наследственности человека, генетических основ селекции. В 1913 г. начал читать в Петербургском университете первый в России факультативный курс генетики. О его биографии см. подробнее: Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко. 1882–1930. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

верочные эксперименты по так называемой «вегетативной гибридизации». О результатах Ю. Я. Керкис рассказал на генетической дискуссии в 1939 г. и вскоре после выступления был отстранен от научной работы. После этого он почти 17 лет работал главным зоотехником, а затем директором животноводческого колхоза на Памире и внес немало новшеств в организацию племенного дела с гиссарскими овцами ⁴⁶.

Среди приехавших в Новосибирск Ю. Я. Керкис был, видимо, наиболее крупной фигурой, не считая, конечно же, Н. П. Дубинина. Некоторые штрихи к портрету личности Юлия Яковлевича содержатся в переписке Ф. Г. Добржанского ⁴⁷ с Ю. А. Филипченко и Н. И. Вавиловым ⁴⁸.

⁴⁶ *За науку в Сибири*. 1965. 21 июля.

⁴⁷ Добржанский Феодосий Григорьевич (1900–1975) – известный биолог, родился в России, но с 1927 г. проживал в США, был одним из создателей экспериментальной генетики популяций.

⁴⁸ Например, Ю. А. Филипченко в письме Ф. Г. Добржанскому от 26 марта 1928 г., писал: «Но кто, безусловно, очень хорош – пожалуй, лучше всех из нашей юной молодежи – это Керкис». В свою очередь, Ф. Г. Добржанский, в послании Ю. А. Филипченко от 1 января 1930 г., сообщал: «Не менее того беспокоит отношение Юлия Яковлевича. Мысль о нем не дает покоя, так как в его лице теряю, в сущности, самого дорогого для меня человека». Тем не менее, на тот момент, Ю. Я. Керкис был еще молодым и только начинающим свой научный путь ученым. Это подтверждается, в частности, в письме Н. И. Вавилова Ф. Г. Добржанскому от 11 июня 1931 г., где утверждалось: «В работниках мы нуждаемся и в Академии – безлюдье. Я теперь уже огляделся: ни Лепина, ни Керкиса, ни Лусса крупными работниками считать не могу» (*У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге*. СПб., 2002. С. 299, 262, 433). Однако уже к 1940 г. Ю. Я. Керкис становится весомой фигурой. Так, в книге «Вавиловское наследие в современной биологии» отмечается: «Ученики Ю. А. Филипченко Ю. Я. Керкис и М. Е. Лобашев показали системность контроля мутационного процесса. Нарушения внутриклеточного гомеостаза ведет к репаративному ответу всей клеточной системы на повреждающие действия. Этот подход позволил Ю. Я. Керкису изучать зависимость темпа мутирования от стадии онтогенеза, возраста, пола, температурных колебаний» (*Воронцов Н. Н., Голубовский М. Д.* Популяционная и эволюционная генетика в СССР в вавиловское время (1917–1941 гг.) // *Вавиловское наследие в современной биологии...* С. 285).

Представителем Ленинградской школы был также Александр Николаевич Лутков. Вот что писала о нем газета «За науку в Сибири» в 1965 г., в связи с присвоением ряду сотрудников Сибирского отделения степени доктора биологических наук: «Это один из крупнейших специалистов в области полиплоидии растений. Ученик Н. И. Вавилова, А. Н. Лутков еще в 1930-е годы опубликовал ряд важных работ по использованию полиплоидии в селекции растений» ⁴⁹. В свою очередь, в упоминавшейся книге «Вавиловское наследие в современной биологии» отмечается: «Н. И. Вавилов предсказал, например, существование безлигульной формы ржи, впоследствии найденной в природе; в природе среди злаков лишь у ячменя не удавалось обнаружить такую форму, но ученик Н. И. Вавилова А. Н. Лутков путем облучения смог получить безлигульную мутацию и у этого рода» ⁵⁰. Кроме того, А. Н. Лутков имел опыт организационной работы. В юбилейной публикации о деятельности другого известного ученого – Г. Д. Карпеченко сообщается: «Заместителем Г. Д. Карпеченко по лаборатории был А. Н. Лутков. Он работал в лаборатории со дня ее основания – сначала лаборантом, затем младшим и впоследствии старшим научным сотрудником. А. Н. Лутков принимал самое активное участие как в организации самой лаборатории, так и в подготовке кадров, заведя лабораторией во время командировок заведующего, порой достаточно продолжительных» ⁵¹.

Московская школа Н. К. Кольцова–С. С. Четверикова среди первых сотрудников ИЦиГ была представлена, в частности, З. С. Никоро. Зоя Софроньевна занималась теоретическими вопросами популяционной генетики и в начале 1930-х гг. участвовала в коллективных работах по генетическому анализу природных популяций, проводимых под руководством Н. П. Дубинина и получивших «всемирное признание» ⁵². Однако августовская сессия ВАСХНИЛ в 1948 г. ли-

⁴⁹ *За науку в Сибири*. 1965. 21 июля.

⁵⁰ *Воронцов Н. Н., Голубовский М. Д.* Указ. соч. // *Вавиловское наследие...* С. 288–289.

⁵¹ *Вишнякова М. А., Гончаров Н. П.* Георгий Дмитриевич Карпеченко. К 100-летию со дня рождения (3.05.1899–28.07.1941) // *Информационный вестник ВОГиС*. 2009. Т. 13. № 1. С. 11.

⁵² *За науку в Сибири*. 1965. 8 марта.

шила ее возможности заниматься наукой и педагогической деятельностью, – почти десять лет Зоя Софроньевна была музыкальным работником⁵³.

Таким образом, как подчеркивает акад. В. К. Шумный, ИЦиГ объединил все отечественные генетические школы. Именно это дало мощный импульс развития генетики⁵⁴.

В целом, говоря о кадровом составе ИЦиГ, следует отметить, что в ноябре 1957 г. в институте было составлено 2 документа, посвященных штатам. Так, первый из них «Штаты ИЦиГ на 13.11.57 г.» содержит информацию о количественном составе научных работников. В частности, указывалось, что в институте работают: зав. отделами: Шкварников П. К., Романов И. Д.; ст. науч. сотр.: Керкис Ю. Я., Григорьев Ю. С., Салганик Р. И.; мл. науч. сотр. со степенью канд. наук: Христолюбова Н. Б., Милютин П. А.; мл. науч. сотр. без степени: Рукавишников Ю. М., Кулик М. И., Соломо Е. А., Яблонский Е. А.; лаборанты – 6 чел., адм. персонал – 1 чел.⁵⁵.

Другой документ «Сведения о штатах ИЦиГ» несет в себе и некоторую информацию социально-бытового характера. В нем отмечалось, что к концу 1958 г. число сотрудников составит 87 человек, в том числе «научно-технических сотрудников» – 80. Из них приезжают из других городов – 50. Для приезжих в 1957 г. предоставлено квартир – 7. До конца 1957 г. потребуется жилье для 43 сотрудников, в том числе для ст. науч. сотр. 25 квартир, для мл. науч. сотр. со степенью – 5, комнат в общежитии для мл. науч. сотр. без степени – 3, для молодых специалистов – 10.⁵⁶

К октябрю 1958 г. в Президиуме СО АН была подготовлена справка о численности и составе сотрудников отделения на указанную дату. Согласно ей, Институту цитологии и генетики было положено

⁵³ *Захаров И. К., Васильева Л. А.* Крамольная профессия – генетик. К 100-летию со дня рождения З. С. Никоро // Никоро З. С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика. М., 2005. С. 277.

⁵⁴ *Веч.* Новосибирск. 2007. 18 мая.

⁵⁵ *НАСО.* Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. Л. 2. Документ написан от руки, без подписи.

⁵⁶ *Там же.* Л. 2. Документ написан от руки. Подпись Н. П. Дубинина. Кроме того, в нижнем левом углу надпись (видимо, Н. П. Дубинин): «Дано акад. Лаврентьеву по его требованию 15.11.57».

по штату иметь 101 сотрудника, в Новосибирске же тогда находилось 78⁵⁷. В данном случае, видимо, речь шла обо всем персонале института. Что касается собственно научных сотрудников, то к концу 1958 г. в институте их было 30, в том числе 2 доктора и 15 кандидатов наук. Через год численность научных сотрудников возросла до 56 человек, среди которых специалисты с ученой степенью составляли половину⁵⁸.

Весной 1959 г. Новосибирск посетили ранее называвшиеся сотрудниками лаборатории радиационной генетики Института биофизики АН СССР, помогавшие Н. П. Дубинину в организации Института цитологии и генетики (А. А. Прокофьева-Бельговская, Н. Н. Соколов, Б. Н. Сидоров, Я. Л. Глембоцкий). В ходе этой поездки детально обсуждалась программа будущих работ по изучению функциональной организации хромосом. В этих целях намечалось организовать в данном институте цитохимические, цитометрические и автордиографические исследования, которые тогда в СССР только начинали развиваться. Для этого надо было готовить специальные молодые кадры, в связи с чем были посланы запросы на выпускников-физиков из Московского физико-технического института и генетиков из Ленинградского университета. В результате штат института пополнили физики А. Д. Груздев и А. И. Шерудило, генетики Е. С. Беляева и И. С. Губенко⁵⁹. Электронно-микроскопические исследования хромосом начала Н. Б. Христолюбова⁶⁰.

Что касается упомянутых А. Д. Груздева и А. И. Шерудило, то, возможно, они стали сотрудниками ИЦиГ не в 1959 г., как указано в приведенном выше фрагменте из мемуаров А. А. Прокофьев-Бельговской, а еще в 1958 г. Дело в том, что Алексей Дмитриевич Груздев в беседе с автором данного исследования назвал датой свое-

⁵⁷ *Там же.* Ф. 10. Оп. 3. Д. 28. Л. 17.

⁵⁸ *Куперитох Н. А.* Указ. соч. С. 61.

⁵⁹ Стоит отметить, что уже через несколько лет успехи этих молодых ученых нашли отражение в ряде газетных публикаций (См. напр.: *Комс. правда.* 1965. 29 янв.; *Сов. Сибирь.* 1965. 7 апр.).

⁶⁰ *Прокофьева-Бельговская А. А.* Портрет на фоне хромосом. М., 2005. С. 164.

го приезда в Новосибирск 1958 г.⁶¹ Кроме того, в работе Н. А. Куперштох также сообщается, что упомянутые специалисты стали сотрудниками Института цитологии и генетики летом 1958 г.⁶²

Здесь надо отдельно сказать о молодых ученых института, приехавших в Новосибирск из Москвы и Ленинграда. По воспоминаниям акад. В. К. Шумного, в 1958 г. примерно из 50 сотрудников 20 окончили МГУ, 10 ЛГУ, а еще 20 были из других вузов, в частности, из Физтеха. Описывая облик приехавшей молодежи, он отмечает, что это были романтики, которые противостояли трудностям, были неприхотливы в быту и преданы науке. Кроме того, В. К. Шумный подчеркивает тенденцию сохранения и преемственности научных школ в период становления СО АН. Дело в том, что многие организаторы СО АН, а также ведущие ученые, являясь выпускниками МГУ, в течение первых двух лет работы собрали вокруг себя молодых ученых, которые также были выпускниками МГУ. Так, Н. П. Дубинин, который сам закончил МГУ, за два года привлек более 30 молодых ученых, окончивших МГУ по различным специальностям биологического профиля⁶³.

Необходимо также отметить разностороннюю деятельность в поддержку генетики некоторых из перечисленных выше ученых, а также о существовавшей в то время «мобильности» научных кадров. Так, в конце 1958 г. в Москве была организована генетическая школа, одна из слушательниц которой, – М. П. Солнцева, вспоминает: «Были и приглашенные из других городов. Так, там я слушала лекции приехавших из Новосибирска В. В. Хвостовой и А. А. Прокофьев-Бельговской, А. Н. Луткова о полиплоидии сахарной свеклы...»⁶⁴.

21 июня 1957 г. Президиум АН СССР утвердил основные научные направления деятельности институтов Сибирского отделения. Перед Институтом цитологии и генетики были поставлены следующие задачи: исследование молекулярной и структурной организации генов,

⁶¹ ЛАА. Запись беседы с А. Д. Груздевым от 15 ноября 2006 г.

⁶² Куперштох Н. А. Указ. соч. С. 61.

⁶³ Шумный В. К. Десант романтиков // Выпускники МГУ в Новосибирском научном центре 1957–2007. Новосибирск, 2007. С. 209.

⁶⁴ Солнцева М. П. Воспоминания о культуре личности в биологии // Информационный вестник ВОГиС. 2008. Т. 12. № 3. С. 347.

генных систем и всего наследственного аппарата, особенностей их функционирования в процессе индивидуального развития и при осуществлении нормальных функций организма; генетические основы эволюции и селекции растений и животных⁶⁵.

В приложении к постановлению Президиума «О Сибирском отделении академии наук СССР» была дана структура института и стоящие перед ним задачи:

«I. Основные направления работ:

1. Отдел физических, химических и цитологических основ наследственности. Главной задачей работ являются выяснение физической, химической и цитологической природы материальных основ наследственности и разработка экспериментальных и производственных методов изменения наследственности организмов.

2. Отдел радиационной генетики и цитологии. В связи с использованием атомной энергии, проблема воздействия ионизирующих излучений на наследственность приобрела громадное значение. Необходимо разработать меры защиты наследственности человека и использования радиации для целенаправленного изменения наследственности растений, микроорганизмов и животных.

3. Отдел генетики и цитологии животных. Современная генетическая теория позволяет разработать эффективные методы подъема продуктивности животных путём использования генетически регулируемого гетерозиса, гибридизации и др. методов. Большое значение должны иметь новые методы, связанные с разработкой генетики популяций.

4. Отдел генетики растений. Разработка генетики и цитологии растений в целях разработки эффективных методов улучшения культурных растений при помощи радиационной селекции, полиплоидии, использование межлинейной и отдалённой гибридизации и т.д.

5. Отдел генетики и цитологии микроорганизмов и вирусов. Разработка генетики микроорганизмов и вирусов имеет в виду не только теоретические задачи выяснить природу наследственности у этих форм, но и разработку методов для решения важнейших производственных задач в области антибиотиков, селекции форм технических микробов и болезнетворных форм.

⁶⁵ НАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

6. Отдел генетики и цитологии рака. Разработка вопросов цитологии и генетики рака преследует задачу вскрыть роль генетических факторов в этиологии злокачественных опухолей.

7. Экспериментальная база. Ставит своей задачей обеспечить проведение опытов в полевых условиях»⁶⁶.

Для реализации этих задач уже в первый год работы ИЦиГ были развернуты следующие структурные подразделения: отдел цитологии растений (зав. – д-р биол. наук Д. Ф. Петров), отдел материальных основ наследственности (зав. – д-р биол. наук И. Д. Романов), отдел генетики животных (зав. – канд. биол. наук Д. К. Беляев), отдел генетики растений (зав. – канд. биол. наук П. К. Шкварников), отдел общей и радиационной генетики (зав. – д-р биол. наук М. М. Камшилов), лаборатория гетерозиса и гибридизации (зав. – канд. биол. наук Ю. П. Мирюта), лаборатория генетических основ селекции (зав. – канд. биол. наук Н. А. Плохинский); лаборатория нуклеиновых кислот (зав. – канд. биол. наук Р. И. Салганик), лаборатория экспериментальной полиплоидии (зав. – канд. биол. наук А. Н. Лутков)⁶⁷.

На этапе становления перед институтом вставали, прежде всего, организационные и материально-бытовые вопросы. В качестве примера приведем распоряжение № 3 дирекции Института цитологии и генетики от 18 декабря 1957 г.: «Ст. науч. сотр., канд. биол. наук Салганик Р. И. в связи с неподготовленностью рабочих помещений в г. Новосибирске откомандировать с 22.12.57 г. в г. Киев для работы на базе биохимической лаб. Института физиологии АН УССР до апреля 1958 г. включительно»⁶⁸.

Распоряжением директора № 7 от 19 мая 1958 г. был создан Ученый совет института, в составе: Н. П. Дубинин (пред.), Г. Ф. При-

⁶⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1957. Д. 64. Л. 21–22. Документ подписан главным ученым секретарем Президиума АН СССР А. В. Топчиевым.

⁶⁷ Николай Петрович Дубинин и XX век: современники о жизни и деятельности: письма, материалы, воспоминания: к 100-летию со дня рождения / сост. Л. Г. Дубинина, И. Н. Овчинникова. М., 2006. С. 180–182.

⁶⁸ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Документ подписан зам. директора П. К. Шкварниковым. Обращает внимание, что это первый по хронологии документ ИЦиГ в фонде НАСО. Здесь явно видна неполнота документов: где распоряжения № 1–2?

валов, И. Д. Романов, Д. К. Беляев, Ю. Я. Керкис, А. Н. Лутков, Ю. П. Мирюта, Р. И. Салганик, П. К. Шкварников, И. И. Кикнадзе, В. В. Христоробова, З. С. Никоро⁶⁹. Первое его заседание состоялось 20 мая 1958 г.⁷⁰.

Тогда же у института появилось постоянное помещение, что подтверждается распоряжением зам. директора Ю. Я. Керкиса от 28 мая 1958 г. о проведении полной инвентаризации всех материальных ценностей, «в связи с началом работы института в постоянном помещении»⁷¹.

По всей видимости, первым мероприятием в Новосибирске было производственное совещание института, состоявшееся 29 января 1958 г. На нем прошло утверждение тематических планов лабораторий и проекта штатов на 1958 г. При этом довольно конкретное обсуждение получили темы основных сотрудников. Представляется целесообразным представить следующий фрагмент протокола совещания: «Шкварников и Керкис подчеркивают необходимость переезда в Новосибирск д-ра биол. наук Петрова и канд. биол. наук Мирюты не позднее начала марта, так как иначе может возникнуть угроза срыва работы. Ввиду отсутствия зав. лаб. отделом генетики животных Беляева. Предлагается отложить окончательное редактирование тематики его отдела до приезда в Новосибирск»⁷².

Следующее производственное совещание состоялось 12 апреля 1958 г., где, помимо прочего, была дана рекомендация о немедленном приезде Д. Ф. Петрова⁷³. Примерно в это же время состоялось научно-производственное совещание, на котором обсуждался вопрос о структуре института⁷⁴. Кроме того, Н. П. Дубинин в своем выступлении коснулся материально-бытовых вопросов, сообщив: «В настоящее время в Москве работает 13 сотрудников института. В течение лета 9 из них перебазируются в Новосибирск. Пребывание девяти сотрудников до осени в Москве диктуется ин-

⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 5.

⁷⁰ Там же. Д. 4. Л. 41–48.

⁷¹ Там же. Д. 3. Л. 6.

⁷² Там же. Д. 4. Л. 1–7.

⁷³ Там же. Д. 4. Л. 17.

⁷⁴ Там же. Л. 9–17.

тересами работы, необорудованностью лабораторий на месте и недостатком квартир»⁷⁵.

Нельзя не обратить внимания на атмосферу внутри института, на взаимоотношения между сотрудниками только что созданного учреждения. Так, 8 октября 1958 г. Н. П. Дубинин, выступая на совещании руководящих работников Института цитологии и генетики, сказал: «Я должен констатировать, что в институте создано ненормальное положение. По мнению Д. Ф. Петрова, высказанному им мне как директору института, он, Д. Ф. Петров, спасает институт, который якобы находится на краю гибели. По словам Д. Ф. Петрова, положение в институте вызвано тем, что зам. директора Ю. Я. Керкис своими действиями толкает институт в бездну». Далее он отметил, что подобные заявления необоснованны, тем не менее, признав, что «в институте острая лихорадка, нарушающая его работу», которая вызвана поведением самого Д. Ф. Петрова.

В свою очередь, Д. Ф. Петров подверг резкой критике зам. директора Ю. Я. Керкиса: «Он не имеет опыта административной работы в институте, оторвался от науки. Он допускает много ошибок, когда же пытаются его критиковать, неправильно реагирует на критику».

На этом же заседании Ю. П. Мирюта подчеркнул: «Работа в институте получила такой большой размах <...> В связи с этим возникают трудности роста»⁷⁶.

В 1958 г. работа молодого института впервые нашла отражение в новосибирской прессе⁷⁷. Так, в статье Ю. Я. Керкиса отмечалось: «Уже получены первые интересные результаты: если в вирусе гриппа разрушить содержащиеся в нем нуклеиновые кислоты, то вирус теряет свои инфекционные свойства. Открытие это помимо большого теоретического интереса намечает пути для изыскания новых методов борьбы с рядом инфекционных заболеваний»⁷⁸.

О важности разворачиваемых работ свидетельствует то, что, еще находясь в стадии формирования, Институт цитологии и генетики сразу же привлек определенное внимание зарубежных ученых. Так,

⁷⁵ Там же. Л. 38.

⁷⁶ Там же. Д. 5. Л. 1–3, 7.

⁷⁷ Веч. Новосибирск. 1958. 20 сент., 20 окт.

⁷⁸ Веч. Новосибирск. 1958. 20 сент.

во время первого общего собрания СО АН (май 1958 г.) Н. П. Дубинин рассказал о своей встрече в 1957 г. с делегацией Академии наук КНР во главе с ее Президентом Го Можо. По его словам, китайские ученые проявили большой интерес к ИЦиГ и просили установить тесный контакт между Академией наук Китая и СО АН СССР. Эта заинтересованность китайских ученых объяснялась тем, что новый институт, как сказал на собрании Н. П. Дубинин, по своей структуре и охвату разных направлений не имел аналогов не только в СССР, но и в мире⁷⁹.

17 мая 1958 г. состоялось первое заседание Президиума СО АН СССР, на котором рассматривались планы развертывания институтов, составы ученых советов, вопросы организации научных журналов. На нем Н. П. Дубинин предложил «просить Новосибирский облисполком возбудить ходатайство перед Советом Министров о реорганизации колхоза им. Свердлова, расположенного в Советском районе, в опытное хозяйство. В нем заинтересован как наш институт, как в опытной базе, так и ряд других учреждений». Выступивший по этому поводу заместитель председателя СО АН акад. С. А. Христианович прокомментировал данную инициативу следующим образом: «Это страшный шаг. Вот в Академии наук было два таких совхоза, причем они имели самую низкую урожайность по области и совершенно развалились. Это была страшная неприятность не только для Академии, но и вообще позорище. Поэтому нужно десять раз подумать. Если мы действительно можем наладить образцовое для области хозяйство, то можно делать, иначе же его брать нельзя». После этого М. А. Лаврентьев предложил отложить решение данного вопроса, как «неподготовленного»⁸⁰.

В том же 1958 г. была сделана попытка решения и другого важнейшего вопроса – 26 ноября 1958 г. Президиум АН СССР обратился в ЦК КПСС с просьбой о разрешении издания в СО АН журнала «Цитология и генетика». В соответствующем письме говорилось: «В Сибирском отделении Академии наук СССР работает большой коллектив цитологов и генетиков, который разрабатывает как вопросы

⁷⁹ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 6. Л. 181а.

⁸⁰ Кузнецов И. С. Рождение Академгородка. 1957–1964. Документальная летопись: Учебное пособие по спецкурсу. Новосибирск, 2006. С. 69–70.

экспериментальной генетики и цитологии, так и проблемы производственного использования новых экспериментальных методов, таких как радиационная селекция, полиплоидия, частная генетика сельскохозяйственных животных и другие. В Советском Союзе до сих пор нет журнала, который бы освещал вопросы собственной генетики и вопросы цитологических основ наследственности»⁸¹.

Характерно, что решение Отдела науки, школ и культуры Бюро ЦК КПСС по РСФСР вышло лишь 5 марта 1959 г. и заключалось в следующем: «Вопрос об издании журнала “Цитология и генетика” целесообразно отложить и рассмотреть после накопления институтом цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР определенного положительного научного материала. В настоящее время институт цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР еще только приступил к решению некоторых плановых научных работ»⁸².

Такое негативное решение, возможно, не было единичным фактом и отражало общую тенденцию – нарастающее в руководящих инстанциях негативное отношение к генетике в связи с реваншем «лысенковщины» (об этом будет подробнее говориться в следующем параграфе).

В этой связи следует также обозначить вопрос о влиянии на становления института политики АН СССР в области биологической науки в Сибири. В какой-то мере о степени поддержки можно судить по выступлению проф. Ф. Э. Реймерса на общем собрании Отделения биологических наук АН СССР 25 марта 1959 г. Он, в частности, сказал: «Биологической наукой от Новосибирска до Сахалина, от Якутска до Улан-Удэ сейчас никто не руководит – ни Биологическое отделение, которое полагает, что этим делом должно заниматься Сибирское отделение, которому недосуг еще было заняться биологией».

⁸¹ *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 37. Д. 29. Л. 48. Письмо подписал Президент АН СССР А. Н. Несмеянов и главный ученый секретарь Президиума АН А. В. Топчиев. К нему прилагался проект постановления ЦК КПСС «Об издании Сибирским отделением Академии наук СССР научного журнала “Цитология и генетика”».

⁸² *Там же*. Л. 50. Документ подписан зам. зав. отделом науки, школ и культуры Бюро ЦК КПСС по РСФСР В. Дербиновым и зав. сектором А. Маховым.

Ф. Э. Реймерс привел показательные данные относительно кадрового потенциала биологической науки в Сибири: «Теперь принято все рассчитывать на душу населения. Так вот на сибирскую душу населения приходится в четыре раза меньше учёных душ, чем в Европейской части Советского Союза, а задачи, которые стоят перед сибирскими учреждениями, по крайней мере, в два раза больше, чем задачи, которые поставлены перед учреждениями Европейской части Союза. В связи с этим главная задача заключается в том, чтобы Сибирь догнала по количеству научных учреждений и, конечно, биологических учреждений Европейскую часть Союза. Но, повторяю, положение с биологической наукой у нас явно неблагоприятное и это неблагоприятие в известной и значительной степени – результат отсутствия внимания к этому вопросу, прямо скажу, со стороны центральных биологических институтов Академии наук».

В заключение оратор посетовал на «особенно плохое отношение к нам, сибирякам в смысле публикаций наших работ»⁸³. Видимо, принимая во внимание аналогичные жалобы Н. П. Дубинина, это действительно являлось острой проблемой.

Рассматриваемые организационные проблемы имели место и в политике СО АН, о чем также свидетельствует ряд документов. Так, на партийном собрании ИЦиГ, проходившем 27 декабря 1958 г., сотрудник института В. М. Кляровский подверг критике руководство СО АН за то, что оно не уделяет достаточно внимания созданию новых биологических учреждений: он говорил о необходимости скорейшего создания почвенного, биологического и ботанического институтов⁸⁴. В связи с этим следует указать, что важность данной проблемы отмечалась неоднократно, – она была затронута, например, в докладной записке директора Биологического института А. И. Черепанова в Президиум СО АН. В документе отмечалось, что создание институтов биологии широкого профиля задерживает зоологические исследования в Сибири, и необходимо создавать профилированные институты по зоологии, ботанике и почвоведению⁸⁵.

⁸³ *АРАН*. Ф. 534. Оп. 1-1959. Д. 28. Л. 38–41.

⁸⁴ *ГАНО*. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁸⁵ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.

Несмотря на все трудности становления, уже на начальном этапе своей деятельности сибирским генетикам удалось достичь определенных научных результатов. В конце 1958 г. в институте были начаты работы по экспериментальной полиплоидии⁸⁶, ставшие основой нового этапа в селекции сахарной свеклы и других культур. Сотрудниками института совместно с селекционными учреждениями страны были выведены полиплоидные сорта сахарной свеклы – «Кубанский полигибрид-9», «Первомайский полигибрид-10», «Киргизский полигибрид-18», которые позволяли увеличить сбор свеклы с единицы площади на 10–15%. Были созданы также тетраплоидная мята «Краснодарская-2», аллоплоидная мята «Кубайская-6», тетраплоидный редис и др., которые в дальнейшем были районированы на полях страны⁸⁷.

В 1958 г. институт был отмечен в отчете о научно-организационной деятельности Отделения биологических наук АН СССР за указанный год: «В Институте цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР установлена способность нуклеаз путем разрушения нуклеиновых кислот в составе вирусных нуклеопротеидов (вирусы гриппа и полиомиелита) ликвидировать инфекционные свойства этих вирусов, что важно для получения вирусных вакцин, содержащих интактные белки (Р. И. Салганик)⁸⁸. Установлено, что малые дозы ионизи-

⁸⁶ Полиплоидия – кратное увеличение числа хромосом. Полиплоидия является эффективным направлением в экспериментальной селекции растений. Полиплоидия у растений часто сопровождается более мощным ростом, устойчивостью к болезням, высокой урожайностью (*Глазко В. И., Глазко Г. В.* Толковый словарь терминов по общей и молекулярной биологии... Т. 2. С. 60–61).

⁸⁷ *Фундаментальные* исследования. Биологические науки. Новосибирск, 1977. С. 122–123; *Сибирский вест.* сельскохозяйств. науки. 1972. № 6. С. 114.

⁸⁸ Необходимо отметить, что исследования, начатые Р. И. Салгаником в этой области, получили эффективное продолжение в наши дни. Так, бывший директор Института цитологии и генетики акад. В. К. Шумный, представляя созданный на основе нанотехнологий лекарственный препарат нового поколения тромбовазим, отметил: «В основе лекарства – хорошо известная, прекрасно зарекомендовавшая себя имозимаза, созданная в Институте цитологии и генетики под руководством Рудольфа Иосифовича Салганика» (*Наука в Сибири.* 2007. 8 нояб.)

рующих излучений вызывают в ядрах половых клеток у ряда животных повреждения хромосомного аппарата (Ю. Я. Керкис). Испытано действие гамма-лучей, тепловых нейтронов и рентгеновых лучей на семена пшеницы, ячменя, томатов, на семена и клубни картофеля. Установлена более высокая способность гамма и рентгеновских лучей вызывать мутации. Установлены критические дозы облучения (П. К. Шкварников)⁸⁹.

Позитивная оценка работы ИЦиГ имеется и в отчетном докладе академика-секретаря ОБН АН акад. Н. М. Сисакяна о деятельности Отделения за 1959 г. на общем собрании АН 22 февраля 1960 г.: «В Институте цитологии и генетики Сибирского отделения получены тетраплоиды сахарной свеклы и выращено 21000 элитных тетраплоидных корнеплодов 4-х сортов. Выявлены растения с мужской стерильностью, используемые для получения триплоидных гибридов. Показана различная радиочувствительность тканей у разных видов грызунов. На культурах тканей эмбрионов человека эта доза составляет – 10р. Сочетанием биохимических и цитохимических методов выявлены особенности механизма ресинтеза нуклеиновых кислот в изолированных ядрах, обработанных ДНК – азой. Показано, что обе нуклеазы инактивируют вирус гриппа путем комплексообразования. В наблюдениях, проведенных на больных совместно с врачами, показана терапевтическая эффективность нуклеаз при гриппе»⁹⁰.

Для характеристики научно-исследовательской деятельности института в первые годы его существования целесообразно также использовать два важнейших источника, появившихся в 1959 г. Это письмо Н. П. Дубинина Н. С. Хрущеву и коллективное письмо сотрудников ИЦиГ в ЦК КПСС.

⁸⁹ *АРАН.* Ф. 534. Оп. 1-1958. Д. 12. Л. 25–26.

⁹⁰ *Там же.* Оп. 1-1959. Д. 13. Л. 6. Данный абзац, касающийся Института цитологии и генетики, обведен ручкой по квадрату и перечеркнут по диагонали. Документ в целом содержит много исправлений, в особенности, зачеркиваний. Вероятно, это связано со сложным положением института на момент составления документа (смещение директора, угроза закрытия). Следует отметить, что приведенная выше информация о достижениях ИЦиГ была в расширенном варианте представлена в отчете о научной деятельности учреждений Отделения за 1959 г. (*Там же.* Д. 12. Л. 12).

В своем письме Н. П. Дубинин особо отмечал работу отдела общей и радиационной генетики, изучавшего влияние радиации на наследственность⁹¹. В свою очередь, в письме сотрудников института указывалось, что ученые из вышеупомянутой лаборатории на протяжении нескольких лет занимались получением радиационных форм у ряда сортов пшеницы. В результате, появились формы, содержащие больше белка и отличающиеся повышенной продуктивностью. Кроме того, удалось добиться появления радиационных мутантов с улучшенными признаками клубней у картофеля, а также новых форм томатов. Работники института преступили к изучению воздействия излучений на зернобобовые культуры.

В письме подчеркивалось, что использование методов радиационной генетики крайне важно для развития народного хозяйства, в связи с чем предлагалось значительно расширить их применение. Также отмечаются достижения радиационной генетики в производстве антибиотиков. Правда, необходимо заметить, что приоритетная роль в создании радиационными методами штамма пенициллина (ауреомицина), который в сотни раз продуктивней исходных штаммов, в то время принадлежала не Институту цитологии и генетики, а Институту антибиотиков⁹².

Тем не менее, и в этой области сибирские генетики добились весомых результатов. Например, в отделе материальных основ наследственности, где занимались изучением строения и жизнедеятельности клетки, удалось найти новый метод в борьбе с вирусом гриппа. В живом вирусе были разрушены нуклеиновые кислоты, чем был открыт путь к борьбе не только с гриппом, но и с другими заболеваниями⁹³.

В институте велись работы по созданию триплоидных сортов сахарной свеклы. Данной проблемой ученые ИЦиГ начали заниматься в 1958 г., а уже в 1959 г. было получено 20 тонн тетраплоидных кор-

⁹¹ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 30. Л. 5. Следует упомянуть, что в 1959 г. Ю. Я. Керкис, выступая с отчетным докладом о работе данной лаборатории, подчеркнул, что работа с излучениями требует большей осторожности. Он также отметил, что в Министерстве здравоохранения это понимают, в связи с чем, видимо, будут отменены массовые мероприятия по радиодиагностике (*Там же*. Д. 18. Л. 59).

⁹² Там же. Д. 31. Л. 8–9.

⁹³ Там же. Д. 30. Л. 5.

неплодов, удалось вывести гибридные триплоидные семена. Внедрение такого типа сахарной свеклы на поля могло дать до десяти миллионов пудов добавочного сахара, поэтому на 1960 г. были назначены испытания первых триплоидов сахарной свеклы⁹⁴.

В связи с этим следует подчеркнуть, что именно создание триплоидных сортов сахарной свеклы стало в эти годы первым и наиболее существенным достижением в области практической генетики. Работы велись с использованием генетического метода полиплоидии, в то время как Всесоюзный институт сахарной свеклы в Киеве отрицал названный метод в качестве ошибки «менделистов-морганистов»⁹⁵.

Значительным достижением коллектива Института цитологии и генетики было создание не существовавшей ранее в природе тетраплоидной гречихи. Ее зерна в результате удвоения числа хромосом в ядрах клеток имели вес от 39 до 48 гр., в то время как обычный вес равнялся 18–25 граммам. Зерна нового сорта хорошо сортировались, давали мало боя, содержали больше белка и имели лучшую всхожесть. Тетраплоиды были более устойчивы к весенним и осенним похолоданиям, их нектароносность была в два раза выше, чем у обычной гречихи. К тому же, тетраплоидная гречиха отличалась высокими вкусовыми качествами и повышенной урожайностью.

В связи с этим в рассматривавшемся коллективном письме сотрудников института в ЦК КПСС подчеркивалось, что внедрение метода экспериментальной полиплоидии, с помощью которого были выведены вышеупомянутые культуры, может значительно повысить урожайность некоторых сельскохозяйственных культур⁹⁶.

В письме Н. П. Дубинина также отмечались успехи отдела генетики растений, где велись работы по созданию новых гибридов ку-

⁹⁴ Там же. Д. 31. Л. 2, 3, 5.

⁹⁵ *Дубинин Н. П.* Вечное движение. 3-е изд. М., 1989. С. 370. Кроме того, говоря о триплоидной сахарной свекле, приведем мнение одного из ведущих сотрудников ИЦиГ – д-ра биол. наук, проф. Г. М. Дымшица. По его словам, данное достижение института было на тот момент наиболее значимым, не имевшим аналогов в мире. Более того, по мнению Г. М. Дымшица, доходы, которые принесла триплоидная сахарная свекла, позволили к 1967 г. окупить создание новосибирского Академгородка (*ЛИА*. Запись беседы с Г. М. Дымшицем от 18 ноября 2009 г.).

⁹⁶ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–4.

курузы, осуществлялась радиационная селекция пшеницы и картофеля⁹⁷.

Сотрудники института в течение двух лет проводили испытания в разных районах Сибири и пришли к выводу, что урожайность выведенных гибридов выше стандартов Госкомиссии на 60–70% по урожаю зеленой массы и на 20–30% по урожаю початков. В связи с этим в коллективном письме в ЦК КПСС отмечалось, что данное открытие позволит на 40–50% поднять урожай силосной кукурузы в Сибири и в некоторых других регионах. Поэтому предлагалось усилить исследования по поиску эффективных методов получения высокоурожайных гибридов кукурузы. В письме указывалось, что получение гибридов кукурузы для Сибири и Дальнего Востока может способствовать значительному подъему животноводства в восточной части СССР.

Описанные выше гибриды кукурузы были получены методом генетически регулируемого гетерозиса⁹⁸. Он является эффективным способом селекции перекрестно опыляющихся растений; применим он и к некоторым животным. Коллектив института, высоко оценивая названный метод, предлагал активнее применять его и в отношении таких культур как рожь, подсолнух, сорго. Также указывалось на необходимость внедрения названного метода в птицеводстве, так как он позволял значительно поднять продуктивность кур. Сообщалось о начале работы по использованию гетерозиса в кролиководстве и свиноводстве⁹⁹.

Ценные результаты получили сотрудники отдела генетики животных, на который возлагались задачи по повышению мясности и жирномолочности, изучению племенной ценности быков производителей, а также проблема улучшения пушного звероводства¹⁰⁰. Подверг-

⁹⁷ Там же. Д. 30. Л. 5–6.

⁹⁸ Гетерозис – свойство гибридов превосходить по определенным признакам среднее значение данных признаков родителей. Гетерозис имеет большое значение в сельскохозяйственной практике, так как у животных и растений гетерозис часто приводит к значительному повышению продуктивности и урожайности (Глазко В. И., Глазко Г. В. Толковый словарь терминов по общей и молекулярной биологии... Т. 1. С. 234–235).

⁹⁹ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–7.

¹⁰⁰ Там же. Д. 30. Л. 6.

ся усовершенствованию метод генетической оценки производителей по потомству. Дело в том, что в большинстве хозяйств качество производителей определялось по их продуктивным характеристикам и по родословной. Однако такой подход, видимо, был недостаточен, так как племенную ценность производителя может установить только его генетическая оценка по качеству потомства. За рубежом этот метод активно использовался, что привело к повышению продуктивных качеств некоторых пород.

Разработанная в институте методика давала возможность в короткие сроки и без вычислений давать предварительную оценку производителей. При этом необходимо отметить, что данная методика была доступна широкому кругу зоотехников государственных сельскохозяйственных станций, колхозов и совхозов. Полная оценка требовала, однако, специальных методов, но зато давала разностороннюю характеристику качеств производителя и предоставляла точные критерии достоверности данной оценки. Эта методика учитывала влияние различных природно-хозяйственных условий и характеризовала проявление наследственных особенностей производителей.

Результаты научных исследований получили практическое воплощение. Так, в Новосибирской области оценили по потомству более ста быков-производителей. В итоге, было выяснено, что половина из них ухудшает жирномолочность. Из-за того, что ранее этот метод оценки производителей не применялся, в совхозах Новосибирской области год за годом снижался процент жира в молоке. Метод генетической оценки производителей позволил выделить, кроме того, и «быков-улучшателей». В этой связи подчеркивалось, что только использование таких быков позволяло поднять жирномолочность коров в области и открывало путь для дальнейшего роста жирномолочности. Более того, Институт цитологии и генетики начал проводить оценку производителей и в Алтайском крае. Описанный выше метод генетического испытания производителей сельскохозяйственных животных мог бы способствовать повышению жирномолочности, мясности и шерстности на всей территории Советского Союза без дополнительных затрат.

Надо заметить, что в научных работах института весьма значительную долю составляли исследования в области животноводства, и достижения ученых не ограничиваются уже упомянутыми разработками.

В институте ставили эксперименты по применению «топ-кроссов» в свиноводстве. «Топ-кроссы» – это скрещивание высокопродуктивных инбредных производителей с неродственными матками своей или другой породы. В результате получившиеся от таких скрещиваний животные отличались увеличенным выходом мяса и шерсти. По итогам опытов было установлено, что наибольший эффект от применения «топ-кроссов» получается в том случае, когда инбредные хряки одной породы скрещиваются с обычными матками другой породы.

Упомянувшееся письмо сотрудников института содержало предложение организовать инбредные линии производителей ценных пород овец и свиней с тем, чтобы использовать данных производителей и простых межлинейных гибридов в «топ-кроссах» в целях получения высокопродуктивных животных.

Весьма результативными были разработки института и в области пушного звероводства с использованием генетических принципов. Коллектив во главе с Д. К. Беляевым открыл новый способ получения цветных норок, стоимость которых выше обычных примерно на треть. Для получения цветного приплода было предложено использовать стандартных, но гетерозиготных самок. Этот способ, в отличие от использования исключительно цветных самок, позволял получить в 1,5 раза более быстрый рост поголовья цветных норок. Кроме того, в институте были начаты исследования по созданию новых цветных форм пушных зверей с применением гибридизации цветных норок с дикими ¹⁰¹.

Работа Института цитологии и генетики могла быть еще более эффективной, если бы не жесткое давление, под которое институт попал уже в 1958 г. В силу указанного обстоятельства, перед сибирскими генетиками вставало множество проблем, требовавших непростого решения. Как уже отмечалось, вплоть до 1964 г. у института отсутствовало собственное здание. Н. П. Дубинин в своем письме подчеркивал, что на площади в 300 кв. метров нет условий для нормальной работы. Серьезной проблемой признавалось отсутствие опытно-экспериментального хозяйства. Кроме того, сотрудники Института цитологии и генетики были недостаточно обеспечены жильем, что особенно касалось молодежи. Кроме того, гене-

¹⁰¹ Там же. Д. 31. Л. 10–13.

тики сталкивались с большими препятствиями в публикации научных работ ¹⁰².

По воспоминаниям С. В. Аргутинской, в первые годы сотрудники института испытывали недостаток генетической литературы, так как после 1948 г. она была изъята и малодоступна. Выход был найден в получении иностранной периодики по вопросам генетики. Кроме того, в дар институту была передана личная библиотека акад. А. С. Серебровского ¹⁰³.

Тем не менее, несмотря на все трудности, первые результаты работы молодого института внушали оптимизм. На общем собрании СО АН СССР в марте 1959 г. М. А. Лаврентьев отметил: «В результате проведения исследований по получению триплоидной сахарной свеклы с повышенной сахаристостью и урожайностью в 1958 г. уже получены тетраплоиды и продолжается работа по получению триплоидов (А. Н. Лутков). Проведены испытания индивидуальных гибридов кукурузы в условиях Сибири. Выявлены гибриды, превышающие стандарт по уровню общей массы на 50%, а по урожаю початков на 100% (Ю. П. Мирюта). Начаты исследования по совершенствованию методов селекции домашних животных (Н. А. Плохинский). Получены данные, имеющие практическое значение для улучшения племенной работы в животноводстве Новосибирской области» ¹⁰⁴.

Работа сотрудников Института цитологии и генетики СО АН уже в это время получила резонанс в столичной прессе. Так, 1959 г. в журнале «Знамя» был опубликован очерк Ю. Рытова «Возле Новосибирска», в котором, в частности, отмечалось: «Научные сотрудники Института цитологии и генетики провели испытания трехсот гибридов кукурузы. Выявлен новый, высокоурожайный гибрид» ¹⁰⁵.

В том же году в журнале «Новый мир» появился очерк Е. Строгой «Стратегия большой науки». В нем сообщалось: «Сибирь требу-

¹⁰² Там же. Д. 30. Л. 9–10.

¹⁰³ Аргутинская С. В. Институт цитологии и генетики. Первые шаги // «И забыть по-прежнему нельзя...» Сб. воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск, 2007. С. 91.

¹⁰⁴ Кузнецов И. С. Рождение Академгородка... С. 100.

¹⁰⁵ Рытов Ю. Возле Новосибирска // Знамя. 1959. № 3. С. 142. В очерке время действия – осень 1958 г.

ет от генетиков немедленного решения своих, сибирских вопросов. Кукуруза на зерно здесь пока еще не вызревает, нелегко продвигается на Север сахарная свекла. И генетики берутся вывести для Сибири новые сорта кукурузы и полиплоидной сахарной свеклы. Уже действуют теплицы Института генетики под Новосибирском. Еще под снегом были отведены поля под опытные посеы. Для того чтобы ускорить выведение нового сорта, ученые решают подстегивать природу: ведь результат нужен Сибири скорее, скорее, скорее! Кому-то приходит в голову счастливая идея: создать маленький филиал Сибирской академии в Сухуми, с опытными делянками, и попытаться получить второй урожай свеклы за один год».

В очерке также говорилось: «Биология, поддержанная физикой и химией, становится все более точной дисциплиной. Постоянная связь с этими науками уже налаживается. Работами сибиряков заинтересовались в Институте химической физики в Москве, у академика Н. Н. Семенова, и сотрудники этого института приезжали в Сибирь налаживать личный контакт с биологами. Член-корреспондент Академии наук Н. П. Дубинин, директор Института генетики и цитологии¹⁰⁶ в Новосибирске, высказывает надежду, что сибирские математики помогут биологам в решении чрезвычайно сложных проблем наследственности и прочно включают биологию в содружество точных наук».

Далее журналистка продолжала: «Я снова побывала в академическом городке, видела Институт гидродинамики, подведенный под крышу, другие институты, понемногу выходящие из нулевого цикла, несколько готовых жилых домов, побывала и в лесной коммуналке молодых математиков и гидродинамиков, которые отлично разместились в уютных щитовых домиках вокруг добротной избы академика Лаврентьева, и в другой коммуналке – в поселке Нижняя Ельцовка, у юных генетиков, которые занимались все лето выведением первого поколения полиплоидной свеклы, а теперь готовили семенной материал для отправки в Сухуми – на второй вегетационный срок»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Здесь автор допустил неточность в названии института, поменяв местами слова «цитология» и «генетика».

¹⁰⁷ Строгова Е. Стратегия большой науки // Новый мир. 1959. № 4. С. 184–186.

Вызывает интерес упоминание в данной публикации «коммуны генетиков». Ни в каких других опубликованных материалах об этом не говорится. Однако И. И. Кикнадзе подтверждает данный факт: по ее словам, это, возможно, относится к сотрудникам А. Н. Луткова, которые занимались сахарной свеклой. Они жили «на колесах» и постоянно перемещались: проводить эксперименты ездили и на Черное море и в Среднюю Азию, живя при этом группой¹⁰⁸.

В связи с этим стоит дополнительно сказать о социально-бытовой стороне жизни генетиков в период становления ИЦиГ. Надо отметить, что этот вопрос, как и многие другие, неоднозначно отражен в источниках. В частности, И. И. Кикнадзе считает, что первые сотрудники СО АН жили как «при коммунизме», а из тех, которые позже приехали в Академгородок, уже «никто не испытал такого счастья». Ия Ивановна приехала в Новосибирск в декабре 1957 г. и сразу получила квартиру. Уже в феврале 1958 г. она переехала с семьей, и на следующий день им была выделена новая двухкомнатная квартира в Кировском районе г. Новосибирска. Там же получили жилье Р. И. Салганик, Д. К. Беляев, З. С. Никор и др.

Что касается молодых сотрудников, то по свидетельству И. И. Кикнадзе, они были поселены в общежитиях¹⁰⁹. Об условиях их жизни можно судить по воспоминаниям А. Д. Груздева, приехавшего в Новосибирск в 1958 г. Как рассказал, Алексей Дмитриевич, он был «записан в комнату седьмым на кровать»¹¹⁰...

О жизни молодежи повествует в своих воспоминаниях С. В. Аргутинская. По ее словам молодых сотрудников разместили на улице Советская 20, рядом с лабораториями, и на обкомовских дачах. На работу им приходилось добираться в крытых фургонах, из которых доносились веселые песни, помогавшие выдержать сильный мороз. Затем дачи пришлось освободить, и большую группу молодежи разместили в строящемся магазине. Девушкам выделили одну большую комнату на 30 человек, а ребят разместили в двух поменьше. Как отмечает Светлана Владимировна, молодежь жила тесно, но дружно¹¹¹.

¹⁰⁸ ЛАА. Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. Запись беседы с А. Д. Груздевым от 15 ноября 2006 г.

¹¹¹ Аргутинская С. В. Указ. соч. // «И забыть по-прежнему нельзя...» С. 89.

2.2. Время испытаний

Вскоре над молодым институтом нависла серьезная опасность, связанная с отмеченным ранее усилением влияния Т. Д. Лысенко на Н. С. Хрущева. Сигналом к началу новой кампании против генетиков послужила редакционная статья в газете «Правда» от 14 декабря 1958 г. под названием «Об агробиологической науке и ложных позициях “Ботанического журнала”». В названной публикации, помимо восхваления «мичуринского» направления в биологии, содержался резкий выпад против «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы». Эти издания под руководством акад. В. Н. Сукачева¹¹² в тот момент были главными центрами борьбы против «лысенковщины». В рассматриваемой публикации они подверглись разному за «травлю ученых – мичуринцев», и особенно Т. Д. Лысенко. «Народный академик» был здесь представлен «выдающимся советским ученым, внесшим большой вклад в развитие сельского хозяйства». В то же время противники Т. Д. Лысенко были бесцеремонно обруганы, – досталось даже покойному Н. И. Кольцову, которого назвали «оголтелым реакционером». Главный же удар был нанесен по Н. П. Дубинину: он характеризовался как ученый, который «ничем не обогатил нашу материалистическую биологию». В статье утверждалось: «Работники сельского хозяйства <...> не знают научных работ Н. П. Дубинина. И это не случайно: его работы оторваны от практики, они далеки от жизни».

Разнося «Ботанический журнал», авторы рассматриваемой публикации особенно выделяли статью «О некоторых проблемах советской биологии» в № 8 данного журнала за 1958 г. В ней впервые была дана фронтальная критика теорий и деятельности Т. Д. Лысенко. В связи с этим бросается в глаза характерный момент: в упоминавшейся статье «Ботанического журнала» в числе «выдающихся советских генетиков и цитологов» были названы более 10 человек, а в «Правде» из всего этого списка упомянули лишь покойного Н. И. Кольцова и Н. П. Дубинина. О причинах такой избирательности можно только

¹¹² О его жизни и деятельности см.: Владимир Николаевич Сукачев: Очерки и воспоминания. Л., 1986.

догадываться и, например, предположить, что Н. П. Дубинина на тот момент признали лидером оппозиции «лысенковщине»¹¹³.

Разворачивавшийся «поход» против генетиков получил новый импульс на декабрьском пленуме ЦК КПСС того же года. Следует отметить, что в статье Н. А. Куперштох, где данные процессы рассматриваются в контексте истории Института леса, указанная ситуация излагается не совсем точно. Она пишет по этому поводу: «На декабрьском пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев бросил реплику, что “в редакции «Ботанического журнала» засели враги мичуринской биологии и состав ее надо пересмотреть”»¹¹⁴. Конечно, в 1958 г. лидер партии уже не мог произносить такие слова в духе 1937 г. В действительности он сказал: «Надо кадры посмотреть. Видимо, в редакцию подобраны люди, которые против мичуринской науки. Пока они там будут, ничего не изменится. Их надо заменить, поставить других, настоящих мичуринцев. В этом коренное решение вопроса»¹¹⁵.

¹¹³ Тем не менее, здесь следует сделать оговорку и обратить внимание на один симптоматичный факт. 31 января 1959 г. Президиум АН СССР утвердил состав оргкомитета, созданного для празднования 100-летия со дня опубликования работы Ч. Дарвина «Происхождение видов». В составе упомянутого оргкомитета, наряду с другими известными учеными, фигурировало имя Н. П. Дубинина (АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1959. Д. 87. Л. 1–2). Его содержание было прокомментировано в докладной записке от 12 февраля того же года, подписанной зав. отделом науки, ВУЗов и школ ЦК КПСС В. Кириллиным и инструктором А. Черкашиным. В документе подчеркивалось: «Считаем необходимым обратить внимание Президиума АН СССР на неправильный подбор состава оргкомитета, в который введены такие ученые как П. А. Баранов, И. И. Шмальгаузен, В. Н. Сукачев, А. Л. Тахтаджян, активно выступающие в последнее время против мичуринского направления в биологии. Считаем, что их нецелесообразно привлекать к активному участию в работе оргкомитета» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 111. Л. 1–4). Вызывает вопрос отсутствие среди названных «оппозиционеров» Н. П. Дубинина, хотя в «Правде» акцент был сделан именно на нем.

¹¹⁴ Куперштох Н. А. Страницы истории Института леса им. В. Н. Сукачева // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 147. В указанной статье дается ссылка на воспоминания Д. В. Лебедева в книге «Репрессированная наука», где слова Н. С. Хрущева также искажены.

¹¹⁵ Пленум ЦК КПСС. 15–19 дек. 1958 г. Стеногр. отчет. М., 1958. С. 233.

Статья в «Правде» и выступление Н. С. Хрущева получили оперативный отклик на региональном уровне. Уже 27 декабря 1958 г. обсуждение статьи в «Правде» состоялось на закрытом партийном собрании ИЦиГ. При этом все выступавшие безоговорочно поддерживали официальную позицию и подвергали критике «Ботанический журнал». Показательно, что не были исключением в этом плане даже такие ученые как П. К. Шкварников и Ю. Я. Керкис, сами пострадавшие от «лысенковщины».

Некоторая попытка обозначить альтернативную позицию проследживается в выступлении Ю. Я. Керкиса. Юлий Яковлевич, в частности отметил: «Нельзя понять высоких форм движения материи, не зная элементарных процессов, совершающихся в клетке. Мы изучаем этот вопрос всеми методами и считаем, что к управлению наследственностью организмов можно подойти ближе, зная первичные механизмы наследственности. Школа академика Лысенко подходит к этому вопросу по-другому. Она отрицает корпускулярность, дискретность наследственности и считает, что ее можно исследовать только через внешнюю среду. Время покажет кто прав».

Но даже такого рода робкое противостояние тут же было пресечено в выступлении присутствовавшего на собрании заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма СО АН И. И. Матвеевкова. Он отверг декларированное Ю. Я. Керкисом деление биологической науки на два противостоящих направления, подчеркнув, что именно за это «Правда» и критиковала «Ботанический журнал». Далее И. И. Матвеевков утверждал, что «борьба с менделизмом и морганизмом в 1948 г. была проведена правильно, хотя в этой борьбе были допущены отдельные ошибки, администрирование по отношению к ряду научных сотрудников»¹¹⁶.

Не удивительно, что в итоге рассматриваемое собрание единодушно одобрило критику «Правды» в адрес «Ботанического журнала» и признало «недопустимость» таких методов выяснения спорных вопросов науки, какими воспользовался этот журнал¹¹⁷.

Между тем в новую кампанию против генетиков активно включились региональные властные и идеологические структуры. Так,

¹¹⁶ ГАНУ. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–30.

¹¹⁷ Там же. Л. 16.

10 января прошла X областная конференция КПСС, на которой секретарь обкома партии В. Г. Фуров (ответственный за идеологическую работу) критиковал различные «идеологические ошибки», уделив основное внимание положению в биологической науке в контексте упоминавшейся статьи в «Правде». Он утверждал: «Отражением идеологической борьбы являются события в биологической науке. В последнее время сторонники так называемой чистой или формальной генетики, отъявленные реакционеры некоторых западных стран выступили со злобной клеветой на материалистическое мичуринское направление в биологии, на советский строй. Эту клевету поддержал «Ботанический журнал», выступивший с травлей известного ученого т. Лысенко. В то же время журнал превозносил т. Дубинина. На днях в научных учреждениях города прошли собрания, обсудившие редакционную статью «Правды» <...>. Коммунисты поддержали выступление «Правды»»¹¹⁸.

Материалы рассмотренной конференции были опубликованы в «Советской Сибири» за 13 января 1959 г., но с одним нюансом. Если по отношению к Н. П. Дубинину текст статьи и стенограмма конференции не отличаются, то, говоря об общей характеристике генетиков, «Советская Сибирь» смягчила прозвучавшую формулировку. Так, в стенограмме конференции зафиксированы следующие слова В. Г. Фурова: «Нас не может не тревожить, что в составе нашего института генетики работают не только мичуринцы, но и многие сторонники формально-генетического направления, а возглавляет институт Дубинин, многолетняя научная деятельность которого, как отмечает «Правда», бесплодна и безмерно далека от практических задач»¹¹⁹. Однако эти слова названного партийного деятеля отсутствуют в газетной публикации. Возможно, это было определенной тактикой: провинциальные номенклатурщики выжидали «чья возьмет» и не собирались ссориться с представителями академической элиты, пусть даже попавшими в опалу.

11 января «Советская Сибирь» опубликовала редакционный материал под названием «За материалистическую биологию. Собрание в сельскохозяйственном институте». В публикации сообщалось, что ре-

¹¹⁸ Там же. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1827. Л. 107.

¹¹⁹ Там же.

дакционная статья «Правды» «Об агробιοлогической науке и ложных позициях “Ботанического журнала”» «с глубоким удовлетворением встречена новосибирскими учеными». Газета отмечала, что выступивший на собрании сельхозинститута с докладом проф. И. М. Леонов, в частности, сказал: «Гипотеза насчет нуклеиновых кислот, сочетание которых, якобы, лежит в основе наследственности, есть не что иное, как подновленный вариант идеалистической теории». В ходе обсуждения доклада, как сообщалось, доц. А. И. Сакс «критиковал научное направление Института цитологии и генетики, возглавляемого Дубининым, чья научная деятельность подвергалась резкой критике».

Показательно, что данное собрание состоялось еще 25 декабря. К сожалению, в стенограмме заседания, имеющейся в соответствующем архивном фонде, отсутствует доклад проф. И. М. Леонова. Судя по стенограмме данного мероприятия, в ходе последующего обсуждения наиболее развернутым было выступление упомянутого А. И. Сакса. Он, в частности, утверждал: «На IV сессии ВАСХНИЛ выступали Кольцов, Дубинин, Майслер. Я присутствовал на этой сессии и на августовской сессии ВАСХНИЛ. Прошло 10 лет, и мы снова должны обращать внимание на борьбу с формальной генетикой. Это течение оформилось снова организационно. Дубинин и сейчас возглавляет Институт генетики и цитологии. Вместе с ним работает и его соратник Петров. Дубинин возглавляет один из крупнейших научно-исследовательских институтов. Мы, очевидно, ослабили снова внимание к этим разделам. Я был на трех конференциях Сибирского филиала Академии наук, и снова Дубинин не признает влияния среды, а всю свою работу строит на нуклеиновых кислотах. Управляя средой, вы не измените наследственную основу, а нужны сильнодействующие факторы. Дубинин сказал, что вегетативная гибридизация через несколько лет получит новое объяснение. К ним приезжают из Москвы и делают доклады».

В свою очередь, выступивший на рассматриваемом заседании преподаватель сельхозинститута В. С. Бойко сказал: «Надо построить все биологические дисциплины с точки зрения мичуринской науки. К нам в институт хотел поступить профессор Петров. Он прямо сказал, что селекционную работу вести не собирается».

Итоги обсуждения подвел директор института проф. И. М. Леонов, который сосредоточился на конкретных вопросах сельскохозяй-

ственной науки, не затрагивая отмеченные острые проблемы. Характерно и то, что постановление рассмотренного собрания содержит лишь самые общие слова, одобряющие статью «Правды», а о Н. П. Дубинине ничего нет¹²⁰. Быть может, и здесь сказалась осторожность провинциалов по отношению к «драке москвичей».

Продолжая публикации на эту тему, 17 января «Советская Сибирь» поместила статью директора Сибирского центрального ботанического сада проф. К. А. Соболевской под названием «За мичуринскую биологию». Статья представляла собой огромный «подвал» и явилась самой крупной публикацией в новосибирской прессе на эту тему. Бросается в глаза, что, безоговорочно поддерживая все меры против «вейсманистов-морганистов», в том числе одобряя сессию ВАСХНИЛ 1948 г., Кира Аркадьевна вместе с тем ни слова не сказала об Институте цитологии и генетики СО АН и о Н. П. Дубинине.

Определившиеся позиции центральных и региональных идеологических структур не могли не повлиять на линию поведения самих генетиков. 8 января состоялось заседание Ученого совета института, которое было посвящено обсуждению статьи в «Правде». Однако его материалы в соответствующем архивном фонде НАСО отсутствуют. Второе заседание Ученого совета на эту тему было проведено 14 января. Повторное обращение к данному вопросу было объяснено на заседании тем, что «в новосибирской печати появились материалы (информация о заседании Ученого совета в сельскохозяйственном институте, о пленуме областного комитета КПСС¹²¹), содержащие критические замечания в адрес института».

При знакомстве с материалами указанного заседания особый интерес, разумеется, вызывает выступление Н. П. Дубинина. Он заявил, что необходимо в качестве первоочередной задачи укрепить связь науки с практикой и в ближайшее время дать реальные результаты, после чего повод для критики будет исчерпан. Касаясь различий между двумя направлениями в биологической науке, оратор подчеркнул,

¹²⁰ Там же. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 317. Л. 72–76.

¹²¹ В данном случае была допущена неточность: как свидетельствует ранее приведенная информация, высказывания о генетике с упоминанием Н. П. Дубинина в негативном контексте имели место не на пленуме обкома, а на областной партийной конференции.

что Т. Д. Лысенко рассматривает наследственность как свойство организма в целом, он же считает такое представление недостаточным. По его мнению, необходимо вскрыть материальные структуры, определяющие это свойство наследственности, с которыми оно связано в наибольшей мере, и найти пути изменения этих структур с помощью физики и химии.

Наиболее решительно на рассматриваемом заседании выступал проф. Д. Ф. Петров, который подчеркнул, что «после 1948 г. для многих генетиков и цитологов создалось очень тяжелое положение». Вместе с тем названный оратор утверждал, что в институте слабо разрабатываются вопросы теории, указывал на необходимость учитывать положительный опыт представителей другого направления, например, методику Т. Д. Лысенко по выведению жирномолочных пород.

Продолжая свое выступление, Д. Ф. Петров коснулся вопроса, которого избегали все выступавшие до него, – речь идет о правомерности оценки деятельности Н. П. Дубинина в газете «Правда». По его мнению, оценка «Правды» была справедлива, так как Н. П. Дубинин занимался исследованием дрозофилы, которое не имеет практического значения. Кроме того, оратор указал на переоценку Н. П. Дубининым значения работ зарубежных генетиков.

Против такого рода мнений сразу же выступил зам. директора института Д. К. Беляев. Он назвал замечания Д. Ф. Петрова необъективными, поскольку «Н. П. Дубинин внес крупный вклад в развитие наших представлений о материальных основах наследственности». Далее он буквально «воспевал» Н. П. Дубинина, говоря о его больших заслугах.

В решении Ученого совета указывалось: «Совет осуждает тенденциозную критику работ акад. Т. Д. Лысенко, имевшую место на страницах “Ботанического журнала” <...> что было использовано для клеветнической пропаганды в капиталистических странах». Характерно, что при голосовании по этому документу проф. Д. Ф. Петров воздержался¹²².

Важнейшим событием в ходе разворачивавшегося давления на Институт цитологии и генетики стал приезд в январе 1959 г. комис-

сии ЦК КПСС во главе с акад. ВАСХНИЛ М. А. Ольшанским¹²³. После завершения ее работы 21 января 1959 г. состоялось совместное заседание комиссии с Бюро Президиума СО АН. В начале этого мероприятия сотрудник института Ю. П. Мирюта попросил предоставить информацию о работе комиссии, на что член комиссии А. Г. Утехин ответил, что завтра они уже уезжают, а все замечания изложены и ничего секретного нет. В свою очередь, член комиссии П. А. Генкель заявил, что в их задачи входило только знакомство с деятельностью института.

Выступивший на заседании председатель СО АН акад. М. А. Лаврентьев одобрил работу института и особо подчеркнул, что 60% его сотрудников являются коммунистами или комсомольцами. Однако дальнейшее обсуждение начало набирать остроту после того, как слово взял председатель комиссии М. А. Ольшанский заявил, что существуют два подхода к решению биологических вопросов и генетическое направление, избранное ИЦиГ, является малорезультативным. Продолжая свою речь, этот сторонник Т. Д. Лысенко отметил, что было бы неправильно передать биологическую науку одному направлению. Более того, он указал на необходимость пересмотра устава институтского Ученого совета с тем, чтобы это направление больше не влияло на ход науки.

В ходе дальнейшей дискуссии М. А. Лаврентьев подчеркнул целесообразность сохранения и развития тех направлений биологической науки, которые имеются в Сибири. При этом, говоря о недостаточной эффективности биологических исследований, он делал акцент на такие факторы как отсутствие помещений, нехватка кадров.

Далее в полемику вступил Н. П. Дубинин, который сказал о «тяжелом впечатлении» от выступления П. А. Генкеля и подчеркнул неравноправное положение различных направлений биологической науки. Затем Николай Петрович коснулся вопроса относительно Ученого совета, поднятого М. А. Ольшанским. Он отметил, что в нем уже есть два направления, так как из 28 членов Ученого совета только 9 представляют Институт цитологии и генетики. Не забыл он ука-

¹²² *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–19.

¹²³ Ольшанский М. А. (1908–1988) – вице-президент ВАСХНИЛ (1951–1960), министр сельского хозяйства СССР (1961–1962), президент ВАСХНИЛ (1962–1965).

зять и на отсутствие помощи институту со стороны биологического отделения АН СССР, которое не выделяло ему научных сотрудников.

В ходе дальнейшего обсуждения П. А. Генкель потребовал от Н. П. Дубинина пересмотра рабочего плана на 1959 г. и напомнил о необходимости дать через несколько лет реальные результаты. Далее он обратил внимание, что Н. П. Дубинин бывает в институте всего несколько раз в год (по 15–20 дней), в то время как большие задачи, стоящие перед институтом, обязывают его директора находиться в Новосибирске постоянно. При этом названный член комиссии подчеркнул: «Снимать директора института никто не собирается».

Затем в дискуссию вновь вступил М. А. Лаврентьев, – в ответ на утверждение М. А. Ольшанского о «методологически ошибочной позиции» института он сказал: «Вот сахарная свекла – увеличат выход сахара – правильно они подходят к этой проблеме. Или это можно сделать другим способом?». Далее Михаил Алексеевич рассказал, как однажды его жестоко обидел Лысенко, но в то же время заявил: «Я профан <...> когда нужно различить два направления в биологии»¹²⁴.

Оценивая в целом рассматриваемое заседание, следует признать не совсем точным суждение Н. А. Куперштох, что сотрудники института, присутствовавшие на совещании, «не собирались сдавать позиции»¹²⁵. Судя по стенограмме, это в какой-то мере можно сказать лишь о выступлении Н. П. Дубинина. Возможно, большинству сотрудников института просто не дали слова. Исключением здесь стала лишь реплика Д. К. Беляева, который, напрямую обращаясь к М. А. Ольшанскому, спросил: «А почему многие достижения, которые сейчас получены, основывались на тех направлениях, которые считались порочными?»¹²⁶.

В воспоминаниях М. А. Лаврентьева так характеризуется его поведение на рассматриваемом заседании: «Я довольно бессвязно говорил о единстве науки, о соревновании направлений, о том, что мы все

¹²⁴ *НАСО*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 59. Л. 1–13. Документ также опубликован в кн.: *Сибирское* отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): Сб. документов. Новосибирск, 2007. С. 252–260.

¹²⁵ *Куперштох Н. А.* Кадры академической науки Сибири... С. 64.

¹²⁶ *НАСО*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 59. Л. 11.

за советскую науку, но против мистики»¹²⁷. На самом деле выступление Михаила Алексеевича выглядит как раз весьма последовательным – в рамках определенной логики: он твердо и вместе с тем в высшей степени дипломатично защищал генетиков.

Далее в рассматриваемых мемуарах ход событий излагался следующим образом: «Комиссия уехала ни с чем, но уже через неделю мне сообщили, что Хрущев сильно сердит на меня и склонен менять руководство СО АН СССР. Я узнал также, что Хрущев летит в Пекин на праздник 10-летия Китайской Народной Республики, а потом собирается заехать в Новосибирск, где будет проведена перестройка СО АН с ликвидацией “Цитологии и генетики” и возможной сменой руководства Отделения»¹²⁸.

Здесь бросается в глаза хронологическая нестыковка: упомянутая комиссия приезжала в январе, а Н. С. Хрущев полетел в Пекин в октябре. В мемуарах эти события преподносятся как идущие друг за другом, хотя между ними лежит существенный период времени, а также известное выступление Н. С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС в июне 1959 г. Более того, в этом фрагменте мемуаров вообще отсутствуют какие-либо даты.

Требуется отметить еще один момент, связанный с комиссией М. А. Ольшанского: во многих воспоминаниях описывается «инцидент с телефоном». Якобы М. А. Лаврентьев в присутствии комиссии разговаривал по телефону, сделав вид, что на проводе ЦК КПСС. Слушавшие этот разговор сделали вывод, что в Москве положительно относятся к Институту цитологии и генетики, и комиссия была вынуждена уехать ни с чем. Эта версия излагается в сборнике «Дмитрий Константинович Беляев»¹²⁹, об этом говорит в своих воспоминаниях В. К. Шумный. Более того, В. К. Шумный вставляет в данный сюжет С. А. Христиановича, с которым, якобы, беседовал М. А. Лаврентьев, изображая разговор с Москвой¹³⁰.

¹²⁷ *Век Лаврентьева*. Новосибирск, 2000. С. 150.

¹²⁸ *Там же*.

¹²⁹ *Аргушинская С. В.* Указ. соч. // Дмитрий Константинович Беляев... С. 32.

¹³⁰ *Шумный В. К.* Чем ответим на глобальные вызовы? // Городок. Ru. Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия: Воспоминания, размышления, проекты. Новосибирск, 2003. С. 102.

Следует обратить внимание на то, как эта история описывается в статье О. В. Трапезова. Если в предыдущих работах утверждалось, что комиссию обескуражила изображенная М. А. Лаврентьевым положительная оценка ИЦиГ со стороны ЦК, то здесь все предстает с точностью наоборот. Согласно версии названного автора, М. А. Лаврентьев, разговаривая по телефону, стал утверждать, что у комиссии положительное мнение о работе ИЦиГ. После этого комиссии, якобы, ничего не оставалось кроме того, как уехать ни с чем¹³¹.

В свою очередь, в работе П. Джозефсона также представлена распространённая версия о многочисленных комиссиях, проверявших институт, и делается следующий вывод: «Комиссии неизменно повторяли приговоры “не виновны”, но Лысенко и Хрущев не успокаивались»¹³². Данное утверждение вряд ли соответствует истине, тем более что далее автор, фактически, противоречит сам себе. Повествуя о наиболее известной комиссии, рассмотренной нами выше, он, склоняясь к популярной точке зрения, утверждает: «Комиссия под руководством “лысенковца” М. А. Ольшанского, одного из ведущих академиков ВАСХНИЛ, прибыла в Новосибирск с намерением изменить профиль института или даже закрыть его»¹³³.

Весьма характерно и описание в названном труде «развязки» этой истории: «Члены комиссии собрались вместе с ведущими учеными Академгородка в кабинете Лаврентьева, для того чтобы обсудить результаты проверки. Неожиданно на столе у Лаврентьева зазвонил кремлевский телефон. Он ответил на звонок следующим образом: “Да, не могу с Вами не согласиться”. И затем, после паузы, добавил: “Вы правы, мы решим вопрос положительно”. Он повернулся к членам комиссии, говоря: “Я полагаю, ваша работа закончена”¹³⁴.

Видимо, некий «случай с телефоном» имел место, однако непонятно, какой реальный факт стал основой для всех этих рассказов. Столь же проблематично определить, в какой мере подобного рода «фокус» мог повлиять на решение столь сложного вопроса...

¹³¹ Трапезов О. В. Судьбы генетики // Философия науки. 2005. № 3. С. 71.

¹³² Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997. P. 95.

¹³³ Ibid. P. 96.

¹³⁴ Ibid.

В ряде воспоминаний утверждается, что институт стали регулярно посещать разного рода комиссии. Например, Р. И. Салганик свидетельствовал: «Мы выдерживали по несколько десятков комиссий в год, которые приезжали с четкой целью – уничтожить этот оплот менделизма-морганизма»¹³⁵. Видимо, утверждение о «десятках комиссий» является преувеличением, – оно не подтверждается архивными документами.

Следует иметь в виду, что в связи с новыми нападками на генетику в достаточно сложном положении оказалось не только Сибирское отделение, но и в целом Академия наук СССР. Вообще, роль академической бюрократии в разгоравшемся конфликте рельефно отражена в заключении комиссии Президиума АН СССР по проверке научной деятельности Отделения биологических наук АН СССР (1958 г.). В нем отмечалось: «По ряду разделов биологии в СССР особенно резко отстала от уровня зарубежной науки. Это относится к некоторым областям экспериментальной биологии, основанным на использовании достижений современной физики и химии, биохимии, биофизике, цитологии, вирусологии, генетики, физиологии и биохимии микроорганизмов. Между тем эти направления особенно важны и перспективны для развития биологической науки, им будет принадлежать решающее значение в будущем»¹³⁶.

Однако далее в документе утверждалось: «Предложение ОБН АН СССР об организации в составе Сибирского отделения Академии наук СССР институтов – Почвоведения, Леса, Ботаники, Зоологии не реализуется Сибирским отделением. Вместо этих жизненно важных для Сибири институтов в составе Сибирского отделения АН СССР организуется лишь один Институт цитологии и генетики. Эти обстоятельства показывают, что ОБН АН СССР не способствует развитию мичуринского направления научных исследований в биологии»¹³⁷.

Характерно, что в плане работы отдела науки, ВУЗов и школ ЦК КПСС на октябрь – ноябрь 1958 г., среди вопросов, вносимых на рассмотрение ЦК КПСС, было отмечено: «Доложить ЦК КПСС о состо-

¹³⁵ Кузнецов И. С. Россия в годы «оттепели» (1953–1964). Новосибирск, 1995. С. 84.

¹³⁶ АРАН. Ф. 534. Оп. 1-1958. Д. 7. Л. 16–17.

¹³⁷ Там же. Л. 9.

янии и мерах по усилению научных исследований в области биологических наук в СССР¹³⁸.

В свою очередь, о ситуации непосредственно в момент апогея прессинга красноречиво свидетельствуют материалы расширенного заседания Бюро отделения биологических наук АН СССР, состоявшегося 14 января 1959 г. В ходе рассматриваемого заседания с докладом «О задачах учреждений Отделения в свете решений декабрьского пленума ЦК КПСС и тезисов Н. С. Хрущева» выступил академик-секретарь ОБН В. А. Энгельгардт. В его речи прозвучало следующее: «Несомненно, одним из слабых мест в работе Отделения было все дело с научными дискуссиями. Не было осуществлено активное использование этого важного фактора в развитии науки. Организующей роли и инициативы тут не было проявлено, дело в значительной мере было предоставлено самотеку. А как правильно подчеркнул в своем заключительном слове на пленуме тов. Хрущев, самотек в организационных делах – самый страшный враг. И надо признать, что мы имели печальные последствия того, что Отделение не уделило этому делу достаточного внимания. Об этом свидетельствует положение, сложившееся в “Ботаническом журнале”»¹³⁹.

Кроме того, 20 января 1959 г. состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР и Отделения биологических наук совместно с активом отделения. По итогам обсуждения была принята весьма характерная резолюция, где, в частности, указывалось: «Некоторые биологи вместо того, чтобы сосредоточить все свои силы на дальнейшем творческом развитии советской биологии и использовании ее достижений в народном хозяйстве, поставили чуть ли не главной своей задачей критику отдельных положений мичуринского учения и дискредитацию достижений академика Т. Д. Лысенко и его последователей. <...> Бюро Отделения биологических наук недостаточно уделяло внимания практическим применениям биологических исследований и допустило неправильные направления в журналах Отделения»¹⁴⁰.

Следует отметить, что информация о данном заседании была передана в ЦК КПСС, и несколько копий данного письма мы находим в

¹³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 26. Л. 15.

¹³⁹ АРАН. Ф. 534. Оп. 1-1959. Д. 26. Л. 31.

¹⁴⁰ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 67. Л. 18–19.

переписки Академии наук с ЦК КПСС и Советом министров¹⁴¹. Соответственно, полученный экземпляр был обнаружен нами в архивном фонде ЦК КПСС¹⁴². Однако наибольший интерес представляет ответ Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС: «Президиум и Бюро отделения биологических наук допустили серьезную ошибку, не вмешавшись в ход дискуссии на страницах “Ботанического журнала”, которая проводилась в недопустимых формах. Необходимо отметить, что и в докладе академика Энгельгардта не были вскрыты причины, породившие ошибочную линию в редколлегии “Ботанического журнала”».

Кроме того, отмечалось: «Считаем, что на предстоящем в феврале с. г. годовом собрании Отделения биологических наук АН СССР следовало бы рассмотреть вопрос об укреплении руководства Отделением биологических наук АН СССР».

Далее в документе говорилось: «Что касается вопроса о создании двух новых институтов в г. Москве, Института природных соединений и белка и Института физико-химической биологии, о которых говорится в постановлении расширенного заседания Президиума Академии наук СССР совместно с активом Отделения биологических наук, то отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС считает целесообразным эти институты разместить вне пределов г. Москвы»¹⁴³.

Судя по всему, рекомендации ЦК были учтены. Так, в документах ЦК КПСС мы находим предложение Президента Академии наук Н. А. Несмеянова о назначении на должность академика-секретаря ОБН Н. М. Сисакяна вместо В. А. Энгельгардта, чьи полномочия истекали 2 февраля указанного года. Здесь же мы находим рекомендацию на назначение от 7 марта 1959 г., подписанную зам. зав. отделом Кукиным¹⁴⁴.

О позиции нового руководителя ОБН относительно острой ситуации вокруг «Ботанического журнала» можно судить по его выступлению на совещании ответственных редакторов биологических

¹⁴¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1959. Д. 62. Л. 14–38.

¹⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 111.

¹⁴³ Там же. Л. 20–22. Документ был подписан зав. отделом В. Кириллиным и инструктором А. Черкашиным и датирован 26 января 1959 г.

¹⁴⁴ Там же. Л. 23–25.

журналов 14 апреля 1959 г.: «Весьма важна роль редколлегий биологических журналов в организации дискуссий по спорным вопросам науки, дискуссий, которые основываются на результатах экспериментальных работ и осуществляются в духе корректного, делового и творческого обсуждения актуальных и спорных вопросов биологии. <...> Редколлегии наших журналов должны сделать все необходимые выводы из правильной критики, данной газетой “Правда” работе редколлегии “Ботанического журнала”»¹⁴⁵.

Принимая во внимание все приведенные выше документы, обратимся к выступлению Президента Академии наук Н. А. Несмеянова на годовом общем собрании АН СССР 26 марта 1959 г. В своем докладе он коснулся вопросов биологии: ««Мы уверены также в осуществлении глубоких сдвигов и прогресса в области экспериментальной биологии, призванной решить фундаментальные задачи физико-химических основ жизненных явлений – обмена веществ в норме и патологии, клеточного роста, размножения, наследственности, проблемы простейших форм жизни и, в частности, важнейшие проблемы, такие как лучевая болезнь и лучевые наследственные поражения, рак и борьба с ними. Наши институты экспериментально-биологического профиля и, в частности, молодые, как институты биофизики и цитологии, как институты вновь созданного Сибирского отделения, как только что созданный в текущем году Институт физико-химической биологии, выполняют в этом важнейшем деле свой долг»¹⁴⁶.

Симптоматично, что в тот момент, когда острота ситуации близилась к апогею, Н. А. Несмеянов, с одной стороны, «уходит в кусты», никак не затрагивая сложных моментов биологической науки. С другой стороны, он положительно отзываясь об «институте цитологии» (вероятно, имеется в виду ИЦиГ), отдельно отмечает Институт физико-химической биологии, в то время как Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС предлагал разметить его вне пределов г. Москвы, что весьма показательно.

Характеризуя ситуацию непосредственно вокруг ИЦиГ, следует, помимо прочего, отметить негативное отношение значительной ча-

¹⁴⁵ АРАН. Ф. 534. Оп. 1-1959. Д. 29. Л. 9–10.

¹⁴⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 123. Л. 259.

сти биологов, работавших в Сибири, к новому институту: здесь, возможно, сказывалась ревность провинциалов к «московским выскочкам». Характерно, что на партийном собрании ИЦиГ 8 мая 1959 г. почти все участвующие указали на недостаточную связь с другими биологическими учреждениями города и их «антагонизм» по отношению к Институту цитологии и генетики. Так, Ю. П. Мирюта заявил, что «появление нашего института было принято в штыки».

Здесь следует вновь обратиться к воспоминаниям И. И. Кикнадзе, которая также свидетельствует о негативном отношении новосибирских биологов к генетикам. В частности, директор Сибирского центрального ботанического сада К. А. Соболевская была, по мнению Ии Ивановны, яркой противницей генетики. Более того, И. И. Кикнадзе говорит о противодействии со стороны некоторых сибирских вузов. Так, по ее словам, сотрудники Томского университета даже в 1960-е гг. печатали статьи в поддержку «мичуринской биологии»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ ЛАА. Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г. Вместе с тем необходимо обратить внимание на несколько спорный характер последнего утверждения нашей собеседницы. Дело в том, что в Томском государственном университете еще в 1930-е гг. под руководством В. П. Чехова была организована кафедра селекции и генетики. В 1964 г. была открыта кафедра цитологии и генетики, которую возглавила Н. Н. Карташова (*Иогансен Б. Г., Положий А. В., Славнина Т. П.* Развитие биологических исследований в Томске // Итоги исследований по биологии за 50 лет. 1917–1967. Томск, 1968. С. 8, 11). По мнению И. А. Захарова, В. П. Чехов заложил оригинальную школу по цитогенетике, а его ученица Н. Н. Карташова сумела восстановить ее (*Захаров И. А.* Генетика во второй половине XX века (личный взгляд). М., 2004. С. 21). В то же время, высказанное И. И. Кикнадзе мнение, имеет под собой определенные основания. Так, в рассмотренной выше статье отмечается, что в 1950-е – 1960-е гг. томские биологи действительно занимались «теоретическими вопросами науки», проводили дискуссии, межвузовские совещания. В частности, были изданы сборники «Ламарк и современное естествознание» (1959), «Некоторые философские вопросы биологии и медицины» (1962) (*Иогансен Б. Г., Положий А. В., Славнина Т. П.* Указ. соч. // Итоги исследований по биологии... С. 11). Впрочем, не исключено, что томские ученые пережили своего рода «трансформацию» под действием жестких мер против «буржуазной лженауки», проводимых в конце 1940-х гг. в ряде сибирских вузов. См. об этом подробнее: *Сизов С. Г.* Партийные органы и борьба с «вейсманистами» и «морганистами» в вузах Западной Сибири в конце 1940-х гг. // *Клио.* 2002. № 1. С. 154–158.

Выступая на пленуме ЦК КПСС 29 июня 1959 г. Н. С. Хрущев подверг «разносу» Сибирское отделение за поддержку генетики. Он сказал: «Замечательное дело делает академик Лаврентьев, который вместе с другими учеными выехал в Новосибирск, где сейчас создается новый научный центр. Академика Лаврентьева я много лет знаю, это хороший ученый. Нам надо проявить заботу о том, чтобы в новые научные центры подбирались люди, способные двигать вперед науку, оказывать своим трудом необходимую помощь производству. Это не всегда учитывается. Известно, например, что в Новосибирске строится Институт цитологии и генетики, директором которого назначен биолог Дубинин, являющийся противником мичуринской теории. Работы этого ученого принесли очень мало пользы науке и практике. Если Дубинин чем-то известен, так это своими статьями и выступлениями против теоретических положений и практических рекомендаций академика Лысенко».

Далее Н. С. Хрущев отметил: «Не хочу быть судьей между направлениями в работе этих ученых. Судьей, как известно, является практика, жизнь. А практика говорит в защиту биологической школы Мичурина и продолжателя его дела академика Лысенко. Возьмите, например, Ленинские премии. Кто получил Ленинские премии за селекцию: ученые материалистического направления в биологии, это школа Тимирязева, это школа Мичурина, это школа Лысенко. А где выдающиеся труды биолога Дубинина, который является одним из главных организаторов борьбы против мичуринских взглядов Лысенко? Если он, работая в Москве, не принес существенной пользы, то вряд ли он принесет ее в Новосибирске или во Владивостоке»¹⁴⁸.

В связи с этим следует заметить, что в мемуарах Н. П. Дубинина содержание этого выступления трактуется не совсем точно: «Н. С. Хрущев на пленуме ЦК КПСС сделал ряд критических замечаний о подборе кадров в Сибирском отделении Академии наук СССР»¹⁴⁹. Как свидетельствует приведенный текст, никаких иных замечаний в адрес СО АН на пленуме не прозвучало.

¹⁴⁸ Пленум ЦК КПСС. 29–30 июня 1959 г. Стеногр. отчет. М., 1959. С. 466–467.

¹⁴⁹ Дубинин Н. П. Вечное движение... С. 371.

Видимо, данные действия лидера партии повлияли и на позицию местных партийных структур. Об этом может свидетельствовать подготовленная в это время в отделе науки и школ Новосибирского обкома КПСС справка «О серьезных недостатках в комплектовании кадрами Института цитологии и генетики СО АН СССР». Документ был подписан инструктором обкома Тимониной, которая готовила также ряд других подобных документов в отношении СО АН. В справке, в частности, указывалось: «Проверкой установлено, что в комплектовании кадрами Института цитологии и генетики СО АН СССР допускаются серьезные недостатки. Создание Института цитологии и генетики во главе с академиком (в то время Н. П. Дубинин являлся членом-корреспондентом АН СССР, академиком же был избран 1.07.1966 г. – С. III.) Дубининым обусловило выезд большой группы ученых руководимой им лаборатории. В настоящее время утверждены заведующие четырьмя отделами (из шести). Все это люди из различных городов страны, среди них нет ни одного научного работника из лаборатории академика Дубинина. Работников вверенной лаборатории академик Дубинин пытается пристроить консультантами, шефами и т. п. Так было с научными работниками Прокофьевой, Глембоцким».

Далее в документе утверждалось: «В то же время из Москвы, Ленинграда и других городов центральной части Советского Союза по личным распоряжениям директора Института академика Дубинина в институт направляются люди на должность лаборантов, младших научных сотрудников <...> На работу в институт берутся люди малоопытные в научно-исследовательской работе, порой даже случайные. Приведем несколько примеров. <...> Кандидат биологических наук Никоро З. С. <...> в 1948 г. была освобождена от работы за несогласие с теорией Лысенко и с тех пор до февраля 1958 г. не имела никакого отношения к научно-исследовательской работе (работала музыкальным работником). <...> Товарищи Никоро, Довженко, Железнова, Сухарева, Орлов, Иорданская, Раничевская направлены в институт т. Дубининым. Создается впечатление, что вдумчивое комплектование Института цитологии и генетики СО АН СССР зачастую подменяется работой по трудоустройству и пристрою».

Составители документа представили следующую безрадостную картину: «Директор института академик Дубинин в решении кадро-

вых вопросов игнорирует мнение находящихся в г. Новосибирске заместителя директора т. Шкварникова П. К., заместителя председателя СО АН т. Горбачева Т. Ф., руководителей отделами, не советуется с ними. Многие работники, направляемые на работу в Институт цитологии и генетики, до сих пор не приехали в Новосибирск. В настоящее время в г. Новосибирске находится только около 50% всех работников. Заведующий лабораторией кислот т. Салганик Р. И. утвержден в должности 11 октября. Однако до сих пор работает в Киеве и по личному указанию академика Дубинина ему продлена командировка до августа месяца. Заведующий отделом цитологии растений т. Петров приезжает в Новосибирск только в командировки. Заведующего отделом генетики животных т. Беляева тоже нет в Новосибирске).

Итоговый вывод звучал следующим образом: «Подобное отношение к комплектованию кадрами Института цитологии и генетики СО АН СССР может нанести серьезный ущерб. В настоящее время комплектование данного института заканчивается. Однако некоторые ошибки, допущенные в подборе кадров для Института цитологии и генетики, повторяются в комплектовании других институтов СО АН СССР. Считаю, что на серьезные недостатки в подборе кадров в Сибирское отделение необходимо обратить внимание Академии наук СССР»¹⁵⁰.

Действительно, научные кадры Института цитологии и генетики были весьма разнородными. В связи с этим можно привести соображения ветерана института д-ра биол. наук С. И. Малецкого, высказанные им в беседе с автором данного исследования. По его словам, в первые годы работы института там были две основных группы сотрудников. Одну из них представляло старшее поколение – люди преданные науке, но в пору гонений на генетику нередко лишенные возможности работать по специальности и в силу этого в какой-то мере утратившие квалификацию. Вторая группа – «зеленая молодежь», порой не имевшая соответствующего образования, – таким был сам в ту пору наш собеседник, окончивший Новосибирский сельскохозяйственный институт и ставший генетиком по воле случая.

В этой обостренной обстановке 9 июля 1959 г., состоялось открытое партийное собрание института, которое было проведено

¹⁵⁰ Кузнецов И. С. Рождение Академгородка... С. 142–143.

в присутствии заведующего отделом науки и школ обкома КПСС Б. А. Липского¹⁵¹. Следует отметить, что в исследовании П. Джозефсона Б. А. Липский был ошибочно зачислен автором в штат института: «Только один сотрудник института, Б. А. Липский, последовательно защищал Лысенко»¹⁵². На рассматриваемом собрании названный партийный чиновник подчеркнул, что «серьезные замечания по работе Дубинина были сделаны и раньше». Отметив отсутствие у института причин для «заснайства» по поводу результатов его работы, он утверждал: «Я надеялся, что сегодня партийное собрание прямой и товарищеской критикой поможет Н. П. Дубинину, но этого не было». Далее партийный функционер сказал, что Н. С. Хрущев критиковал Н. П. Дубинина, а не институт. Также он посетовал на отсутствие связи с Биологическим институтом и Ботаническим садом.

В ходе последующей дискуссии мл. науч. сотр. Н. Д. Тарасенко подчеркнул, что институт находится в стадии формирования, в связи с чем не представляется возможным требовать от него решения многих вопросов. В своем выступлении он отметил предвзятое отношение со стороны других институтов города и недостаточную помощь со стороны обкома КПСС. Это подтвердил Н. П. Дубинин, который сказал: «Обвинение института в отсутствие координации является односторонним. Обком КПСС не помог нам в этом».

В резолюции рассматриваемого собрания было отмечено, что коллектив Института цитологии и генетики должен направить все усилия на то, чтобы результаты его работы скорее стали на службу на-

¹⁵¹ Названный функционер зарекомендовал себя тем, что занимался «охотой на ведьм» в высших учебных заведениях города. Весьма показательной была его позиция относительно возникшей в 1958 г. якобы нелегальной студенческой организации «НОКА». Вот что говорил по этому поводу секретарь Новосибирского обкома комсомола И. А. Лихачев: «Вызывает меня т. Липский, закрывает все двери. Рассказывает, что обнаружилась, чуть ли не контрреволюционная организация. А когда рассказал более подробно, то там было то, что в докладе сказано. Я говорю т. Липскому: “Разрешите мне собрать комсомольское собрание, поговорить”. – “Что ты, никому не говори фамилии, иди в обком и жди команды”. Мне кажется, что нам надо пойти к молодежи, а не так по углам шептаться» (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1767. Л. 64).

¹⁵² Josephson P. New Atlantis revisited... P. 97.

родному хозяйству. В связи с этим были упомянуты «критические замечания», сделанные Н. С. Хрущевым в адрес Н. П. Дубинина. В качестве первоочередных задач научно-исследовательской деятельности института в данном документе были названы: получение высокопродуктивных гибридов кукурузы, триплоидной сахарной свеклы, ценных в хозяйственном отношении радиационных мутантов, новых высокоценных разновидностей пушных зверей, повышения жирномолочности крупного рогатого скота, разработка методов лечения и профилактики вирусных заболеваний человека и животных¹⁵³.

В этой связи возникает вопрос об отношении в целом к этой ситуации со стороны регионального партийного руководства. Н. П. Дубинин в своих мемуарах утверждает, что оставался на посту директора еще некоторое время после выступления Н. С. Хрущева на пленуме благодаря помощи М. А. Лаврентьева и первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Ф. С. Горячева¹⁵⁴.

Прямо противоположную версию излагает И. И. Кикнадзе. Вот что она сказала в интервью с автором: «Партийное руководство в Новосибирске было против генетиков. Тот же Ф. С. Горячев был сторонником Т. Д. Лысенко»¹⁵⁵.

Видимо, реальная ситуация была неоднозначной. Наиболее вероятно, что обком занимал выжидательную позицию. Что же касается упомянутого партсобрания, то заявления Б. А. Липского, ранее в ряде сходных ситуаций зарекомендовавшего себя в качестве последовательного консерватора, могли быть своего рода «пробным камнем».

Еще одна версия о роли областных партийных властей в рассматриваемых событиях содержится в мемуарах А. П. Филатова. Напомним, что он в 1979–1988 гг. занимал пост первого секретаря Новосибирского обкома КПСС, в рассматриваемый же период он сменил Б. А. Липского на должности зав. отделом науки и школ обкома. Касаясь событий осени 1959 г., он пишет: «И тут (имеется ввиду период после снятия Н. П. Дубинина. – С. Ш.) приехал в Новосибирск Николай Алексеевич Дикарев, инструктор отдела науки ЦК партии. <...> По приезду он проинформировал Ф. С. Горячева:

¹⁵³ ГАНУ. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 57–64.

¹⁵⁴ Дубинин Н. П. Вечное движение... С. 373.

¹⁵⁵ ЛАА. Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г.

– Мне дали поручение проверить Институт цитологии и генетики. Не остался ли там “дубининский дух”.

– Что ж, проверяйте. Возьмите с собой Филатова...

Две недели мы с ним лазали по всем институтским лабораториям. Побывали и в тех, где “дубининский дух” был в полной неприкосновенности, и ученые продолжали свои исследования. Мы разговаривали со всеми. Работники института не собирались отрицать Мичурина, с уважением относились к его науке. “Но у нас свой подход”, – отстаивали они право на собственную концепцию развития жизни.

<...> Короче говоря, Горячеву мы доложили, что в институте все осталось как было, а Дикарев обещал отстаивать сложившееся у него убеждение в том, что этот уникальный институт надо оставить. Пусть он и дальше занимается полезным делом. Кроме того, подготовили письмо в ЦК, которое подписали первый секретарь обкома партии Ф. С. Горячев и председатель Сибирского отделения Академии наук М. А. Лаврентьев»¹⁵⁶.

В книге «Век Лаврентьева» мемуарный фрагмент А. П. Филатова описывает этот эпизод несколько по-другому: «Помню, летом 1959 г. приехал в область инструктор ЦК КПСС Н. А. Дикарев – его прислали разобраться с работой Института цитологии и генетики. Как он выразился, “приехал изучить, не остался ли «дубининский дух» в этом коллективе”. Накануне его приезда от должности директора этого института был освобожден и “сослан” в Москву академик Н. П. Дубинин, а исполняющим обязанности директора назначили Д. К. Беляева.

В течение двух недель мы с Дикаревым добросовестно изучали тематику исследований до ухода Дубинина и после. И убедились, что смена руководителя не сказалась на тематике – в ней остались цитология и генетика. Об этом и доложили руководству обкома КПСС и Президиуму Сибирского отделения. И высказали свою точку зрения, что развивающиеся направления надо бы сохранить. М. А. Лаврентьев, Президиум, руководство обкома приняли решение не производить ломки в работе института, сохранить развитие направлений цитологии и генетики»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Филатов А. П. Жили-прожили мы не зря. Новосибирск, 2005. С. 62–64.

¹⁵⁷ Век Лаврентьева... С. 241.

Если в последнем варианте воспоминаний А. П. Филатова отсутствует датировка описываемых событий, то в приведенном выше отрывке она есть. Правда, здесь мы обнаруживаем хронологическое противоречие. Александр Павлович сообщает, что Н. А. Дикарев приехал летом 1959 г. – после «ссылки» Н. П. Дубинина в Москву. Однако, как мы узнаем в дальнейшем, последний был снят 12 октября 1959 г.

Проследивая дальнейший ход событий, можно привести суждение Н. П. Дубинина из его мемуаров, что после июньского пленума ЦК КПСС 1959 г. у него уже не оставалось шансов пребывать на посту директора Института цитологии и генетики¹⁵⁸. Тем не менее, еще нескольких месяцев он оставался во главе института.

В связи с этим необходимо отметить еще одно значимое событие – письмо Н. П. Дубинина Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. В книге Николая Петровича «История и трагедия советской генетики» дается следующая его датировка: 8 июля оно было написано, а в начале августа было передано через приемную ЦК КПСС¹⁵⁹.

В начале своего письма автор напоминает Никите Сергеевичу о его высказывании на июньском пленуме о том, что судить научные направления будет жизнь. В этой связи Н. П. Дубинин начинает перечислять достижения генетики, особенно выделяя большое влияние научных разработок на развитие сельского хозяйства, видимо, понимая заинтересованность руководства страны в решении этой сложной проблемы. В письме подчеркивается: «Наряду с ядерной физикой, кибернетикой, химией полимеров, электроникой и т.д. экспериментальная генетика является одним из главных звеньев в научной революции XX века».

Далее Н. П. Дубинин заостряет внимание на радиационной генетике и, указывая на ее значимость, говорит о недопустимости испытания атомных и водородных бомб. Вероятно, Н. П. Дубинин не слу-

¹⁵⁸ Дубинин Н. П. Вечное движение... С. 372.

¹⁵⁹ Он же. История и трагедия советской генетики... С. 240, 235; К сожалению, дата на соответствующем архивном документе отсутствует, поэтому проверить достоверность дат, указанных Н. П. Дубининым не представляется возможным.

чайно упомянул об этой проблеме, так как в 1958 г. СССР по инициативе Н. С. Хрущева в одностороннем порядке прекратил ядерные испытания.

Затем автор письма напоминает, что в предшествующий период времени направления радиационной и экспериментальной генетики были подавлены административным путем. Говоря о причинах случившегося, Н. П. Дубинин пишет: «Утверждали, что в данном случае никакой науки нет, что генетика является примером буржуазной лженауки».

После этого Н. П. Дубинин касается кибернетики, – называет ее могущественной математической наукой и подвергает критике «Краткий философский словарь», в котором кибернетика названа буржуазной лженаукой. Касаясь причин такого отношения к кибернетике, Н. П. Дубинин говорит об идеологическом камуфляже научных достижений, которые осуществляются в капиталистических странах, и о том, что «многие наши философы не поняли коварных приемов классового врага».

Вспоминая 1948 г., Н. П. Дубинин характеризует положение генетики в то время как критическое, но отдельно выделяя Украину, где руководителем был Н. С. Хрущев, указывает на иное положение дел в данной республике. Н. П. Дубинин говорит об изменении ситуации после того, как Н. С. Хрущев занял пост Первого секретаря ЦК КПСС. Он подчеркивает: «Все эти годы именно в Вас, Никита Сергеевич, мы видим руководителя Советского государства, смело отсекающего ошибки прошлого и открывающего дорогу всему прогрессивному в науке».

Далее в своем письме Н. П. Дубинин вновь говорит о недопустимости испытаний термоядерного оружия, упоминая об отделе общей и радиационной генетики, в котором ведется изучение влияния радиации на наследственность¹⁶⁰. Продолжая свое письмо, автор говорит о достижениях других отделов института и об их большом значении для развития сельского хозяйства. Он пишет о триплоидной сахарной свекле, указывает на работы по созданию новых гибридов кукурузы, упоминает о борьбе за повышение жирномолочности животных.

¹⁶⁰ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–5.

Н. П. Дубинин не оставил без внимания критику Н. С. Хрущева по отношению к нему лично и начинает оправдываться по каждому пункту замечаний. Касаясь борьбы с научными положениями Т. Д. Лысенко, Николай Петрович говорит об отсутствии с его стороны подобных действий в последние годы.

Вспоминая, что Н. С. Хрущев охарактеризовал его как противника мичуринского учения, Н. П. Дубинин выражает преданность идеям И. В. Мичурина. Постепенно переходя к описанию своей исследовательской деятельности в области влияния радиации на живую клетку, он вновь обращается к проблеме недопустимости испытаний атомных и водородных бомб. Н. П. Дубинин не мог обойти вниманием и свой доклад, который в 1958 г. был представлен в научный комитет по радиации ООН. По словам Н. П. Дубинина, именно этот текст послужил отправной точкой для резолюции комитета против испытаний водородных бомб.

Заканчивая перечисление своих заслуг, Н. П. Дубинин в заключительной части своего письма, как и было принято в то время, переходит к робким жалобам и просьбам. Николай Петрович сетует на малую рабочую площадь института, жалуется на отсутствие у него опытно-экспериментального хозяйства, говорит о проблемах с жильем у молодых сотрудников ИЦиГ.

Помимо прочего в письме упоминается о проверке института упоминавшейся комиссией в январе 1959 г. Ее результаты преподносятся следующим образом: «В докладе комиссии об итогах работы на заседании Бюро Президиума СО АН СССР все темы были признаны обоснованными и актуальными. Отмечалось наличие большого числа тем, связанных с практикой. В заключение заседания председатель комиссии П. А. Генкель заявил, что коллектив института работает не только хорошо, но более того, он работает с высоким напряжением, с высоким энтузиазмом».

Вспоминая стенограмму совещания Бюро Президиума СО АН СССР и Биологической комиссии из ЦК КПСС, можно сделать вывод о том, что Николай Петрович несколько «скорректировал» реальные факты. Возможно, он полагал, что Н. С. Хрущев не знал всех подробностей работы этой комиссии.

Однако данная в письме формулировка, взятая без соответствующей проверки, побудила П. Джозефсона сделать следующий вывод:

«Комиссия сделала заключение, что “коллектив института работает не только хорошо, но и более того, с большим усилием, с большим энтузиазмом”»¹⁶¹.

В заключение среди строк о том, что «работа института проникнута боевым марксистско-ленинским духом», можно выделить «скромное» пожелание Н. П. Дубинина: «Я был бы очень рад, если бы Вы нашли возможным принять меня лично»¹⁶².

После ознакомления с содержанием письма, безусловно, возникает вопрос о мотивах, которыми руководствовался Н. П. Дубинин. Может показаться, что ему попросту было нечего терять, но этот вывод никак не может быть увязан с последующими событиями. Возможно, Н. П. Дубинин не имел оснований всерьез опасаться за своё будущее, так как знал, что за него «похлопочут». В этом, кстати, может крыться и причина поддержки генетиков со стороны М. А. Лаврентьева. Речь идет о поддержке, которую оказывали генетикам не только ведущие ученые-физики, но и могущественные представители военно-промышленного комплекса, о чем свидетельствуют уже приводившиеся воспоминания Е. П. Славского.

Бросается в глаза, что в работе Н. П. Дубинина «История и трагедия советской генетики» нарушается последовательность событий, связанных с упомянутым посланием. Он пишет следующее: «Однако ответа на это злободневное письмо не последовало, а начались интенсивные посещения Института цитологии и генетики комиссиями из Москвы. Особое усердие в доказательстве того, что работы института и его директора направлены против мичуринской биологии, проявили такие деятели, как работник сельхозотдела ЦК КПСС А. Г. Утехин (председатель комиссии), а также приближенные Лысенко – М. А. Ольшанский и Н. И. Нуждин. На заседаниях Президиума собрания отделения АН СССР, когда эти высокопоставленные “лысенковцы” докладывали свои разоблачительные материалы, председатель Президиума М. А. Лаврентьев защищал позиции Института цитологии и генетики. Защищал нас и первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Ф. С. Горячев. Однако ничего не помогло. Под новый 1960 г., меня

¹⁶¹ Josephson P. New Atlantis revisited... P. 96.

¹⁶² Там же. Л. 5–11.

освободили от поста директора Института цитологии и генетики СО АН СССР»¹⁶³.

Как известно, комиссия М. А. Ольшанского приезжала в январе 1959 г., а письмо было написано после выступления Н. С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС в июне 1959 г. Н. П. Дубинин, как мы видим, поменял события местами.

Приведенный выше фрагмент содержит и другие неточности. Так, мемуарист упоминает заседания «Президиума собрания отделения АН СССР». Ясно, что руководящий орган СО АН здесь назван неточно. Далее автор снова дает неверную датировку своей отставке, повествуя о том, как «под новый 1960 г.» его освободили от поста директора.

Указанные неточности заставляют с определенной осторожностью относиться к названным мемуарным свидетельствам. Ведь они являются следствием либо пробелов памяти, либо целенаправленных «правок» истории, – и тот и другой фактор, разумеется, не повышают достоверность рассматриваемого источника.

Возвращаясь к письму Н. П. Дубинина, следует отметить, что в его тексте, опубликованном в сборнике «Николай Петрович Дубинин и XX век» в заключительной части присутствует следующая фраза: «Работа института направлена на решение крупных проблем науки, на борьбу за помощь нашему народу в решении важных задач семилетнего плана»¹⁶⁴. Между тем в названном подлиннике обнаруживается следующий фрагмент, отсутствующий в указанном сборнике: «Работа института проникнута боевым марксистско-ленинским духом <...> Мы отдадим все силы советской науке, советскому народу, коммунистической партии ведущей нашу страну и весь мир к коммунизму»¹⁶⁵.

Для полноты картины приведем фрагмент еще одного характерного документа – «индивидуального отчета член-корр. АН СССР Н. П. Дубинина за 1959 г.»: «В 1959 году работал заведующим лабораторией радиационной генетики Института Биологической Физики АН СССР и до октября директором Института цитологии и генети-

¹⁶³ Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики... С. 240.

¹⁶⁴ Николай Петрович Дубинин... С. 196.

¹⁶⁵ НАСО. Ф. 50. Оп. 1 Д. 30. Л. 10, 11.

ки СО АН СССР. За год напечатано и сдано в печать 14 работ, среди них монография “Радиационная генетика” объемом около 30 печатных листов. Трудности связаны с тем, что издательства не печатают мои книги. Главная трудность состоит в том, что лаборатория радиационной генетики до сих пор находится в очень тяжелом положении. Нет лабораторных помещений, нет оборудования. Например, тема по генетике и селекции зеленых одноклеточных водорослей, порученная нам Бюро отделения биологических наук, несмотря на то, что прошедшим летом мы собрали ценный природный материал из районов Сибири и Дальнего Востока, в настоящий момент эта тема стоит на грани гибели, из-за материальных затруднений. Такое положение отражается на всех работах лаборатории, нет вивария для животных, нет приборов, нужных для ведения работы на современном уровне»¹⁶⁶.

На основании этого документа можно понять, в каком положении находился Николай Петрович сразу после отставки, а также, сравнив отчет с письмом Н. С. Хрущеву, придти к выводу, что перед ИЦиГ и Лабораторией радиационной генетики стояли похожие проблемы.

Рассматривая дальнейший ход событий, его ключевой вехой следует признать посещение Н. С. Хрущевым Новосибирского научного центра в октябре 1959 г. Это событие имело большое значение для новосибирских генетиков и потому нашло отражение практически во всех мемуарах и исследованиях. В таком ключевом источнике как мемуары М. А. Лаврентьева данные события описываются следующим образом: «Надо было во что бы то ни стало перехватить Хрущева до его приезда в Новосибирск, где он может принять непоправимые решения. Через московских друзей я был включен в одну из делегаций в Пекин, где рассчитывал встретиться с Хрущевым и убедить его в правильности позиции СО АН».

Далее Михаил Алексеевич сообщает, как ему удалось попасть в самолет к Н. С. Хрущеву, когда тот уже направлялся в Новосибирск, и описывает напряженную атмосферу во время перелета: «Когда вылетели из Владивостока, я спросил Хрущева, что бы он хотел посмотреть в Академгородке. “А Вы что предлагаете?” Я назвал вначале

¹⁶⁶ АРАН. Ф. 534. Оп. 1-1959. Д. 13а. Л. 136. Документ подписан Н. П. Дубининым и датирован 25 января 1960 г.

геологию, механику <...>. План посещений воспринимался доброжелательно, но когда я назвал Институт цитологии и генетики, ситуация резко изменилась. Хрущев начал говорить со страшным раздражением о Дубинине и его сотрудниках, упомянул о попытке дать нам хороших практиков, но что именно я помешал этому. Хрущев прямо сказал, что при такой ситуации он резко уменьшит финансирование и прочее обеспечение Сибирского отделения. Мои попытки возражать только еще более его раздражали. Он встал, ушел в другой конец салона, вызвал Ильичева и начал разбирать бумаги, подписывать постановления...».

Однако, как следует из воспоминаний, в дальнейшем обстановка несколько «разрядилась»: «...Хрущев заглянул в передний отсек и, обернувшись ко мне, сказал: “Там уже пообедали, может быть, и нам тоже пообедать?” Я ответил: “Как пожелает начальство”. Принесли закуску, Хрущев предложил: “Может выпьем” Я: “Как начальство”. Уже после первой полбутылки коньяка настроение сильно улучшилось. Я сказал, что хоть в сельском хозяйстве и генетике профан, но что Лысенко – мракобес и гад, я уверен. Я напомнил, как мой сотрудник по Украинской Академии наук Н. С. Сытый с помощью мокрого пороха баснословно дешево проложил каналы для осушения Ирпенской поймы под Киевом и как на комитете по Сталинским премиям, куда была представлена работа Сытого, Лысенко заявил, что взрывать нельзя – “земля живая, пугается и перестает родить”.

Хрущев рассказал, что ему лично Лысенко сильно напортил, когда на Украине был неурожай. Сталин снял Хрущева с поста секретаря ЦК компартии Украины и назначил Кагановича. Оказалось, что всю вину за неурожай Лысенко в своей записке Сталину приписал Хрущеву – Хрущев не слушал Лысенко. Хрущев тут же добавил, что когда он спросил Лысенко, как же тот мог написать такую вредную чушь, Лысенко ответил: “Я исполнял задание Политбюро (Сталина)”. Рассказывая это, Хрущев сказал: “Во многом, в чем Вы обвиняете Лысенко, он не виноват – он беспрекословно выполнял волю Сталина”».

Далее мемуарист сообщает: «Визит в Академгородок прошел хорошо, все наши научные направления были одобрены. Институт цитологии и генетики с его кадрами и тематикой был сохранен, но все же было рекомендовано заменить директора. На совещании в

узком кругу при участии Н. П. Дубинина директором был назначен Д. К. Беляев тогда – кандидат биологических наук. Дубинин высказал желание вернуться в Москву, где ему была предоставлена возможность работать»¹⁶⁷.

Наиболее интересный момент в приведенном выше фрагменте воспоминаний связан с отставкой Н. П. Дубинина. Так, Михаил Алексеевич пишет, что директора Института цитологии и генетики «было рекомендовано заменить».

Узнать о том, что представляла собой «рекомендация», нам помогут материалы заседания Бюро Президиума СО АН от 12 октября 1959 г. На этом заседании, которое вел С. А. Христианович, было решено снять Н. П. Дубинина с поста директора ИЦиГ, временно исполняющим эти обязанности назначили Д. К. Беляева¹⁶⁸. Симптоматично, что председательствующий С. А. Христианович высказался по поводу вышеупомянутого решения следующим образом: «Есть такое предложение – без комментариев принять»¹⁶⁹. Это было реализовано, так как никаких обсуждений указанного вопроса на заседании не велось. Через несколько дней, 16 октября, Президиум СО АН принял аналогичное постановление¹⁷⁰.

К этому можно добавить, что в соответствии решением Бюро Президиума от 12 октября у ИЦиГ отняли строящееся специально для него здание, о чем умалчивает в своих мемуарах основатель Сибирского отделения. Соответствующее решение называлось «Об улучшении размещения институтов Сибирского отделения на территории Научного городка в г. Новосибирске» и предусматривало «с целью сокращения коммуникаций и более плотного размещения институтов разместить Институт органической химии и Институт катализа на площадке Института цитологии и генетики и на части площадки, предназначенной ранее Институту ядерной физики; начатый строительством главный корпус Института цитологии и генетики передать Институту органической химии в качестве главного корпуса этого института; разместить Институт цитологии и генетики рядом с Ин-

¹⁶⁷ *Век Лаврентьева...* С. 151–152.

¹⁶⁸ *НАСО*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 45. Л. 165.

¹⁶⁹ *Там же*. Д. 56. Л. 136.

¹⁷⁰ *Там же*. Д. 70. Л. 7.

ститутот экспериментальной биологии и медицины, уменьшив соответственно площадку, предназначенную ранее для Института экспериментальной биологии и медицины»¹⁷¹.

Вероятно, все это было сделано по прямому указанию Н. С. Хрущева, который посетил новосибирский Академгородок 10 октября.

Однако один из современников предлагает несколько иную версию, смягчающую всю остроту ситуации. Вот что вспоминает по этому поводу ветеран Института катализа СО РАН канд. хим. наук Л. А. Сазонов (в рассматриваемый период он был заместителем директора этого института по строительству): «10 октября 1959 года Н. С. Хрущев посетил Академгородок, подверг критике план застройки, в том числе повелел М. А. Лаврентьеву перенести Институты катализа и органической химии из лесной зоны, примерно на 200 метров, непосредственно к теперешнему проспекту Лаврентьева. Свободным было только одно место. Для освобождения второго Президиум решил отложить строительство Института цитологии и генетики, для фундамента которого был открыт котлован. Узнав об этом и мотивируя тем, что радиохимический корпус нашего института должен соединяться спецканализацией с Институтом неорганической химии, я тут же переговорил с проектировщиками и подписал письмо у С. А. Христиановича о предварительной финансовой и технологической проработке Новосибирским ГИПРОНИИ переноса здания Института на котлован Института цитологии и генетики»¹⁷².

Особый интерес представляет свидетельство самого Н. П. Дубинина, который в книге «Вечное движение» так описывает свою отставку: «В январе 1960 г. М. А. Лаврентьев сказал мне, что все их (руководства СО АН. – С. Ш.) возможности исчерпаны, и мне придется оставить институт»¹⁷³. Как уже неоднократно отмечалось, Н. П. Дубинин дает неверную датировку своей отставки. Характерно, что в работе «История и трагедия советской генетики» Николай Петрович также допускает аналогичную неточность: «Под новый, 1960

¹⁷¹ Там же. Д. 45. Л. 161.

¹⁷² Сазонов Л. А. Воспоминания первопроходца // Институт катализа им. Г. К. Борескова СО РАН: Хроника 1958–2000 гг. Новосибирск, 2005. С. 217.

¹⁷³ Дубинин Н. П. Вечное движение... С. 373.

г., меня освободили от поста директора Института цитологии и генетики СО АН СССР»¹⁷⁴.

Описывая данные события, следует привести воспоминания других очевидцев, которые, порой, вступают в противоречие как с мемуарами основателя СО АН, так и между собой. Так, в сборнике «Городок. Ру» акад. В. К. Шумный следующим образом рассказывает об отставке Н. П. Дубинина: «Хрущев стал ругать Лаврентьева за то, что “пригрел генетиков”. Лаврентьев прямо с борта самолета дал телеграмму: “Срочно уволить Дубинина и перевести в Москву”. Сделал это, чтобы смягчить удар по институту и по самому Дубинину. Помню, как мы провожали Николая Петровича... Когда Хрущев прилетел Дубинина здесь уже не было»¹⁷⁵.

Несколько по иному рассказывает об этих событиях тот же автор в сборнике, посвященном Б. Л. Астаурову. Здесь В. К. Шумный пишет: «В ноябре 1959 г. Н. П. Дубинин по настоянию Н. С. Хрущева был снят с поста директора, а исполняющим обязанности директора был назначен его заместитель по научной работе Д. К. Беляев. Ситуация вокруг института резко обострилась. Лысенко и его сторонники решили этим воспользоваться и закрыть или, в крайнем случае, переориентировать институт и внедрить в него своих людей, начиная с директора. И в этой сложнейшей ситуации Борис Львович Астауров объединил всех настоящих генетиков в поддержку института и его молодого директора Д. К. Беляева»¹⁷⁶.

Бросается в глаза, что здесь неточно указана дата отставки Н. П. Дубинина, так как вместо октября называется ноябрь. Еще больше недоумения вызывает то, что В. К. Шумный меняет местами причину и следствие. Так, судя по его словам, получается, что обострение произошло после снятия. И совсем удивительно звучит то, что Т. Д. Лысенко и его команда «решили этим воспользоваться».

Необходимо также обратить внимание на свидетельства И. И. Кикнадзе в сборнике воспоминаний о Д. К. Беляеве. Она сообщает: «Тяжелый удар по институту был нанесен осенью 1959 г., ког-

¹⁷⁴ Он же. История и трагедия советской генетики... С. 240.

¹⁷⁵ Шумный В. К. Указ. соч. // Городок. Ру... С. 101.

¹⁷⁶ Он же. Слово о Борисе Львовиче Астаурове // Борис Львович Астауров: Очерки, воспоминания, материалы. М., 2005. С. 327–328.

да с поста директора был смещен Николай Петрович Дубинин. Я с тяжелым сердцем вспоминаю тот день, когда мы ждали на квартире Николая Петровича его возвращения со встречи с М. А. Лаврентьевым, где решался вопрос о смещении Николая Петровича. Он вернулся неузнаваемым – пришлось подать заявление об уходе»¹⁷⁷. Следует отметить, что в устной беседе Ия Ивановна полностью повторила приведенный выше фрагмент, подтвердив, что происходило это на следующий день после приезда Н. С. Хрущева¹⁷⁸.

В свою очередь, в неоднократно упоминавшемся сборнике «Николай Петрович Дубинин и XX век» об обстоятельствах смещения Н. П. Дубинина рассказывается следующим образом: «В ноябре 1959 г. Н. С. Хрущев, активно поддерживающий Т. Д. Лысенко, летел в одном самолете из Пекина в Новосибирск вместе с Лаврентьевым. Уже с борта самолета М. А. Лаврентьев дал телеграмму, что Н. С. Хрущев велел снять с поста директора Н. П. Дубинина как “вейсманиста-морганиста”. Власть Н. С. Хрущева в то время была такова, что М. А. Лаврентьев не смог переубедить его, несмотря на решительные и единодушные возражения всего Президиума СО АН СССР, партийной организации ИЦиГ, других ученых. В результате Н. П. Дубинину – организатору и первому директору пришлось покинуть ИЦиГ»¹⁷⁹.

Как видим, здесь вновь фигурирует ноябрь вместо октября. Такая неточность выглядит особенно странной, так как несколькими страницами далее в указанной работе опубликовано называвшееся постановление Президиума АН СССР от 16 октября 1959 г. о снятии Н. П. Дубинина с поста директора.

Не совсем убедительным выглядит и утверждение составителей сборника о «решительных и единодушных возражениях Президиума СО АН, партийной организации ИЦиГ, других ученых». Никаких документальных свидетельств по этому поводу не имеется, да и представить, чтобы в конце 1950-х гг. кто-то осмелился «решительно возражать» полномочному в то время лидеру довольно трудно.

¹⁷⁷ Кикнадзе И. И. Учитель жив в своих учениках // Дмитрий Константинович Беляев... С. 99.

¹⁷⁸ ЛАА. Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г.

¹⁷⁹ Николай Петрович Дубинин... С. 198.

В тот период возражения могли носить лишь косвенный характер. В качестве примера можно привести эпизод из деятельности одного из отцов-основателей СО АН академ. С. Л. Соболева, о котором пишет в своей статье известный сибирский математик С. С. Кутателадзе. В октябре 1958 г. Сергей Львович участвовал в работе Всесоюзного совещания по философским проблемам естествознания, где им, совместно с А. А. Ляпуновым, был представлен доклад «Кибернетика и естествознание». В своем выступлении С. Л. Соболев защищал идеи кибернетики и генетики, критиковал Т. Д. Лысенко. Показательно, что материалы конференции были подписаны в печать 22 октября 1959 г., несмотря на то, что в июне того же года Н. С. Хрущев, выступая на пленуме ЦК, высоко оценил труды «народного академика» и подверг «разносу» Н. П. Дубинина. Стоит отметить, что книга вышла значительным тиражом, и научное сообщество смогло убедиться, что защита науки может осуществляться не только в виде почтительных писем в ЦК КПСС¹⁸⁰.

Тем не менее, не стоит абсолютизировать этот момент. Для того чтобы еще раз продемонстрировать подчиненное положение науки по отношению к власти, обратимся к письму Президиума АН СССР «О ходе перестройки работы Отделения биологических наук АН СССР», направленному в ЦК КПСС 18 сентября 1959 г. В нем сообщалось о выступлении академика-секретаря Н. М. Сисакяна на заседании Президиума 18 сентября 1959 г. с докладом на указанную тему. Документ содержит текст выступления, из которого нам представляется целесообразным выделить следующий фрагмент: «Тематика научно-исследовательских работ приближена к решению задач, поставленных XXI съездом КПСС, и в основном направлена на решение крупных теоретических и важных для практики народного хозяйства вопросов. Намечено значительное расширение исследований по наиболее важным вопросам, менее актуальные темы свертываются и ряд тем, потерявших актуальность, исключаются из плана»¹⁸¹.

¹⁸⁰ Наука в Сибири. 2008. 28 февр.

¹⁸¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 111. Л. 79–82. Документ подписан Президентом АН СССР А. Н. Несмеяновым и главным ученым секретарем Президиума А. В. Топчиевым.

Стоит также обратить внимание, на то, как описывает обостренные ситуации П. Джозефсон. Повествуя о том, как над Институтом цитологии и генетики «сгущались тучи», автор выдвигает странное утверждение: «И что еще хуже, Новосибирский обком все больше завидовал материальному положению Академгородка и личным связям между Лаврентьевым и Хрущевым»¹⁸². Как известно, в 1959 г. Академгородка, в сущности, еще не было. В связи с этим можно напомнить, что в указанный год были построены только 4 дома, и основная часть сотрудников жила в Новосибирске, где располагалось подавляющее число институтов, в том числе и Институт цитологии и генетики.

Кроме того, касаясь проблемы снятия Н. П. Дубинина, П. Джозефсон отмечает: «В конце концов, Хрущев возненавидел и Дубинина и генетику»¹⁸³. Данное утверждение представляется недостаточно четким, учитывая то, что Н. С. Хрущев всегда относился к генетикам негативно.

Говоря о событиях осени 1959 г., нельзя оставить без внимания ситуацию, сложившуюся в самом институте. На отчетно-выборном собрании партийной организации института 23 октября 1959 г. с отчетным докладом выступил секретарь партбюро Р. И. Салганик. Он сказал следующее: «В последнее время в институте произошла смена руководства. Освобождение члена-корреспондента Н. П. Дубинина от обязанностей директора связано с тем, что его прежние исследования были не достаточны по своей практической значимости, а так же с его выступлениями против некоторых концепций академика Т. Д. Лысенко».

В ходе рассматриваемого собрания был затронут также острый вопрос о материально-бытовых условиях института и его сотрудников. Р. И. Салганик, отмечая, что институт работает в сложном положении из-за скученности в лабораториях, указал и на тяжелые жилищные условия у ряда научных работников. По его словам, из-за жилищных проблем у части сотрудников появились «панические настроения» вследствие чего некоторые собираются покинуть институт¹⁸⁴.

¹⁸² *Josephson P. New Atlantis revisited...* P. 98.

¹⁸³ *Ibid.*

¹⁸⁴ *ГАНУ. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.*

Вместе с тем подобная ситуация была характерна не только для Института цитологии и генетики. Так, еще в июле 1958 г. Президиум СО АН обратился в Бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой об увеличении финансирования. В данном документе отмечалось: «Следует указать, что замедление темпа строительства и уменьшение ассигнований по сравнению с просимыми Сибирским отделением поколеблет надежду ученых и научных сотрудников, привлеченных из Москвы и Ленинграда на создание в ближайшее время необходимой производственной площади и жилья и отрицательно скажется на организации Сибирского отделения и создании мощного научного центра Сибири и Дальнего Востока. Уже сейчас вновь организованные институты Сибирского отделения, в частности: Институт гидродинамики, Институт цитологии и генетики, Институт геологии и геофизики, Институт неорганической химии, Институт экономики и промышленного производства находятся в весьма тяжелых условиях»¹⁸⁵.

Вскоре после упоминавшегося партийного собрания ИЦиГ, 26 октября 1959 г. состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации СО АН СССР. В отчетном докладе парткома СО АН упоминались следующие проблемы: «Были допущены ошибки и при комплектовании руководящих кадров. Так, к руководству Институтом генетики и цитологии Президиумом отделения был привлечен член-корреспондент АН СССР Дубинин, являющийся, как известно, идейным противником мичуринских основ в идеологии».

Еще более остро этот вопрос был поставлен в выступлении на собрании зав. кафедрой философии СО АН СССР, председателя комиссии по общественным наукам при Президиуме Сибирского отделения проф. И. И. Матвеевкова. Он, в частности, сказал: «Вместо того, чтобы подвергнуть критике методологическую линию Дубинина и ему подобных, партком опять же не нашел “подходящей формы” для обсуждения в коллективе СО АН СССР», в результате чего «среди работников Института цитологии и генетики появляются “разговорчики” о том, что критика Дубинина была случайной, что это недоразумение»¹⁸⁶.

¹⁸⁵ *РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 29. Л. 24.* Документ подписан и. о. Председателя СО АН И. И. Новиковым.

¹⁸⁶ *Кузнецов И. С. Рождение Академгородка...* С. 146–147.

Заметным событием осени 1959 г. стало письмо сотрудников Института цитологии и генетики в ЦК КПСС. Бросается в глаза крайняя сдержанность данного текста, избегание в нем острых вопросов, что резко отличает его от предшествующего обращения Н. П. Дубинина. Видимо, его снятие с поста директора было воспринято как «последнее предупреждение».

Важно отметить, что это письмо обсуждалось на заседании Ученого совета Института цитологии и генетики 8 октября 1959 г. К сожалению, ход обсуждения практически не зафиксирован, хотя названы выступавшие ¹⁸⁷.

В качестве доказательства существования серьезных опасений со стороны сотрудников ИЦиГ, можно привести протокол партийного собрания от 4 ноября 1959 г., который свидетельствует о том, что первоначальный вариант письма отличался от того, который был отправлен в ЦК КПСС. После того как Р. И. Салганик зачитал первоначальный вариант обращения, Н. Д. Тарасенко предложил вычеркнуть те строки, в которых говорится о прекращении работ по экспериментальной генетике после 1948 г. Вслед за Н. Д. Тарасенко слово взял П. К. Шкварников, который посетовал на обилие жалоб в письме и предложил изменить некоторые формулировки, а многие просто вычеркнуть ¹⁸⁸. Учитывая те испытания, которые выпали на долю этого ученого в пору гонений на генетику, можно понять, почему он предлагал так тщательно отредактировать это послание.

Через две недели, 19 ноября 1959 г., состоялось открытое партийное собрание, которое одобрило новый вариант письма «с поправками и дополнениями» ¹⁸⁹. После утверждения данного текста партийной организацией, его окончательный вариант был рассмотрен на заседании Ученого совета института 23 ноября 1959 г. К этому времени данный текст принял столь обтекаемый характер, что в нем можно усмотреть лишь отдельные критические ноты. Это робкая жалоба на отсутствие экспериментального хозяйства и критика вузовских программ по биологии. По этому поводу говорилось: «Специалисты сельского хозяйства в связи с недостатком вузовских программ поч-

¹⁸⁷ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 18. Л. 37.

¹⁸⁸ *ГАНУ*. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 95, 96.

¹⁸⁹ *Там же*. Л. 100.

ти не знакомы с методикой разработки изложенных проблем, с новейшими достижениями экспериментальной цитологии и генетики. Внесение соответствующих корректив в вузовские программы сыграло бы положительную роль в деле использования практических достижений современной генетики» ¹⁹⁰.

В ходе обсуждения на данном заседании, в сущности, лишь З. С. Никоро в какой-то мере выступила «возмутителем спокойствия». Эта сотрудница института попросила еще раз зачитать упомянутую часть документа о вузовских программах и задала вопрос относительно цели написания данного письма. Докладчик – Р. И. Салганик, отвечая на последний вопрос, ограничился тем, что вновь зачитал вводную часть письма. Из этого можно сделать вывод, что Зоя Софроньевна так и не получила ответ на свой вопрос о конкретной цели обращения, так как упомянутая часть письма содержит лишь типичные для таких посланий слова.

Далее З. С. Никоро предложила дать более обширную характеристику состояния селекции и опять затрагивает проблему «вузовских программ». После этого заявления, Н. А. Плохинский задал З. С. Никоро вопрос о ее отношении к письму в целом, – в ответ она предложила дать в письме более подробный анализ проблем. Против этого выступил Ю. Я. Керкис, напомнив, что первоначально письмо было обширнее, но затем его сократили.

В связи с этим один из сотрудников института, В. М. Шепелев, видимо, не уяснив, о чем идет речь, предложил внести в послание несколько частных вопросов, что вызвало негативную реакцию некоторых из присутствовавших. Так, Н. А. Плохинский настойчиво просил не расширять записку и «не говорить о вещах выходящих из сферы компетенции института». Особенно встревожились те научные сотрудники, которые принимали активное участие в «редактировании» письма на предшествовавшем партийном собрании. Например, Р. И. Салганик указал на то, что записку обсуждали не раз и ее необходимо принять. Предложение Р. И. Салганика поддержали П. К. Шкварников и И. Д. Романов.

Завершив обсуждение, Д. К. Беляев подчеркнул, что задачи письма заключаются во внесении предложений пленуму ЦК КПСС по

¹⁹⁰ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 31. Л. 14.

развитию сельского хозяйства, – «касаться вопросов состояния селекционной работы в целом не следует»¹⁹¹.

К сожалению, нам неизвестна реакция правящих кругов на данную «челобитную», однако само письмо и процесс его обсуждения, бесспорно, весьма рельефно характеризуют ситуацию вокруг генетики на рубеже 1950–1960-х гг.

* * *

Таким образом, период становления Сибирского отделения, Новосибирского научного центра ознаменовался решающими шагами в становлении здесь генетических исследований. Данный процесс имел сложный характер, основные тенденции которого были обусловлены как фундаментальными политико-идеологическими императивами, так и особенностями становления и развития Сибирского отделения АН СССР. Среди первого комплекса факторов определяющее воздействие оказали «оттепель», «десталинизация», расширение гласности и оживление общественного мнения. Важнейшую роль сыграла инициатива прогрессивной части научного сообщества, прежде всего физиков-атомщиков, свидетельством чего стало «письмо 300-т» (1955 г.).

Говоря о внутренних факторах, необходимо отметить быстрое становление нового научного центра, его относительную независимость от местных партийно-идеологических структур, близость руководства СО АН к представителям центральных органов власти. Помимо этого, существенное значение имели особенности внутренней атмосферы ННЦ, такие как дух свободомыслия и энтузиазма, широкие возможности межнаучной интеграции. Определяющую роль имела принципиальная позиция М. А. Лаврентьева и ряда других ведущих ученых СО АН в пользу развития «опальной» науки.

Главным выражением процесса становления генетических исследований в ННЦ стало формирование и развитие Института цитологии и генетики СО АН, который был создан 7 июня 1957 г. Первые годы существования института характеризовались разнонаправленными тенденциями. С организацией этого учреждения возник ряд важных предпосылок для преодоления «лысенковщины», для воз-

рождения отечественной генетики. Бесспорным достижением следует признать создание соответствующих организационных структур, определение основных направлений деятельности и разработку соответствующих планов. Трудно переоценить значение концентрации в молодом научном центре немногочисленных кадров генетиков. При этом весьма важно, что здесь обрели «второе дыхание» продолжатели вавиловской традиции, среди которых были Ю. Я. Керкис, А. Н. Лутков, Ю. П. Мирюта, З. С. Никоро, И. Д. Романов, П. К. Шкварников. Наряду с этим в Новосибирском научном центре начали свою научную биографию многие молодые и перспективные ученые, в числе которых были Р. И. Салганик, И. И. Кикнадзе, Н. Б. Христоролюбова и др. Таким образом, Институт цитологии и генетики объединил представителей всех прежних отечественных генетических школ, а именно: Ленинградских школ Ю. А. Филипченко и Н. И. Вавилова, а также Московской школы Н. К. Кольцова – С. С. Четверикова. Тем самым, генетические исследования получили мощный импульс для развития.

Вместе с тем рождение генетического центра в Сибири происходило в непростой обстановке, было сопряжено с преодолением значительных препятствий. Существенные проблемы проистекали из недостаточности материальной базы молодого института. В частности, собственное здание Института цитологии и генетики получил только в 1964 г. Долгое время научные сотрудники института работали в обстановке острой нехватки производственных площадей и недостаточного оснащения приборами и реактивами. Следует также обозначить отставание в решении социальных проблем ученых-генетиков в сравнении с другими институтами СО АН. Так, в ИЦиГ крайне остро стоял «жилищный вопрос».

Особенно же негативное воздействие на процесс его становления оказали факторы политико-идеологического характера, связанные с новым рецидивом «лысенковщины». В декабре 1958 г. была развернута кампания давления на Институт цитологии и генетики, достигшая кульминации осенью 1959 г., когда по настоянию Н. С. Хрущева был уволен директор-организатор ИЦиГ Н. П. Дубинин. В связи с этим возникает сложная проблема оценки роли Н. П. Дубинина в развитии отечественной генетики. Характерно, что в литературе представлены полярные оценки, однако применительно к рассматривае-

¹⁹¹ Там же. Д. 18. Л. 45–47.

тому периоду необходимо отметить большой позитивный вклад ученого.

Помимо внешнего давления, отрицательное влияние имели сложности в самом научном сообществе, такие как консервативные традиции и корпоративно-клановые конфликты. Это проявилось в неоднозначном отношении к ИЦиГ со стороны других биологических институтов СО АН, а также ряда высших учебных заведений Новосибирска и Томска.

Тем не менее, этот сложный период становления института ознаменовался весомыми научными результатами, что нашло отражение в официальных документах АН СССР. Ряд начатых в это время исследовательских направлений получили плодотворное продолжение в последующие годы. В частности, в рассматриваемый период были развернуты работы по созданию триплоидных сортов сахарной свеклы и ряда других культур, начались исследования в области пушно-звероводства, осуществлялись перспективные разработки лекарственных средств, а также проводилось изучение проблем радиационной безопасности.

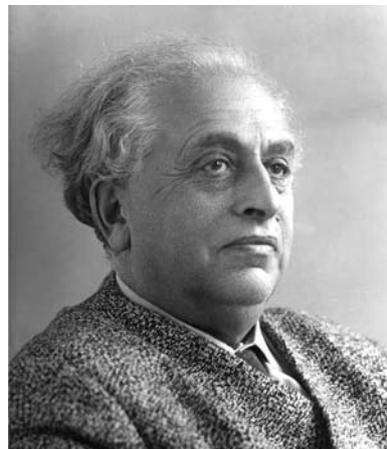

1) *Институт цитологии и генетики СО РАН*¹⁹²

¹⁹² Источники фотографий: № 1 – фотоархив автора; №№ 6, 14 – Электронный фотоархив СО РАН (<http://www.soran1957.ru/>); №№ 2, 5, 3 – Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 1; №№ 4, 7, 8 – Там же. 2007. Т. 11. № 2; №№ 9, 10, 13 – Там же. 2006. Т. 10. № 2; № 11 – Там же. 2004. № 28; № 12 – Там же. 2005. Т. 9. № 1.

2) Н. П. Дубинин

3) Ю. Я. Керкис

4) 1958 г. Слева направо: Н. А. Плохинский, Ю. Я. Керкис, Д. К. Беляев, Н. Б. Христолюбова, Ю. П. Мирюта.

5) Единомышленники. Перед первомайской демонстрацией 1958 г., Новосибирск. Слева направо: Георгий Сергеевич Кикнадзе, Дмитрий Константинович Беляев, Рудольф Иосифович Салганик, Николай Петрович Дубинин, Николай Николаевич Соколов, Борис Николаевич Сидоров, Николай Александрович Плохинский.

6) Визит Президента АН СССР А. Н. Несмеянова в ИЦиГ СО АН СССР, 11 февр. 1959 г. Слева направо: А. Н. Несмеянов, Т. Ф. Горбачев, Д. К. Беляев, Н. Б. Хри스토любова.

7) М. А. Лаврентьев и Д. К. Беляев.

8) Ученый совет ИЦиГ СО АН СССР, 1961 г. Слева направо сидят: П. К. Шкварников, Ю. Я. Керкис, О. И. Майстренко, З. С. Никоро, Д. К. Беляев, В. Б. Енкен, Р. И. Салганик, Ю. П. Мирюта, А. Н. Лутков; слева направо стоят: Н. Б. Хри스토любова, Ю. О. Рауиенбах, Т. С. Ростовцева, Н. А. Плохинский, В. В. Тряско, И. И. Кикнадзе, В. Н. Тихонов, К. П. Алуффриев, С. Е. Боржковский, Г. Ф. Привалов.

9) Генетики растений плеяды Н. И. Вавилова. Слева направо: П. К. Шкварников, Ф. Х. Бахтеев и Ю. П. Мирюта.

11) З. С. Никоро

12) Ю. П. Мирюта

10) П. К. Шкварников со своим учеником И. В. Черным на опытном поле ИЦиГ СО АН СССР.

13) Р. Л. Берг

14) Р. И. Салганик

3.1. Ситуация в начале 1960-х гг.

После снятия Н. П. Дубинина пост директора ИЦиГ занял 42-летний Д. К. Беляев, который в феврале 1958 г. был зачислен в штат института и в мае того же года переехал в Новосибирск из Москвы. На эту должность его порекомендовал первый директор института. В сборнике воспоминаний «Дмитрий Константинович Беляев» С. В. Аргутина указывает на то, что Т. Д. Лысенко предлагал кандидатуру из «мичуринцев», но этому воспротивился М. А. Лаврентьев¹. Однако вряд ли здесь имело место какое-либо противостояние, так как кандидатура Д. К. Беляева, скорее всего, устраивала всех. В частности, по мнению С. И. Малецкого, Дмитрий Константинович не был известным человеком среди специалистов и имел научный багаж лишь в размере нескольких небольших публикаций по проблемам пушного звероводства. В силу этого он не мог представлять прямой угрозы для Т. Д. Лысенко². Вряд ли можно признать обоснованным утверждение О. В. Трапезова, что директором ИЦиГ было решено назначить «известного специалиста по генетике пушных зверей Д. К. Беляева»³.

Вместе с тем представленная точка зрения также заслуживает внимания. Так, по словам акад. В. К. Шумного, Д. К. Беляев к моменту назначения на должность директора ИЦиГ был хорошим специалистом по пушным зверям. Данное направление исследований было связано с чистой генетикой, давало значительную прибыль государству и потому находилось под покровительством А. И. Микояна⁴.

Здесь интересен и другой аспект рассматриваемой ситуации – причины такого единодушия коллектива ИЦиГ в поддержке данной

кандидатуры. Ведь в тот момент в институте работали весьма авторитетные ученые – в особенности П. К. Шкварников и Ю. Я. Керкис, имевшие полное право претендовать на кресло директора. Для разъяснения данного вопроса необходимо вновь обратиться к воспоминаниям И. И. Кикнадзе. По ее словам и П. К. Шкварников, и Ю. Я. Керкис имели желание возглавить институт, и по этому поводу шла «подковерная» борьба. Однако они были уже «в возрасте», а Д. К. Беляев был молод и энергичен. Кроме того, по мнению Ии Ивановны, Дмитрий Константинович являлся квалифицированным исследователем, чем во многом был обязан тому, что свою молодость провел в среде классических генетиков. Помимо прочего, по свидетельству нашей собеседницы, П. К. Шкварников и Ю. Я. Керкис не ладили друг с другом, и с этой точки зрения Д. К. Беляев, как новый человек, устраивал всех⁵.

Несколько иную версию рассматриваемых событий предлагает акад. В. К. Шумный. Он вспоминает, что еще во время посещения института комиссией М. А. Ольшанского обсуждались кандидатуры на пост директора. Что же касается назначения Д. К. Беляева, то Владимир Константинович не видит здесь серьезной подоплеки и считает, что М. А. Лаврентьев пошел по самому легкому пути, назначив директором заместителя. П. К. Шкварников и Ю. Я. Керкис на тот момент уже не были заместителями, а Дмитрий Константинович находился на этой должности. По мнению Владимира Константиновича, других мотивов не было. Он указывает на уверенность М. А. Лаврентьева в том, что Д. К. Беляев – человек активный, жесткий, решительный, стойкий. В. К. Шумный считает, что это был единственно правильный выбор, так как Д. К. Беляев занял решительную позицию по защите института.

При этом, сравнивая П. К. Шкварникова и Д. К. Беляева, В. К. Шумный приходит к выводу о равновеликости этих фигур. Они оба воевали, закончили войну в звании майора, но Д. К. Беляев на момент назначения был заместителем директора ИЦиГ, что и сыграло ключевую роль в выборе⁶. На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с утверждением о равнозначности упомянутых ученых: П. К. Шквар-

¹ Аргутина С. В. Дима // Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний. Новосибирск, 2002. С. 33.

² ЛАА. Рукопись: Малецкий С. И. Академический тупик. Новосибирск, 1988. С. 5.

³ Трапезов О. В. Судьбы генетики // Философия науки. 2005. № 3. С. 72.

⁴ ЛАА. Запись беседы с В. К. Шумным от 22 декабря 2009 г.

⁵ Там же. Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г.

⁶ Там же. Запись беседы с В. К. Шумным от 26 ноября 2007 г.

ников еще в довоенное время был заместителем Н. И. Вавилова во Всесоюзном институте растениеводства.

Характерно, что впоследствии П. К. Шкварников покинул институт. Неоднозначную версию по этому поводу выдвигает Т. С. Ростовцева. По ее словам, его вместе с Ю. П. Мирютой стали «выживать» из ИЦиГ, после того как в институт пришла В. В. Хвостова, покинувшая лабораторию Н. П. Дубинина в Москве⁷. Однако данное мнение опровергает В. К. Шумный. Как отмечает Владимир Константинович, Ю. П. Мирюта и П. К. Шкварников не планировали длительное время работать в ИЦиГ, собирались переехать на Украину, что в итоге и сделали⁸.

Как бы то ни было, Д. К. Беляеву предстояло возглавлять ИЦиГ в течение четверти века, что требует особого внимания к личности этого ученого и организатора науки, тем более что в некоторых работах допускаются неточности в изложении его биографии. В частности, В. Н. Сойфер и С. И. Малецкий в своих трудах приписывают Д. К. Беляеву ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук⁹. Между тем согласно личному делу из архива Новосибирского государственного университета, Дмитрий Константинович был кандидатом биологических наук. Данная ученая степень была присуждена ему в 1946 г. диссертационным советом Московского пушно-мехового института¹⁰. С. И. Малецкий допускает также неточность относительно даты назначения Дмитрия Константиновича на должность директора: «Исполняющим обязанности директора ИЦиГ в 1961 г. был назначен Д. К. Беляев»¹¹.

⁷ Ростовцева Т. С. Путь в науку или не называя фамилии: Воспоминания. Коломна, 2002. С. 61. Автор – канд. сель-хоз. наук, в 1958–1969 гг. работала в ИЦиГ. Следует отметить, что версию о «выживании» названных ученых подтверждает научный сотрудник ИЦиГ Ю. Н. Иванов. См.: ЛАА. Запись беседы с Ю. Н. Ивановым от 17 июня 2009 г.

⁸ ЛАА. Запись беседы с В. К. Шумным от 22 декабря 2009 г.

⁹ Сойфер В. Н. Тень Ленина его усыновила...: Документальный детектив об одном Ленинском лауреате и советских генетиках. М., 2006. С. 280; ЛАА. Рукопись: Малецкий С. И. Указ. соч. С. 5.

¹⁰ Архив Новосибирского государственного университета. Личное дело Д. К. Беляева. Л. 27.

¹¹ ЛАА. Малецкий С. И. Указ. соч. С. 5.

Кроме того, Г. С. Яблонский (в свое время – один из лидеров клуба «Под интегралом») в своих комментариях к известной мемуарной публикации бывшего президента названного клуба А. И. Бурштейна утверждает: «В 1950-е гг. Д. К. Беляев был гонимым, а в 1960–1970-е гонителем»¹². В свою очередь, уже упоминавшийся в нашей работе В. В. Бабков несколько «ускоряет» научный рост Дмитрия Константиновича, допуская следующее выражение: «Экспериментальная модель эволюции академика Д. К. Беляева, построенная к началу 1960-х гг.»¹³.

Следует отметить, что в воспоминаниях современников о Д. К. Беляеве преобладают весьма высокие оценки, примером чего является упоминавшийся сборник «Дмитрий Константинович Беляев». Не расходится с этим и мнение М. А. Лаврентьева, который писал о Д. К. Беляеве: «Он стал великолепным директором института, крупным ученым и организатором науки»¹⁴.

Редким примером противоположной оценки являются мемуары Р. Л. Берг «Суховой». Раиса Львовна в своем негативизме переходит все границы и, не стесняя себя в выборе выражений, пишет, что до того как стать директором, Д. К. Беляев относился к категории людей, называемой не иначе как «беспартийная сволочь». Когда снимали Н. П. Дубинина, Д. К. Беляев, по утверждению Р. Л. Берг, сумел воспользоваться «монаршим гневом» и «подтолкнул падающего»¹⁵.

Предвзятое отношение Р. Л. Берг к Д. К. Беляеву прослеживается при характеристике его поведения в различных ситуациях, к примеру, на одном из заседаний Ученого совета института в конце хрущевского периода. Там З. С. Никоро подняла острую тему об ошибках в планировании сельского хозяйства со стороны руководства страны. По этому поводу Д. К. Беляев, как утверждается в рассматриваемых мемуарах, «говорил все, что ему было бы предложено говорить, имея

¹² Бурштейн А. И. Реквием по шестидесятым или под знаком интеграла // Научное сообщество физиков СССР. 1950–1960-е годы. Документы, воспоминания, исследования. СПб., 2005. Вып. 1. С. 612.

¹³ Бабков В. В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М., 2008. С. 715.

¹⁴ Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 152.

¹⁵ Берг Р. Л. Суховой: Воспоминания генетика. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 303, 313.

он время проконсультироваться в райкоме»¹⁶. В связи с этим следует отметить неточность в мемуарах Р. Л. Берг: там говорится, что данный случай имел место в 1963 г., однако на самом деле описываемое ею заседание Ученого совета ИЦиГ проходило 14 января 1964 г.

Столь необъективное отношение названного автора к некоторым сотрудникам Института цитологии и генетики и, особенно, к его директору, возможно, связано с тем, что Раисе Львовне пришлось покинуть институт после подписания «письма 46-ти». Собранный по этому поводу Ученый совет Института цитологии и генетики, на котором Р. Л. Берг подверглась «проработке», мог оставить неизгладимый след в ее душе.

На предвзятое отношение Р. Л. Берг к Д. К. Беляеву справедливо обращает внимание И. А. Захаров. По его версии, Раиса Львовна дала Д. К. Беляеву резкую характеристику из-за обиды на коллектив института¹⁷. В свою очередь, по мнению научного сотрудника ИЦиГ Ю. Н. Иванова, мемуары Р. Л. Берг вообще «во многом лишены достоверности»¹⁸.

Между тем действия Д. К. Беляева в сложной ситуации 1968 г. не поддаются однозначной оценке, о чем, в частности, свидетельствует протокол закрытого партийного собрания института от 5 апреля. При обсуждении поступка Р. Л. Берг директор института не стремился к обострению ситуации и, в частности, сказал: «Думаю, что Р. Л. Берг не является нашим врагом и подписала это письмо по ошибке, вследствие своей политической незрелости и безответственности»¹⁹. Однако в книге «Суховой» мы не находим упоминания о такого рода высказываниях директора ИЦиГ.

Скептическое отношение к Д. К. Беляеву прослеживается также в воспоминаниях Р. А. Цильке²⁰. Вот что он пишет о втором директо-

¹⁶ Там же. С. 286.

¹⁷ Захаров И. А. Генетика во второй половине XX в. М., 2004. С. 40.

¹⁸ Иванов Ю. Н. Мысли о науке и жизни. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 2009. С. 178.

¹⁹ ГАНУ. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 8. Л. 12, 13.

²⁰ Цильке Р. А. (род. в 1932 г.) – д-р биол. наук, проф. Работал в Омском сельскохозяйственном институте, затем в Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства. Имел тесные контакты с сотрудниками ИЦиГ.

ре ИЦиГ: «Надо отдать должное ДК, как звали его в коллективе, он умело руководил всеми координационными совещаниями, на которых весьма бурно дискутировали их участники. Беляев, восседая в кресле и беспрерывно покуривая, заменяя одну сигарету за другой, давал вволю высказываться всем участникам собрания. Я всегда внимательно следил за ним. Он, несомненно, был талантливым игроком. Умело скрывая свою некомпетентность в генетике и селекции пшеницы, он на лету схватывал отдельные мысли или идеи и ловко ими манипулировал. <...> В институте к нему по-разному относились. Были такие, которые в рот заглядывали и пользовались его барскими подачками, но были и такие, которые его люто ненавидели. Он, конечно, знал тех и других, но разыгрывал из себя либерала»²¹.

Рассмотрим еще некоторые утверждения, высказанные в мемуарах Р. Л. Берг. Проанализировав материалы расширенного Ученого совета Института цитологии и генетики, которое состоялось 14 января 1959 г., можно аргументировано возразить Р. Л. Берг относительно ее утверждения о том, что Д. К. Беляев «подтолкнул падающего».

На вышеупомянутом заседании выступал сотрудник института проф. Д. Ф. Петров. За свою жизнь ему пришлось немало натерпеться от «лысенковцев», что, по всей видимости, выработало в нем твердую волю, и поэтому он не боялся вести свое выступление в разрез с общей линией. Названный сотрудник утверждал, что негативная оценка, данная Н. П. Дубинину газетой «Правда», имеет под собой основу. Он указывал на переоценку Н. П. Дубининым работ зарубежных генетиков и на то, что Николай Петрович занимается исследованиями, которые не имеют ни какого практического значения.

Однако нас в этом месте интересует поведение Д. К. Беляева. Он называет оценку Н. П. Дубинина Д. Ф. Петровым необъективной и односторонней. По его словам, Н. П. Дубинин внес значительный вклад в развитие представлений о материальных основах наследственности. Более того, он утверждал, что его исследования «подняли генетику на новый этап». Дмитрий Константинович также отмечал важность работ Н. П. Дубинина в области влияния радиации на наследственность человека²².

²¹ Цильке Р. А. МЖСК. Автобиографическое повествование. Новосибирск, 2005. С. 187.

²² НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 18. Л. 11, 12, 17.

Конечно, можно предположить, что Д. К. Беляев ведет себя так, как будет вести себя в данной ситуации практически каждый заместитель, имеющий желание угодить своему начальнику. Тем не менее, не исключено, что Дмитрий Константинович, несмотря на то противостояние, которое возникло у него с Н. П. Дубининым в 1960-е и 1970-е гг., в 1959 г. был высокого мнения о первом директоре ИЦиГ. Кроме того, уже с января 1959 г. Н. П. Дубинин все более попадал в опалу, так как критика, предпринятая газетой «Правда», однозначно была инициирована «сверху». Следовательно, Д. К. Беляев мог предположить, что Н. П. Дубинин вскоре будет снят. Почуввав «откуда ветер дует», он мог начать активно действовать, или, по крайней мере, выжидать. Вместо этого Дмитрий Константинович защищал Н. П. Дубинина.

Такое поведение Д. К. Беляева можно объяснить, кроме всего прочего, его осторожностью. В качестве доказательства можно привести уже рассмотренную нами стенограмму заседания Ученого совета Института цитологии и генетики от 23 ноября 1959 г., на котором обсуждалось коллективное письмо сотрудников ИЦиГ в ЦК КПСС, а Дмитрий Константинович выступал в роли председателя. Как ранее отмечалось, содержание вышеупомянутого письма поражает своей сдержанностью и избеганием острых вопросов. Дело в том, что положение ИЦиГ было на тот момент, мягко говоря, не самым лучшим. Н. П. Дубинин был уже снят, а сменивший его Д. К. Беляев больше всех остальных сотрудников должен был быть заинтересован в том, чтобы институт оставили в покое.

Когда в ходе обсуждения письма сотрудник И. Д. Романов задал вопрос о проверке цифр об урожайности гибридной кукурузы, Д. К. Беляев ответил, что «цифры тщательно проверены». Дмитрий Константинович возразил против предложения З. С. Никоро о необходимости более подробной характеристики в письме состояния селекционной работы: «Касаться вопроса состояния селекционной работы в целом не следует»²³.

Д. К. Беляев не только сам проявлял осторожность в отношениях с «верхами», но и, кроме всего прочего, следил за тем, чтобы кто-либо из сотрудников не навлек беды. Так, в 1969 г. на конкурс по за-

²³ Там же. Л. 45, 47.

мещению должностей старших научных сотрудников был представлен ряд кандидатур, среди которых оказался уже упоминавшийся в данной работе С. И. Малецкий. По этому вопросу было собрано заседание партбюро института, где обсуждалась, в частности, и эта кандидатура. С. И. Малецкий был охарактеризован Г. Ф. Приваловым и В. К. Шумным как способный научный работник, который быстро «вырос» и защитился. Не была оставлена без внимания его большая исследовательская деятельность, но в то же время В. К. Шумный отметил, что у С. И. Малецкого есть свое понимание «отдельных политических и идеологических моментов».

Н. Д. Тарасенко дал еще более точную оценку, заявив: «Малецкий враждебно относится к партии и комсомолу. Органически не терпит партийцев». Тем не менее, он добавил, что будет голосовать за его избрание на должность старшего научного сотрудника. Со стороны В. К. Шумного последовали возражения относительно такой негативной оценки, а Г. М. Роничевская, подключаясь к дискуссии, сказала, что «он не враг».

В итоге дискуссии Д. К. Беляев, отметив сомнительность характеристик С. И. Малецкого, сказал, что если он политически не благонадежен «то и речи не может быть о выдвижении»²⁴. Директор отметил малую вероятность всего того, о чем говорил Н. Д. Тарасенко, и предложил отложить окончательное решение на полгода.

Некоторым подтверждением версии о большой осторожности Дмитрия Константиновича является эпизод, описанный в книге «Репрессированная наука». В комментариях содержится следующая информация: «Попытка издать через Институт цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР большую статью Любищева о Мичурине уже в 1966 г. была пресечена директором института академиком²⁵ Д. К. Беляевым (уже после падения Лысенко!). Вот почему Любищев с горечью вспоминает в очередном письме В. П. Орлову в ноябре 1966 г.: “Когда нам дадут хотя бы права зулусов, о которых мы так мечтаем, и избавят нас от дурацкого руководства”»²⁶.

²⁴ ГАНО. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 9. Л. 57, 58.

²⁵ Здесь допущена неточность. Д. К. Беляев был избран действительным членом Академии наук в 1972 г.

²⁶ Любищев против лысенковщины: история и уроки противостояния. Письма. Документы // Репрессированная наука. Вып. 1. Л., 1991. С. 498.

Еще одним свидетельством осторожности Дмитрия Константиновича является его выступление на сессии общего собрания Академии наук СССР, посвященного 10-летию Сибирского отделения АН СССР 7 марта 1968 г. Его доклад «Некоторые проблемы генетики» не содержал ни одного упоминания о трудном для генетиков периоде, хотя на тот момент, согласно общепризнанному мнению, прессинг в основном был снят. В данном докладе нам представляется интересным лишь один фрагмент, связанный с упоминанием первого директора института: «Вслед за Четвериковым группа советских генетиков, и среди них прежде всего Н. Дубинин и его сотрудники, создала в процессе многолетних исследований основы экспериментального изучения генетических процессов в популяциях, и вскрыла в ходе этих исследований коренные генетические механизмы микроэволюционного процесса»²⁷.

Рассматривая материалы партийной организации ИЦиГ, можно прийти к выводу, что Д. К. Беляев значительное внимание уделял всем аспектам деятельности своих сотрудников, в том числе их участию в «общественной работе». Характерно, что на заседании Ученого совета ИЦиГ 13 октября 1962 г. он в числе других сотрудников института критиковал ст. науч. сотр. В. Н. Тихонова за «уклонение от общественной работы»²⁸.

Большое значение, в частности, придавалось посещению так называемых философско-методологических семинаров. Как известно, эти мероприятия рассматривались тогда партийным руководством в качестве основной формы политического воспитания научных работников. Характерна в этом плане реплика директора ИЦиГ на одном из партийных собраний 1969 г. «О характеристиках: не надо замалчивать, что если человек числился в философском семинаре и не посещал. Не надо выдумывать некоего человека».

На другом мероприятии такого рода в том же году Дмитрий Константинович сетовал на неудовлетворительную организацию этих собраний, из-за чего их посещала лишь малая часть сотрудников. Директор института говорил о недопустимости замалчивания плохой явки на собрания. По его словам, «не надо жить по углам и бухтеть»²⁹.

²⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 160. Л. 102–124.

²⁸ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 83. Л. 105.

²⁹ ГАНО. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 9. Л. 22, 48, 58.

В целом ряде воспоминаний затрагивается вопрос о стиле руководящей деятельности Д. К. Беляева, о его отношении к сотрудникам. Судя по некоторым документам и мемуарным свидетельствам, директор ИЦиГ в кадровых вопросах придерживался «жесткой линии», что порой приводило к конфликтным ситуациям. Показательно его высказывание на одном из партсобраний 1968 г., где Дмитрий Константинович, говоря о работе кадровой комиссии, попросил ее «помочь избавиться от ненужных сотрудников»³⁰.

В очерке Г. Н. Падерина воспроизводятся характерные рассуждения Д. К. Беляева о категориях научных работников, в том числе следующее: «И вырастает еще прослойка-середнячки, те самые “ракушки”. Если от них не избавляться, штат будет заполнен, и нельзя будет принимать молодежь. Как избавляться? Конечно, самое правильное – вызвать и сказать: “Вы остановились в своем росте, лучше вам уйти, скажем, на преподавательскую работу”»³¹.

Другое характерное свидетельство о стиле руководящей деятельности Д. К. Беляева содержится в очерке Р. К. Нотмана: «Мы как-то разговорились с академиком Беляевым о Лаврентьеве. Дмитрий Константинович и сам умел хорошо “подстригать” непокорных или “сильно неудобных”. Он был очень благодарен Лаврентьеву за многое, но даже у него вырвалось: “Иногда он бывал Малютой Скуратовым”»³².

На этом аспекте делает акцент и П. Джозефсон, давая, на наш взгляд, излишне однозначную оценку личности Д. К. Беляева. В частности, повествуя о судьбе другого известного биолога Н. Н. Воронцова, он утверждает: «Воронцов предпочел работу в Президиуме Сибирского отделения, напряженной атмосфере Института цитологии и генетики под руководством “Наполеона” Дмитрия Беляева. Беляев, не желавший иметь конкурента, давал отпор попыткам Ляпунова пригласить Тимофеева-Ресовского в институт. Впоследствии на выборах в академики, он выступил против кандидатуры Тимофеева-Ресовского, представленной от его института. Беляев также старался ограничить Воронцова путем перевода его группы под юрисдик-

³⁰ Там же. Д. 8. Л. 140.

³¹ Падерин Г. Н. Обвиняемый – страх. Новосибирск, 2001. С. 414.

³² Нотман Р. К. Предназначение. Новосибирск, 2002. С. 31.

цию лаборатории Раисы Берг»³³. Как видим, автор серьезно критикует Дмитрия Константиновича, называет его «Наполеоном», но при этом никак не комментирует появление данного «ярлыка». Столь резкая оценка фигуры второго директора ИЦиГ является лишь одной из версий, которая, впрочем, имеет под собой некоторые основания.

Следует также обозначить неточность П. Джозефсона в вопросе назначения Д. К. Беляева на должность директора: «Временный директор Юрий Яковлевич Керкис, несмотря на преимущества по сравнению с Дубининым, своим властным организаторским стилем заставил сотрудников отвернуться от него. Беляев, директор с 1961 г. и до своей смерти в 1985 г., умело вел институт через политические, финансовые и научные трудности»³⁴. Как известно, Ю. Я. Керкис никогда не стоял во главе института, в то время как Д. К. Беляев стал исполняющим обязанности директора 12 октября 1959 г. решением Бюро Президиума СО АН одновременно со снятием Н. П. Дубинина.

Симптоматично и отношение П. Джозефсона к некоторым другим ученым. В частности, секретаря партийной организации ИЦиГ и крупного специалиста по генетике растений Ю. П. Мирюту он, никак не аргументируя, называет «сталинистом до глубины души»³⁵.

Обращаясь к документам, можно сделать вывод, что Д. К. Беляев действительно уделял особое внимание дисциплине сотрудников института, подчеркивая что не может быть «ничего более вредного как отсутствие дисциплины выхода на работу в научно-исследовательское учреждение»³⁶.

На партийном собрании Института цитологии и генетики, которое состоялось 28 февраля 1973 г., Дмитрий Константинович прямо заявил, что «стиль либерализма» не годен для дирекции. Он отмечал здесь «своеволие» заведующих лабораториями и предлагал различные способы повышения исполнительской дисциплины, – например, учитывать ее состояние при решении вопроса о командиров-

³³ *Josephson P.* New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, 1997. P. 91.

³⁴ *Ibid.* P. 103.

³⁵ *Ibid.* P. 97.

³⁶ ГАНО. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

ках³⁷. В заключение Дмитрий Константинович сделал следующий характерный вывод: «Все проявления недисциплинированности, расхлябанности есть хотя бы и неосознанное, но проявление определенной идеологии. В. И. Ленин квалифицировал это как обывательско-мещанскую идеологию, идеологию мещанско-буржуазного либерализма. Есть категория людей, которая любое мероприятие воспринимает именно с позиций мещанской идеологии»³⁸.

Интересное мнение относительно «жесткости» Д. К. Беляева высказал В. К. Шумный. На его взгляд, если бы Дмитрий Константинович имел другой характер, то неизвестно «чем бы дело кончилось», так как в сложившейся ситуации могли выстоять только такие люди как Д. К. Беляев и М. А. Лаврентьев, имевшие одинаковый, жесткий характер. Кроме того, Владимир Константинович говорит, что не уверен, поддержал ли бы М. А. Лаврентьев другого³⁹.

Судя по некоторым свидетельствам, требовательность Д. К. Беляева, его жесткий управленческий стиль порой приводили к разного рода конфликтным ситуациям. Определенное мнение по этому поводу сформировалось не только у части сотрудников института, но и в руководстве АН СССР. Об этом в какой-то мере свидетельствуют материалы общего собрания СО АН 1980 г., посвященного выборам председателя Президиума СО АН. Во время обсуждения возможных кандидатов на этот пост Президент АН СССР акад. А. П. Александров сказал: «Относительно академика Д. К. Беляева подходить надо с другой точки зрения. Опыт работы по целому ряду биологических вопросов постоянно приводит к очень неприятным в Академии наук конфронтациям, которые не могут быть творческими, при этом получается плохая ситуация»⁴⁰.

Вместе с тем ряд источников отражает некоторые другие аспекты характера и мировоззрения Д. К. Беляева. Показательный эпизод воспроизводится, к примеру, в мемуарном фрагменте акад. В. К. Шумного. Рассказывая о деятельности Д. К. Беляева в начале 1960-х гг., он вспоминает: «В самые тяжелые для института времена он собрал

³⁷ Там же. Д. 13. Л. 21.

³⁸ Там же.

³⁹ ЛАА. Запись беседы с В. К. Шумным от 26 ноября 2007 г.

⁴⁰ НАСО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 408. Л. 37.

группу молодых сотрудников и сказал: «Судьба науки и института во многом решается в партийных органах. Для них очень важно мнение партийной организации института, – идите в партию и формируйте это мнение». Так стали членами партии В. Е. Евсиков, А. Д. Груздев, Е. Д. Будашкина и др., в том числе и я»⁴¹. О такого рода рекомендациях со стороны Д. К. Беляева вспоминает и другой мемуарист – член-корр. РАН Л. И. Корочкин⁴². В связи с этим следует напомнить, что сам Дмитрий Константинович не состоял в КПСС, что для представителей академической элиты было немалой редкостью.

Некоторый дополнительный свет на мировоззрение ученого проливает такой своеобразный источник как запись беседы с писателем К. М. Симоновым, который выступал в Доме ученых новосибирского Академгородка 1 декабря 1971 г. После завершения программы состоялась встреча писателя с ветеранами войны. Суждения ее участников зафиксировала сотрудница Института геологии и геофизики О. В. Кашменская (в то время кандидат, затем доктор наук). Будучи членом КПСС, участницей войны, она в 1968 г. выступила в защиту сотрудников своего института, подписавших известное «письмо 46-ти», за что и подверглась тогда жесткому прессингу. В настоящее время названная запись беседы находится в личном архиве автора.

Среди участников рассматриваемой встречи в качестве ветерана войны присутствовал и Д. К. Беляев. В этой своеобразной обстановке его суждения, разумеется, заметно отличались от того, что декларировалось на партсобраниях. Например, когда беседа зашла об отечественной истории, К. М. Симонов начал утверждать об отсутствии в 1930-е гг. активного вредительства и существовании лишь какой-то части недовольной интеллигенции. По этому поводу Дмитрий Константинович сказал: «Да и вообще глупо думать, что полтора-два мил-

⁴¹ *Шумный В. К.* Сверяем поступки по своим учителям // Дмитрий Константинович Беляев... С. 117.

⁴² *Корочкин Л. И.* Возвысить свой голос в защиту науки // Там же. С. 124. В этой связи представляется уместным привести мнение одного из ветеранов института – д-ра биол. наук В. Н. Тихонова. По словам нашего собеседника, партийная и профсоюзная организации института подчинялись Д. К. Беляеву, так как на их руководящие должности он выдвинул тех, кто его поддерживал (*ЛИА*. Запись беседы с В. Н. Тихоновым от 9 сентября 2008 г.).

лионов людей могут думать одинаково. Этаким, знаете ли, мономарксизм. Об этом только Козьма Прутков мечтал».

Далее дискуссия затронула и самый острый вопрос о фигуре И. В. Сталина. Один из присутствующих стал защищать «вождя» и заявил, что у И. В. Сталина, вероятно, была модель общественного устройства, которой он следовал. В ответ последовало следующее нетривиальное по тем временам суждение Д. К. Беляева: «Да какая там его модель! Таких моделей было, было. Ну, хоть модель Ивана Грозного». Более того, продолжая разговор, он отметил, что И. В. Сталин «много взял от нацизма».

Постепенно обсуждение перешло к проблеме коллективизации, и Дмитрий Константинович назвал происходившее тогда «ужасом». Он также подчеркнул, что сельскому хозяйству в нашей стране всегда не везло, и произнес знаменательную фразу: «Уж мы-то генетики это знаем. Мы из войны да попали опять в такую войну, по сравнению с которой Отечественная показалась простой и ясной!»⁴³.

Определенный свет на политические взгляды Д. К. Беляева проливает и эпизод, описанный в книге Р. К. Нотмана. Здесь приводится следующее свидетельство директора Института растениеводства им. Н. И. Вавилова В. А. Драгавцева: «Я тогда был ученым секретарем в Институте цитологии и генетики. Вызвали, помню, к директору. Д. К. так мрачно-то посмотрел на меня и говорит:

– Виктор, давай-ка уезжай куда-нибудь на несколько дней.

– А что так? – удивился я.

– Да тут приехали собирать подписи под бумагой осуждающей Андрея Дмитриевича Сахарова. Мараться не будем. Так что надо уехать...

И уехали, не подписывали»⁴⁴.

Некоторые неоднозначные нюансы отмечаются в ряде публикаций и при характеристике главного аспекта деятельности Д. К. Беляева – его научной работы. Большинство авторов, разумеется, подчеркивают выдающийся вклад Дмитрия Константиновича в развитие отечественной биологии. В связи с этим отмечается преемствен-

⁴³ *ЛИА*. Запись О. В. Кашменской о беседе с К. М. Симоновым 1 декабря 1972 г.

⁴⁴ *Нотман Р. К.* Указ. соч. С. 66.

ность его исследований с предшествующей традицией. Так, в статье Н. Н. Воронцова и М. Д. Голубовского отмечается: «В 1950–1960-е годы Д. К. Беляев развил идеи своего брата Н. К. Беляева о влиянии отбора по одному из репродуктивных признаков на комплекс коррелятивно связанных с ним черт»⁴⁵. Как известно, старший брат Д. К. Беляева, Николай Константинович, известный генетик, погиб в ходе репрессий 1930-х гг.

О научной школе Д. К. Беляева повествуется в статье сотрудница ИЦиГ О. В. Трапезова: «В конце 1950-х – начале 1960-х годов под руководством академика Д. К. Беляева (1917–1985) в Новосибирске сформировалась школа, заложившая принципиально новое направление в изучении генетико-эволюционных механизмов доместикации»⁴⁶.

В августе 2007 г. в Новосибирске проходила международная конференция «Развитие эволюционной идеи в биологии, социологии, медицине», посвященная 90-летию акад. Дмитрия Константиновича Беляева. Участвовавший в ней акад. В. К. Шумный в интервью корреспонденту «Науки в Сибири» вкратце изложил суть исследований Д. К. Беляева. По его словам, основными темами исследований Дмитрия Константиновича были генетика пушных зверей, построение доместикационной модели на примере лисиц и генетика поведения. Особый интерес у Д. К. Беляева вызывали вопросы наследственной изменчивости и механизмы отбора. С целью изучения этих процессов Дмитрий Константинович занялся проведением доместикации⁴⁷ животных. Исследования, начатые в 1958 г. и продолжающиеся до сих пор, сначала были восприняты как обычная популяцион-

⁴⁵ Воронцов Н. Н., Голубовский М. Д. Популяционная и эволюционная генетика в СССР в вавилонское время (1917–1941 гг.) // Вавилонское наследие в современной биологии. М.: Наука, 1989. С. 280.

⁴⁶ Трапезов О. В. Доместикация – одно из самых ранних достижений человечества // Философия науки. 2007. № 4. С. 114.

⁴⁷ Доместикация – процесс адаптации организмов к содержанию в неволе (выращиванию в искусственных условиях) в результате приручения (животных), отбора и искусственного воспроизводства (Глазко В. И., Глазко Г. В. Толковый словарь терминов по общей и молекулярной биологии, общей и прикладной генетике, селекции, ДНК-технологии и биоинформатике. В 2-х томах. Т. 1. М., 2008. С. 322).

ная работа. Однако после смерти Д. К. Беляева в 1985 г. за рубежом начался настоящий бум, и его работы были тщательно проанализированы и начали цитироваться.

Другое направление исследований, которыми, по словам В. К. Шумного, занимался Д. К. Беляев – генетика поведения, стало своего рода вектором, который можно использовать для создания модели патологий человека, норм поведения. В 1980-х гг. прошлого века за рубежом начали создавать модели исследования таких человеческих патологий поведения как шизофрения, паранойя, болезнь Альцгеймера на примере животных. И тогда выяснилось, что эта работа была в значительной степени уже проведена Д. К. Беляевым.

Одним из важнейших направлений в современной биологической науке являются подходы к лечению сложных патологий. И в этом отношении оказались очень востребованы беляевские модели. В настоящее время наука изучает сложные признаки нормы и патологии, и для того чтобы найти к ним подступ, необходимо вывести на поверхность пласты изменчивости из популяций, находящиеся в скрытой форме. Все эти исследования основываются на идеях Д. К. Беляева, отработанных в процессе доместикации⁴⁸.

В этой связи обращает внимание доклад участников указанной конференции Е. Яблонки (Израиль) и Л. Лэмба (Великобритания). В их исследовании, в частности, отмечалось: «...Представления о наследственности и изменчивости в настоящее время начинают меняться на Западе. Сегодня биологи уже могут утверждать, что: 1). Не все наследственные изменения обязательно связаны с различиями в последовательностях ДНК; 2). Не все наследственные изменения имеют случайное происхождение; 3). Не все эволюционные изменения носят постепенный характер; 4). Не все паттерны эволюционной дивергенции напоминают древо».

В связи с этим авторы утверждают: «Первые три из этих вызовов, как известно, в бывшем СССР были включены в общую концепцию наследственности. Хотя Т. Д. Лысенко отрицал менделевскую генетику, но были среди русских и такие ученые, которые, подобно Д. К. Беляеву и его коллегам в Новосибирске, с одной стороны, знали и изучали менделевскую генетику, а с другой стороны, исследовали

⁴⁸ Наука в Сибири. 2007. 6 сент.

такие формы наследственности, которые западными биологами совершенно игнорировались».

И далее в тексте указывается: «Сегодня исследования Д.К. Беляева и его сотрудников можно интерпретировать в рамках развивающейся концепции эпигенетического наследования...»⁴⁹.

Ряд авторов обращают внимание на некоторые непростые страницы научной биографии Д. К. Беляев. Известно, что Дмитрий Константинович стал членом-корреспондентом АН СССР, а затем и академиком не имея ученой степени доктора наук. Между тем еще в мае 1962 г. Ученый совет Института цитологии и генетики рассматривал заявление Д. К. Беляева о предоставлении ему полугодового отпуска «для окончательного оформления докторской диссертации»⁵⁰. Здесь следует отметить, что в личном деле Д. К. Беляева из архива НГУ имеется копия диплома доктора наук, в соответствии с которой датой присуждения ему докторской степени является 9 марта 1973 г.⁵¹.

Обстоятельства избрания Д. К. Беляева в члены-корреспонденты в 1964 г. затрагиваются в упоминавшейся книге Р. Л. Берг. По словам Раисы Львовны, Д. К. Беляев не имел шансов пройти по Отделению биологии АН СССР, в связи с чем, как она утверждает, специально для этого случая было создано Отделение биофизики, биохимии и активных соединений. Именно по этому отделению директор ИЦиГ был избран членом-корреспондентом, а чуть позже и академиком⁵².

⁴⁹ *Jablonka E., Lamb M. J.* The epigenome in evolution: beyond the modern synthesis // Информационный вестник ВОГиС. 2008. Т. 12. № 1/2. В данном случае использован вариант, переведенный на русский язык и опубликованный д-ром биол. наук, проф. С. И. Малецким: Е. Яблонка, М. Лэмб. Эпигеном в эволюции: за пределами современного синтеза // Вісн. Укр. тов-ва генетиків і селекціонерів. 2008. Т. 6. № 2. С. 338–339. Следует отметить, что в настоящее время проблемы эпигенетики, получили определенное отражение в соответствующей литературе. Подробнее об этом новом направлении генетики см., напр: *Паткин Е. Л.* Эпигенетические механизмы распространения заболеваний человека. СПб., 2008; *Сеньков О.* Гены, которые мы меняем: вредные привычки и эпигенетика // В мире науки. 2009. № 9. С. 55–57.

⁵⁰ *НАСО.* Ф. 50. Оп. 1. Д. 64. Л. 72.

⁵¹ *Архив* Новосибирского государственного университета. Личное дело Д. К. Беляева. Л. 29.

⁵² *Берг Р. Л.* Указ. соч. С. 312.

Однако в нашем распоряжении имеется документ, ставящий под сомнение данное утверждение. Так, в личном деле Д. К. Беляева имеется постановление общего собрания АН СССР от 26 июня 1964 г., в котором сообщается его избрании в члены-корреспонденты по Отделению общей биологии на вакансию СО АН по специальности «биология, физиология»⁵³.

Что касается сложностей при выдвижении Д. К. Беляева в академики, то об этом упоминается в воспоминаниях акад. М. М. Лаврентьева – сына основателя СО АН. По его свидетельству, президент Сибирского отделения, узнав о намерении некоторых членов Отделения общей биологии выступить против данной кандидатуры, в ходе «ритуальной процедуры чаепития» у президента Академии наук, вступился за Д. К. Беляева. Назвав ВАК реакционной организацией, он сравнил Дмитрия Константиновича с А. Н. Туполевым и С. П. Королевым, которые стали академиками, не имея ученой степени доктора наук⁵⁴.

Версию о значительной роли М. А. Лаврентьева в выдвижении Д. К. Беляева разделяет и В. К. Шумный. По его словам, Д. К. Беляев был «любимчиком» основателя СО АН, который для него делал все. По словам Владимира Константиновича, М. А. Лаврентьев сумел «пробить» избрание Д. К. Беляева, так как в уставе не была прописана необходимость иметь ученую степень. В. К. Шумный также отмечает, что Д. К. Беляев посылал докторскую диссертацию в ВАК, но она не была утверждена как связанная с чистой генетикой. Он перезащитился, но ВАК отказывал, потому что Т. Д. Лысенко писал отрицательные отзывы. По утверждению названного автора, Д. К. Беляев получил ученую степень доктора наук сразу же после низвержения Т. Д. Лысенко. В. К. Шумный связывает присвоение Д. К. Беляеву ученой степени с тем, что его избрали в академики, а это, по его словам, означало автоматическое присвоение ученой степени доктора наук⁵⁵. Видимо, в данном мемуарном фрагменте допущены некоторые неточности, поскольку, судя по документам, ученая степень док-

⁵³ *Архив* Новосибирского государственного университета. Личное дело Д. К. Беляева. Л. 38.

⁵⁴ *Век* Лаврентьева... С. 381.

⁵⁵ *ЛАА.* Запись беседы с В. К. Шумным от 26 ноября 2007 г.

тора наук была присуждена Д. К. Беляеву в 1973 г., а 1964 г. он был избран в члены-корреспонденты и лишь в 1972 г. стал академиком. Таким образом, здесь действительно имел место уникальный случай: ученый получил ученую степень доктора биологических наук после избрания в члены АН СССР.

Все эти нюансы, быть может, в ином случае не имели бы общественного значения, однако в данной ситуации они не могли не сказываться на развитии Института цитологии и генетики СО АН.

3.2. Противостояние продолжается

Рассматривая деятельность Института цитологии и генетики в первой половине 1960-х гг., необходимо обозначить наиболее сложный вопрос – каково было положение института в контексте официальной политики после отставки Н. П. Дубинина. По этому поводу в опубликованной литературе прослеживаются две противоположные позиции.

Первая версия изложена в мемуарах М. А. Лаврентьева⁵⁶ и в дальнейшем отчасти воспроизведена в исследованиях А. Г. Осипова и Н. А. Куперштох. Выводы названных авторов можно выразить формулой: «Все успокоилось и стабилизировалось».

Иная позиция прослеживается в ряде мемуарных текстов и интервью акад. В. К. Шумного, а также супруги Д. К. Беляева С. В. Аргутинской. Так, в сборнике «Дмитрий Константинович Беляев» В. К. Шумный оценивает ситуацию первой половины 1960-х гг. как «самые тяжелые для института времена»⁵⁷. В свою очередь, в книге «Главный геолог» (посвященной акад. А. А. Трофимуку) названный автор пишет: «До 1964 г. предпринимались три санкционированные ЦК КПСС настойчивые попытки закрыть этот институт. Частично удалась только первая. По прямому распоряжению Н. С. Хрущева был снят с поста директора Н. П. Дубинин. Две другие попытки М. А. Лаврентьеву, С. А. Христиановичу, А. А. Трофимуку и Д. К. Беляеву удалось отбить. Для этого необходимо было обладать муже-

⁵⁶ *Век* Лаврентьева... С. 149–152.

⁵⁷ *Шумный В. К.* Сверяем поступки по своим учителям // Дмитрий Константинович Беляев... С. 117.

ством и огромным чувством взаимоподдержки и единства научного сообщества»⁵⁸.

Во время нашей встречи с Владимиром Константиновичем, он конкретнее обозначил положение института в рассматриваемые годы. Так, осень 1958 и 1959 гг., а также первая половина 1960 г. были, по его мнению, самым тяжелым временем. После же этого имел место «вялотекущий процесс» давления на институт вплоть до октября 1964 г. На данном этапе, по словам академика, угрозы закрытия института уже не было, хотя некоторые негативные действия со стороны властных структур в отношении него по-прежнему предпринимались⁵⁹.

Со своей стороны, С. В. Аргутинская так характеризует ситуацию после отставки Н. П. Дубинина: «Для института вновь наступили тяжелые времена, фактически его перевели на полулегальное положение, а предназначавшееся для него здание было передано другому институту»⁶⁰. Следует отметить, что приведенное выше мнение разделяет П. Джозефсон, в частности, утверждая: «Будучи в течение шести лет лишенным своих возможностей, институт вынужден был занимать полулегальное положение»⁶¹.

В какой-то мере с этим согласуется устное свидетельство одного из первых сотрудников Института цитологии и генетики И. И. Кикнадзе, по утверждению которой основные нападки на институт развернулись в период директорства Д. К. Беляева, так как при Н. П. Дубинине он находился лишь в стадии становления. По мнению Ии Ивановны, трудный период в жизни сибирских генетиков длился до 1965 г., когда началось «ослабление»⁶².

Характерно, что в недавно вышедшем фундаментальном издании «Российская академия наук. Сибирское отделение: Историче-

⁵⁸ *Он же.* Запоминающиеся встречи // Главный геолог. Новосибирск, 2002. С. 126.

⁵⁹ *ЛАА.* Запись беседы с В. К. Шумным от 26 ноября 2007 г.

⁶⁰ *Аргутинская С. В.* Дмитрий Константинович Беляев (биографический очерк) // Проблемы генетики и теории эволюции: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 21.

⁶¹ *Josephson P.* New Atlantis revisited... P. 83.

⁶² *ЛАА.* Запись беседы с И. И. Кикнадзе от 31 января 2007 г.

ский очерк», в сущности, представлена аналогичная позиция. В главе «Создание» сообщается: «По воспоминаниям В. К. Шумного, в то время молодого сотрудника Института цитологии и генетики, а в последующем его директора и академика, «наш институт много лет “висел на волоске”»⁶³.

Оценивая правомерность той и другой версии о ситуации вокруг Института цитологии и генетики в первой половине 1960-х гг., весьма сложно сделать однозначные выводы. В рассматриваемый период – в отличие от наиболее острых событий 1959 г. – изучаемые процессы в большей мере носили латентный характер. Зачастую о реальном положении можно лишь предполагать по различным косвенным признакам.

Вместе с тем в нашем распоряжении имеется ряд документов, которые в какой-то мере позволяют судить о том, как в рассматриваемый период ИЦиГ выглядел в глазах центрального и местного руководства. В ряду такого рода ключевых источников следует отметить, прежде всего, материалы проверки партийной организации СО АН СССР, проведенной в начале 1961 г. Отделом науки, школ и культуры Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Составленный по результатам проверки отчет, датированный 9 февраля 1961 г., вместе с приложенным проектом постановления Бюро является весьма ценным документом, характеризующим состояние Сибирского отделения в целом. Здесь нашли отражение все проблемы СО АН, начиная от бытового устройства ученых и заканчивая взаимоотношениями в его руководстве.

Характерно, что среди перечисленных в вводной части отчета достижений СО АН упомянуты и результаты исследований генетиков. В частности, отмечалось передача гибрида кукурузы «Сибирская-2» и семян триплоидной сахарной свеклы на государственные испытания.

Тем не менее, отчет в целом носил преимущественно критический характер, и сибирские генетики в этом плане не являлись исключением. Так, в документе указывалось: «В институтах не выполняется план издания научной литературы, особенно большое отставание по техническим и биологическим наукам». Кроме того, было отмечено:

⁶³ *Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк.* Новосибирск, 2007. С. 143.

«До сих пор не принято надлежащих мер в улучшении работы экспериментального хозяйства. В экспериментальном хозяйстве в плохих условиях содержатся 200 коров, 100 свиней, в хозяйстве недостает кормов. Институты биологии, генетики и цитологии⁶⁴, Ботанический сад не развернули научных исследований в экспериментальном хозяйстве, не разрабатывают агротехнических мероприятий по повышению урожайности сельскохозяйственных культур»⁶⁵.

Наибольший интерес вызывают части отчета, специально посвященные ИЦиГ, причем в них затрагиваются, главным образом, не научные, а идейно-политические проблемы. В документе, в частности, утверждалось: «В Институте генетики и цитологии часть руководящих кадров подбиралась т. Дубининым. После освобождения т. Дубинина, в институте остались ранее подобранные им кадры, некоторые из них до сих пор поддерживают с ним научную связь (т. т. Шкварников, Керкис). Партком не принял мер по разъяснению молодежи ошибочных взглядов т. Дубинина, в силу чего некоторая часть молодых работников института сожалеет о его уходе из института. В целом Институт генетики и цитологии укомплектован молодежью, которая окончила Московский, Ленинградский университеты и желает работать в области биологических наук»⁶⁶.

Значительный интерес представляет проект⁶⁷ постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР по данному вопросу. Бросается в глаза, что здесь среди перечисленных достижений СО АН уже не говорилось об успехах генетиков, и в то же время подчеркивалось, что ИЦиГ, Ботанический сад и Институт биологии «недостаточно развернули научные исследования в экспериментальном хозяйстве». Что касается самого ИЦиГ, то здесь главный акцент был сделан на состо-

⁶⁴ Здесь допущена неточность в названии, которая неоднократно повторяется в последующем тексте.

⁶⁵ *РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 87. Л. 1–3.* Документ был подписан зав. Отделом науки, школ и культуры Бюро ЦК КПСС по РСФСР Н. Казьминым и зав. сектором А. Маховым.

⁶⁶ *Там же. Л. 3.*

⁶⁷ Что касается самого постановления, то, судя по всему, оно так и не было принято, так как на титульном листе документа в левом углу имеется надпись Н. Казьмина: «Вопрос не был принят к рассмотрению на Бюро».

яние кадров: «Имели место факты отступления от принципа персонального подбора кадров. В Институте генетики и цитологии более года нет директора института. В этом институте слабо проводится пропаганда достижений мичуринской науки и не разъяснены молодежи ошибки старого руководства института»⁶⁸. Симптоматичным является упоминание об «отсутствии директора», хотя с момента снятия Н. П. Дубинина (октябрь 1959 г.) институтом руководил Д. К. Беляев. Возможно, это было связано с тем, что Дмитрий Константинович вплоть до 1965 г. находился в статусе исполняющего обязанности директора⁶⁹.

В заключительной части документа, среди многочисленных указаний соответствующим инстанциям также неоднократно упоминался ИЦиГ. В частности, предписывалось: «Партийным организациям и руководству Институтов биологии, генетики и цитологии и Ботаническому саду направить все свои усилия на выполнение решений январского Пленума ЦК КПСС». Кроме того, указывалось: «Обратить внимание парткома и руководства Сибирского отделения АН СССР на необходимость дальнейшего улучшения подбора кадров. Укрепить научными кадрами Институт генетики и цитологии»⁷⁰.

Как видим, документ содержал умеренную критику Института цитологии и генетики, при этом особый акцент был сделан на необходимости преодоления издержек «старого руководства». В целом же необходимо иметь в виду, что главным объектом рассмотренной проверки была работа парткома СО АН, деятельность же ИЦиГ изучалась лишь в ряду других учреждений.

Знаковым мероприятием, свидетельствовавшим о сохранении непростой ситуации, стала и проведенная в 1961 г. проверка «идейной направленности и связи с практикой коммунистического строительства» Института цитологии и генетики. Она была осуществлена ко-

⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 87. Л. 6–8. Документ содержит грифы «Совершенно секретно» (в настоящее время снят), «На голосование» и подписан зав. Отделом науки, школ и культуры Бюро ЦК КПСС по РСФСР Н. Казьминным и зав. сектором А. Маховым.

⁶⁹ Д. К. Беляев был утвержден директором Института цитологии и генетики на годичном Общем собрании АН СССР в феврале 1965 г. См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 151. Л. 28.

⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 87. Л. 9.

миссией парткома СО АН под руководством д-ра филос. наук, проф. И. И. Матвеевкова⁷¹. Итоговый документ (выводы) комиссии датирован 28 июня 1961 г.

Как и в ранее рассмотренном источнике, первый пункт выводов содержал положительную оценку деятельности ИЦиГ: «В плане научных исследований института значатся вполне актуальные темы, отвечающие насущным потребностям сельского хозяйства». В документе подчеркивалось: «В качестве итогов научной работы института следует указать на то, что институтом получены впервые на массивах чернопестрого скота Сибири данные о наследственности обильномолочности, жирномолочности и крупноплодности. <...> Достигнуты известные успехи в области выведения триплоидных гибридов сахарной свеклы и получения тетраплоидов из основных сортов сахарной свеклы и др.»⁷².

Вместе с тем отмечались следующие недостатки: «Институт исследует исключительно важную проблему – воздействие малых доз радиации на человека. Но в институте явно преувеличиваются достижения Н. П. Дубинина и Ю. Я. Керкиса в области исследования этой проблемы. Во-первых, в методике подсчета до самого последнего момента применялась неправильная формула <...> исключающая действительный эффект. Это признал Ю. Я. Керкис, заявив, что Дубинин ввел его в заблуждение с этой формулой»⁷³.

Далее в рассматриваемом документе содержалось серьезное критическое замечание в адрес всего коллектива института: «Что касается печатной продукции работников института за последние 3 года, то она в подавляющем большинстве является результатом исследований, сделанных научными работниками по прежнему месту работы»⁷⁴.

⁷¹ Об отношении И. И. Матвеевкова к генетикам можно судить по симптоматичной реплике, высказанной им еще в декабре 1958 г. Выступая на закрытом партийном собрании Института цитологии и генетики, посвященном обсуждению печально известной статьи «Правды», он заметил, что «борьба с менделизмом и морганизмом в 1948 г. была проведена правильно, хотя в этой борьбе были допущены отдельные ошибки, администрирование по отношению к ряду научных сотрудников». См.: ГАНО. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁷² ГАНО. Ф. П-384. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–10.

⁷³ Там же. Л. 10.

⁷⁴ Там же. Л. 11.

Наиболее существенные претензии идеологического порядка содержал третий раздел документа: «Институт до сих пор не сделал всех необходимых выводов из критики методологических основ его научных исследований комиссией ЦК КПСС в январе 1959 г., когда, по выражению академика Ольшанского ⁷⁵, в институте монополю господствовало формально-генетическое направление. Научные работники института до сих пор не выступают с критикой морганизма-менделизма. Нам не известно ни одной статьи, ни одного доклада работников института, посвященных идеологической борьбе против морганизма-менделизма. А некоторые научные сотрудники института (Никора ⁷⁶) считают критику философских основ морганизма-менделизма ненужной. Даже на философских семинарах как по теме “О партийности в науке”, так и по теме “Философский аспект проблемы перехода от неживого к живому” (доклады Р. И. Салганика) не было дано критики морганистского направления в биологической науке. Кроме того, некоторые научные работники института демонстративно подчеркивают свое идейное родство с Н. П. Дубининым. Бывший секретарь парторганизации Ю. П. Мирюта при обсуждении на закрытом партийном собрании редакционной статьи “Правды”, в которой был подвергнут критике Дубинин, заявил, что на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. была разгромлена советская биология (т. Мирюта разгром морганистов выдает за разгром советской биологии). <...> Во время беседы в парткоме Ю. П. Мирюта заявил, что его с Дубининым связывает идейное родство, что поэтому он и весь коллектив ин-

⁷⁵ Здесь речь идет о наиболее известной комиссии по проверке ИЦиГ (январь 1959 г.), которую возглавлял один из ближайших соратников Т. Д. Лысенко вице-президент ВАСХНИЛ акад. М. А. Ольшанский.

⁷⁶ Фамилия упомянутого генетика – Никоро. Допущенная в тексте орфографическая неточность весьма красноречиво свидетельствует об отношении к этой персоне, так как подобная ошибка неоднократно встречается в архивных материалах. Так, в стенограмме заседания Президиума СО АН от 29 января 1962 г., на котором рассматривался вопрос о присвоении З. С. Никоро звания старшего научного сотрудника, она вновь предстает как «Никора» (НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 248. Л. 46). О биографии известного ученого Зои Софроньевны Никоро см., напр.: *Никоро З. С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика. М., 2005.*

ститута очень тяжело переживает критику Дубинина Н. С. Хрущевым» ⁷⁷.

Документ завершался требованием «обязать коммунистов Института цитологии и генетики СО АН в своей научной работе проводить принцип большевистской партийности <...> ведя воинственную и непримиримую идеологическую борьбу с морганизмом-менделизмом за материалистическую мичуринскую биологию». Кроме того, предписывалось «потребовать от коммунистов института немедленного выполнения предложения комиссии ЦК КПСС от 21 января 1959 г. о полном преодолении монополю господства формально-генетического направления в институте путем привлечения на работу в институт дополнительно группы квалифицированных научных работников, стоящих на позициях мичуринского направления». Также предлагалось «укрепить руководство института, поставив во главе его ученых высшей квалификации, <...> наполнить институт кадрами высшей и средней квалификации и прежде всего сторонниками мичуринского направления» ⁷⁸.

Что касается важнейшей формулировки об «укреплении руководства», то в то время она однозначно подразумевала смену директора, а намек на недостаточную квалификацию руководства института мог быть адресован Д. К. Беляеву, который в тот момент был, как отмечалось ранее, кандидатом биологических наук. По устному свидетельству акад. В. К. Шумного, еще в 1959 г., во время очередного «наезда» на генетиков, обсуждался ряд более приемлемых кандидатур, среди которых был директор Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства (АНИИСХОЗ) Г. А. Наливайко ⁷⁹. Возможно, такого рода варианты продолжали рассматриваться и в начале 1960-х гг.

Из всего этого можно сделать следующий вывод: в рассматриваемый период ИЦиГ по-прежнему вызывал негативное отношение

⁷⁷ ГАНУ. Ф. П-384. Оп. 1. Д. 16. Л. 11–12.

⁷⁸ Там же. Л. 12–13.

⁷⁹ Герой Социалистического труда, депутат Верховного Совета СССР Георгий Антонович Наливайко завоевал известность в конце 1950-х гг., когда руководимый им АНИИСХОЗ разработал «Систему ведения сельского хозяйства по зонам Алтайского края», основу которой составляло большое насыщение севооборотов посевами кукурузы и конскими бобами. Впоследствии она получила название пропашной системы земледелия.

властно-идеологических структур и определенная угроза нового удара по институту сохранялась.

Характерно однако, что предложения комиссии не имели серьезных последствий. Вероятно, здесь сыграло свою роль различие позиций идеологических и научных структур. В частности, отношение Президиума АН СССР к ИЦиГ рельефно иллюстрирует протокол «Экспертной группы по биологии, выделенной постановлением Президиума АН СССР для ознакомления с состоянием научно-организационной работы и перспектив развития научных исследований Института цитологии и генетики СО АН СССР» (сентябрь 1961 г.).

Необходимо подчеркнуть, что итоги данного мероприятия рассмотрены в исследовании П. Джозефсона, однако названный автор выдвигает в этой связи следующее необоснованное утверждение: «Даже после снятия Дубинина, комиссии, организованные “лысенковцами”, посещали Академгородок с целью пристальной проверки сибирской генетики»⁸⁰. На наш взгляд, нет оснований рассматривать упомянутую экспертную группу в ряду «лысенковских» проверок.

На самом деле в документе давался в целом позитивный отзыв об институте и делался акцент на практических проблемах, требующих решения. Прежде всего, отмечалось: «Институт цитологии и генетики представляет собой сложившееся научное учреждение, проводящее исследовательскую работу на современном научном уровне, на основе диалектического материализма, а его коллектив научных кадров способен решать поставленные перед институтом задачи по разработке генетических проблем с использованием новейших достижений физики, химии и математики». Кроме того, обращалось внимание на уникальность института: «По ряду направлений, в частности по экологической генетике животных, по изучению мутационного процесса в связи с предшествующей эволюцией видов у растений и животных и др. институт является единственным научным учреждением СССР»⁸¹.

Основное же внимание было уделено трудностям материально-технического плана. Так, отмечалось, что «дальнейшее развитие работ института тормозится ограниченностью производственных пло-

щадей, разбросанностью лабораторий, неприспособленностью значительных площадей для исследовательской работы». Помимо этого, в документе был затронут первоочередной для генетиков вопрос о собственном здании: «Необходимо форсировать строительство института»⁸².

Подводя итог, попытаемся выявить подоплеку появления рассмотренных документов. Проверка деятельности парткома СО АН, возможно, была связана с предстоящим визитом Н. С. Хрущева, который посетил Академгородок в марте 1961 г. Как известно, его второй приезд в новый научный центр заметно отличался от предшествующего визита в октябре 1959 г., когда руководство СО АН подверглось резкой критике, а для генетиков дело закончилось снятием директора ИЦиГ Н. П. Дубинина. Сейчас положение было существенно иным, и это, возможно, объясняет, почему составленный по результатам проверки и за месяц до визита Н. С. Хрущева проект постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР не был принят к рассмотрению.

Таким образом, ситуация смягчилась, но, судя по всему, по-прежнему действовали силы, заинтересованные в ее обострении. В этом контексте проверку Института цитологии и генетики комиссией парткома СО АН допустимо рассматривать как своего рода «контрудар» сторонников Т. Д. Лысенко. Нельзя исключать, что за спиной И. И. Матвеевкова стоял Новосибирский обком КПСС. Несмотря на распространенную версию о помощи генетикам со стороны его первого секретаря Ф. С. Горячева, имеется достаточно аргументов, заставляющих усомниться в ее достоверности. В свою очередь, работу экспертной группы, организованной Президиумом АН, следует оценивать как попытку смягчить противостояние.

Вместе с тем главный вывод, вытекающий из анализа всех трех документов, заключается в том, что такой остроты ситуации как в 1958–1959 гг. все же не было. Рассматриваемый период начала 1960-х гг. характеризуется некоторым снижением внешнего давления на Институт цитологии и генетики и в то же время продолжением определенного противодействия его работе со стороны «мичуринцев». Кроме того, очевидно, что возрождение генетики в Новосибирском научном центре тормозилось целым комплексом других

⁸⁰ *Josephson P. New Atlantis revisited...* P. 98.

⁸¹ *НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 72. Л. 5–6.*

⁸² *Там же. Л. 6.*

факторов и прежде всего недостатками в материально-технической базе.

Видимо, в это время прессинг в отношении генетиков осуществлялся не столько в форме публичных разносов, сколько посредством создания всякого рода препятствий для их работы. Характерное свидетельство по этому поводу имеется в книге Р. Л. Берг и С. Н. Давиденкова «Наследственность и наследственные болезни человека». О Р. Л. Берг говорилось уже неоднократно, соавтор же ее был крупнейшим специалистом по данным вопросам. Названная книга была опубликована после его кончины издательством «Наука» в рамках научно-популярной серии АН тиражом в 50 тыс. экз. В предисловии Раиса Львовна пишет: «В 1960 г. Сергей Николаевич (Давиденков – С. Ш.) получил от Общества “Знание” предложение написать популярную брошюру “Наследственность и наследственные болезни человека”. <...> Опубликование брошюры натолкнулось на бесчисленные препятствия. Прошло десять лет. За это время вышло из печати некоторое количество книг, как по общим вопросам генетики, так и по медицинской генетики. Тем не менее, вакуум, возникший за те 30 лет, в течение которых генетика подвергалась гонению, до сих пор не заполнен»⁸³.

В свою очередь, д-р филос. наук А. Н. Кочергин, работавший в Академгородке в 1960–1970-е гг. (до переезда в Москву), вспоминает: «Идеологическая атмосфера 60-х годов прошлого века была довольно сложной. “Идеологический зажим” в обществе был весьма существен, малейшие попытки отклонения от “линии партии” решительно пресекались. (В частности, мне пришлось отказаться, по настоятельной рекомендации своих научных руководителей, от защиты кандидатской диссертации по философским вопросам генетики, имевшей “антилысенковскую” направленность – это случилось после визита Н. С. Хрущева в Академгородок, результатом которого явилось снятие с поста директора Института цитологии и генетики СО АН Н. П. Дубинина и преследование генетиков)»⁸⁴.

⁸³ Берг Р. Л., Давиденков С. Н. Наследственность и наследственные болезни человека. Л., 1971. С. 3.

⁸⁴ Кочергин А. Н. Тридцать лет знакомства и сотрудничества с академиком Александром Леонидовичем Яншиным // Академик Александр Леонидович Яншин. Воспоминания. Материалы: В 2-х кн. М., 2005. Кн. 1. С. 87.

Одним из косвенных симптомов сохраняющейся непростой обстановки вокруг Института цитологии и генетики могут служить события 1960 г. в партийной организации аппарата Президиума СО АН. 9 июня 1960 г. состоялась партийное собрание вышеупомянутой организации, на котором рассматривались итоги работы в сети партийного просвещения. Выступавший работник аппарата В. Г. Стародубцев сообщил следующее: «На днях у нас в ученом совете возник с группой товарищей разговор о бывшем директоре Института цитологии и генетики т. Дубинине, о том, что он извращает теорию марксизма-ленинизма и вместо пользы приносит только вред науке. Заместитель ученого секретаря, член ВЛКСМ т. Емельяненко⁸⁵ взял под защиту т. Дубинина и заявил, что мы не сможем в вопросах цитологии, а беремся судить. Дубинин большой ученый, и если бы руководитель Сибирского отделения, авторитетный ученый, услышал, как мы говорим, то бы он нас сразу выгнал с работы. Пользуемся только данными официальной прессы (газетами и журналами) и повторяем слова т. Хрущева о Дубинине, поэтому не можем иметь своего мнения. Этим т. Емельяненко опорочил нашу советскую печать и поставил под сомнение решение партии и правительства о Дубинине. Тов. Емельяненко является зазнавшимся демагогом. <...> Я прошу партийное бюро разобраться в этом вопросе»⁸⁶.

Позднее, 29 сентября 1960 г., состоялось заседание партийного бюро аппарата Президиума СО АН, на котором рассматривался вопрос о приеме А. С. Емельяненко кандидатом в члены КПСС. По этому поводу упоминавшийся В. Г. Стародубцев сказал: «Если смотреть на объективные данные т. Емельяненко, то они неплохие. <...> Я хочу сказать о его <...> политической зрелости. <...> У некоторых молодых людей проявляется политическая неустойчивость. <...> Тов. Емельяненко выступил в защиту т. Дубинина, он преклонялся перед этим ученым, говоря, что “вы не знаете его как ученого и судите только по газетам и выступлениям Н. С. Хрущева. Он признан за границей. О нем другого мнения и руководство”. <...> Личные каче-

⁸⁵ Емельяненко А. С. (р. 1931) – впоследствии канд. геол.-мин. наук, один из организаторов физкультурного движения в ННЦ, в настоящее время удостоен почетного звания «заслуженный ветеран СО РАН».

⁸⁶ ГАНО. Ф. П-8199. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

ства т. Емельяненко – чванство, он зазнался <...> для приема кандидатом не созрел».

С этими суждениями полностью солидаризовался другой участник собрания Ф. А. Киселев: «Я полностью согласен с выступлением т. Стародубцева, т. Емельяненко для вступления в партию еще не созрел. У т. Емельяненко антипартийные взгляды на науку. Он поддерживает идеалистическое учение в биологии Дубинина и наоборот, что есть в газетах и выступлениях Н. С. Хрущева – это для него не авторитетно, этим он возводит клевету на нашу печать. Тов. Емельяненко высокомерен, он возомнил себя великим ученым. Он старался как можно больше вытолкнуть сотрудников за границу, хотя это не всегда вызывалось необходимостью. Отчеты сотрудников, ездивших за границу, как правило, не представлялись, да их никто и не требовал. Тов. Емельяненко выступал в защиту Черненко (А. К. Черненко – ученый секретарь Президиума СО АН. – *С. Ш.*), говорил, что он незаменим, что он работает больше всех».

В ходе рассматриваемого заседания характерную реплику произнес один из работников аппарата (из отставных военных) И. Ф. Кардаш: «Тов. Емельяненко защищает идеалистическое учение Дубинина, выражает недоверие к нашей печати, ссылается на заграничные авторитеты, а также говорил, что “если бы ваш разговор о Дубинине услышал Михаил Алексеевич, он бы вас выгнал из кабинета”. <...> От приема сейчас следует воздержаться».

Эти нападки поддержал также сотрудник аппарата Президиума Н. К. Герасимов: «Все мы понимаем, что оценка в печати и выступлении т. Хрущева ученью и делам т. Дубинина даны правильные, а т. Емельяненко не согласен, он говорит, что Лысенко – одиночка, Дубинин – величина, его признают иностранные ученые. – “Вы знаете только то, что дают газеты, а своего мнения у вас нет”. В его разговоре выражено полное политическое недоверие к нашей печати».

Другой его коллега М. Л. Тарасенко высказался следующим образом: «Я в 1933 г. окончил институт, а он еще только родился, и это не его заслуга, что он сейчас так много достиг. Ученых нужно подчинять партии, таких ученых как Емельяненко нам не нужно».

Когда же слово было предоставлено «возмутителю спокойствия», А. С. Емельяненко сказал: «В отношении к Дубинину разговор шел, что он не ученый. Этого сказать нельзя, он признанный ученый. <...>

Карьеризма у меня нет, я хочу быть ученым. Я сдал кандидатский минимум. То, что я не шучу с сотрудниками, просто нет времени...».

После этого один из присутствующих В. Л. Уранов выступил в защиту «обвиняемого», в том числе подчеркнул: «Тов. Емельяненко очень положительно выступил и вел себя при разборе дела Бреусова». В данном случае имелось в виду первое в истории ННЦ политическое выступление оппозиционного характера, когда 21 мая 1960 г. на митинге коллектива Института неорганической химии, посвященном «одобрению позиции советской делегации на Парижском совещании глав великих держав», сотрудник этого института кандидат наук Олег Бреусов подверг резкой критике политику Н. С. Хрущева⁸⁷. К сожалению, данный источник не позволяет судить конкретно, какова была позиция А. С. Емельяненко в «деле» Бреусова. Симптоматична здесь определенная корреляция различных проявлений инакомыслия, зафиксированных в тот момент в Новосибирском научном центре.

Как бы то ни было, итоги обсуждения были однозначными, и в постановлении партбюро было записано следующее: «Временно от приема т. Емельяненко А. С. кандидатом в члены КПСС воздержаться»⁸⁸.

Таким образом, перед нами предстает достаточно неоднозначная ситуация: Н. П. Дубинин подвергается «наезду» сверху, кафе-

⁸⁷ Следует отметить, что 2 июня состоялось обсуждение данного инцидента на заседании комитета ВЛКСМ СО АН, – в ходе него О. Бреусов так объяснил свое поведение: «Хочу понять, а не слепо доверять». Он также подтвердил свое негативное отношение к Н. С. Хрущеву (*ГАНО*. П-1317. Оп. 1. Д. 3. Л. 64). 10 июня в ходе рассмотрения данного вопроса на закрытом партийном собрании Института неорганической химии СО АН было признано, что данное событие связано с недостаточным вниманием к воспитанию научной молодежи (*Там же*. Ф. П-5427. Оп. 1. Д. 1. Л. 92–93). В свою очередь, 5 июля бюро райкома КПСС, рассматривая вопрос «О политически вредном выступлении, допущенном на митинге в Институте неорганической химии и серьезных недостатках в подборе, расстановке и воспитании молодых научных кадров в СО АН СССР», потребовало усилить воспитательную работу с молодежью в других учреждениях СО АН и прежде всего «тщательно изучить подбор и воспитание молодых научных кадров в институтах цитологии и генетики, математики, состояние воспитательной работы среди студентов института» (*Там же*. Ф. П-269. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–5).

⁸⁸ *ГАНО*. Ф. П-5410. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–13.

дра философии СО АН критикует генетиков, а руководитель Сибирского отделения их поддерживает. Более того, выходит, что в партбюро аппарата Президиума на эти вопросы была отличная от мнения М. А. Лаврентьева точка зрения. При интерпретации этих документов, помимо прочего, можно выдвинуть гипотезу об определенном противостоянии в руководстве СО АН (возможно, между М. А. Лаврентьевым и С. А. Христиановичем) из-за ситуации вокруг ИЦиГ.

Неоднозначная ситуация сохранялась и в следующем году, что проявилось в связи со вторым визитом Н. С. Хрущева в Академгородок в марте 1961 г. При изучении этого события правомерно обратится прежде всего к мемуарам М. А. Лаврентьева. Сразу же после описания событий осени 1959 г. Михаил Алексеевич продолжает: «Два года спустя, когда Хрущев еще раз посетил Академгородок, вопрос об Институте цитологии и генетике кончился шуткой. Зайдя в сопровождении местного руководства (обкома и СО АН) в выставочный зал, он обратился ко мне с вопросом: “А где ваши вейсманисты-морганисты?”. Я ответил: “Я же математик, и кто их разберет, который вейсманист, а который морганист”. На это Хрущев реагировал шуткой: “Был такой случай. По грузинской дороге шел хохол, его остановили яро спорившие грузин и осетин и потребовали: “Рассуди нас. Что на небе – месяц или луна?”. Хохол посмотрел на одного – у него за поясом кинжал, на другого – тоже кинжал, подумал и сказал: “Я ж не тутошний”... Общий хохот, дальше все смотрели выставку в хорошем настроении»⁸⁹.

Сходным образом, но с некоторыми нюансами повествуется о событиях 1961 г. в воспоминаниях А. П. Филатова: «Первой репликой Никиты Сергеевича была шутка. Доброжелательно оглядев народ, он обратился к Лаврентьеву: “Михаил Алексеевич, куда ты дел вейсманистов-морганистов?” На что Лаврентьев ответил тоже шуткой: я, мол, плохо разбираюсь в этой науке.

В ответ Хрущев рассказал анекдот про цыгана и горца, а потом более актуальный – про очень гибкого ученого-экономиста, который защитил кандидатскую диссертацию на тему “Отсутствие закона стоимости при социализме”. А когда была опубликована рабо-

⁸⁹ *Век Лаврентьева...* С. 152.

та Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”, он защитил и докторскую: “О действии закона стоимости при социализме”»⁹⁰.

Несколько по иному выглядит тот же эпизод в цитированных воспоминаниях В. К. Шумного. Продолжая повествование о визите Н. С. Хрущева в октябре 1959 г., он говорит следующее: «В Институте гидродинамики организовали первую выставку достижений Сибирского отделения. Приготовили и мы свои экспонаты: Ю. Я. Керкис добился первых результатов по медицинской генетике, А. Н. Лутков – по полиплоидной свекле, Ю. П. Мирюта – по кукурузе, Д. К. Беляев демонстрировал первые шкурки пушных зверей с разным окрасом... Лаврентьев прежде посмотрел все сам, почесал в затылке и велел запереть стенд генетиков в отдельной комнате. Ключ забрал. Хрущев снова вспомнил о генетиках, когда вышел на митинг возле Института гидродинамики. “Ты все-таки их пригрел”, – сказал он Лаврентьеву. Тот ответил: “Я же математик и ничего в этом не понимаю”. Дед прикидывался иногда непонятливым. Хрущев после, за обедом рассказал анекдот про двух турок, подравшихся из-за луны: “Чья луна? Твоя или моя?” Обратились к хохлу, чтобы рассудил их, а он говорит: “Я не тутошний”. “И ты такой же, как тот хохол”, – сказал Хрущев Лаврентьеву. И перестал говорить о генетиках»⁹¹. Очевидно, что в приведенном тексте допущена хронологическая путаница: события 1961 г. переносятся в 1959 г.

Сохраняющаяся сложность в положении Института цитологии и генетики особенно наглядно проявлялась в отсутствии у него собственного здания на протяжении многих лет. С момента своего создания институт, наряду с другими учреждениями СО АН, располагался в доме на улице Советская 20 Центрального района г. Новосибирска. По воспоминаниям С. В. Аргутинской, в Академгородок ИЦиГ переехал в 1961 г. и расположился в пяти местах, используя площади других институтов, а также квартиры, где разместили растениеводческие лаборатории.

⁹⁰ *Филатов А. П.* Жили-прожили мы не зря. Новосибирск, 2005. С. 57–58.

⁹¹ *Шумный В. К.* Чем ответим на глобальные вызовы? // Городок. Ru. Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия: Воспоминания, размышления, проекты. Новосибирск, 2003. С. 101–102.

Правда, при описании этой ситуации названная мемуаристка, как и ряд других очевидцев рассматриваемых событий, допускает некоторые неточности. Так, она пишет: «ИЦиГ значился в числе первых институтов создающегося Академгородка. Согласно генеральному плану было выбрано место на будущем главном проспекте. Среди леса наметили площадку, вырыли котлован. “Дело сдвинулось”, – радовался ДК (Беляев – *С. III*). Но не тут-то было. Когда начались нападки на институт, когда устранили директора-организатора и институт перевели фактически на нелегальное положение, пошел слух, что предназначавшаяся ему строительная площадка передана Институту катализа».

Из приведенного выше отрывка получается, что строительную площадку отобрали после 1961 г., но при этом она говорит и о первом директоре, и о «нападках». Как мы знаем, не только площадка, но и строившийся корпус были переданы другим институтам в октябре 1959 г. одновременно со снятием Н. П. Дубинина.

Об условиях работы сотрудников института в первые годы его существования можно судить по публикации газеты «За науку в Сибири» от 13 июня 1963 г., где сообщалось: «Объединенный комитет профсоюза обсудил анализ и причины повышенной заболеваемости среди сотрудников Института цитологии и генетики. Заслушав сообщение врача М. Н. Долговой и объяснения зам. директора Р. И. Салганика, объединенный комитет профсоюза отметил, что наибольший удельный вес в институте имеют простудные инфекционные заболевания. Одной из основных причин повышенной заболеваемости в институте является скученность в рабочих помещениях, что создает условия для заражаемости. Имеется ряд серьезных нарушений санитарных норм и техники безопасности, не соблюдается график отпусков. Прием сотрудников на работу проводится без предварительного медицинского осмотра. Следует, однако, отметить, что далее в публикации сообщалось: «... директор Института цитологии и генетики т. Беляев приказом от 7 мая предложил всем заведующим лабораториями принять срочные меры по ликвидации нарушения санитарных норм, техники безопасности и строгого выполнения графика отпусков».

В неоднократно упоминавшихся воспоминаниях С. В. Аргутинской в качестве важной вехи в борьбе института за «свой дом» отмечаются события 1961 г. Она пишет: «Во время посещения Академго-

родка в 1961 г. Президентом АН СССР М. В. Келдышем состоялось общее собрание тогда еще немногочисленного Сибирского отделения АН СССР⁹². Происходило это в Институте геологии. Выступил М. В. Келдыш, затем М. А. Лаврентьев <...>. Вдруг, смотрю, на трибуне стоит ДК. Нужна была отчаянная смелость, чтобы выступить на таком ответственном заседании молодому директору – кандидату наук, но за ним стоял институт, законспирированный и обездоленный. Совсем недавно уже готовый фундамент здания, предназначавшегося ИЦиГ, был все-таки отдан Институту катализа».

Во-первых, здание было передано Институту органической химии, в то время как Институт катализа получил лишь часть строительной площадки. Во-вторых, опять искажается хронология, так как описываемое заседание состоялось в сентябре 1961 г., а строящееся здание отняли почти за два года до этого. Поэтому словосочетание «совсем недавно» здесь неуместно. Кроме того, не факт, что Д. К. Беляев выступил по своей инициативе, не имея поддержки М. А. Лаврентьева.

Вспоминая выступление Дмитрия Константиновича, С. В. Аргутинская указывает, что оно «звучало довольно агрессивно: “Не идет дело, не строят институт, нужно помочь!”»⁹³. Стенограмма заседания вполне подтверждает эту версию. Д. К. Беляев говорил: «Товарищи, я не имел намерения выступать, но президент побудил меня к этому <...>. Я, как руководитель института, не могу быть удовлетворен тем положением со строительством института, которое мы имели до сих пор, и какое вырисовывается из доклада Б. В. Белянина (заместитель председателя СО АН по производственным и техническим вопросам – *С. III*). Я должен доложить сейчас Президиуму, что те перспективы, которые нарисовал Б. В. Белянин, со строительством института, они не только определяют невозможность какого-либо развития дальнейших исследований в институте, но, наоборот, обрекают на свертывание тот задел и те направления, которые сейчас в институте развиваются. Ибо то, что сделано в институте ни в коей

⁹² Здесь ошибка. Описываемые в воспоминаниях события происходили на заседании Президиума АН СССР, а не на общем собрании Сибирского отделения.

⁹³ *Аргутинская С. В.* Указ. соч. // Дмитрий Константинович Беляев... С. 35–36.

мере не может развиваться в тех условиях и на той базе, которая сейчас имеется».

Далее директор ИЦиГ подчеркнул: «Я чувствую, что сейчас появилась тенденция разместить наш институт в значительной мере в городе. Конечно, это лучше, чем никак его не разместить, но однако это все-таки не решение вопроса. Такое размещение не даст возможности институту работать нормально, потому что институт всеми корнями связан с городком, с землей, с необходимостью пользоваться подсобными помещениями, опираться на экспериментальную базу, которая здесь имеется. Это предопределяет положение института как института городка. Мне не ясно, почему Борис Владимирович назвал окончание строительства института не 1962 год, а 1964-й год. Это совершенно не ясно. Я должен сказать, что генетика, в частности, те ее направления, которые развиваются в нашем институте, дают возможность уже в течении короткого времени получить очень существенные теоретические и практические результаты. Причем, для этого нам не нужно делать больших усилий, как, скажем, для института ядерной физики, для того, чтобы эти темы были реализованы»⁹⁴.

Возможно, данное выступление действительно сыграло определенную роль в решении строительного вопроса. Как бы то ни было, в 1964 г. Институт цитологии и генетики получил собственное здание. Распространена версия, что генетики «вселялись» в спешном порядке, опасаясь, что здание отнимут. Например, С. В. Аргутинская свидетельствует: «ДК дал команду переезжать без торжественных слов и перерезания ленточки, явочным порядком. Переехали, быстренько навели порядок. <...> И только после этого Д. К. доложил о переезде М. А. Лаврентьеву: опасался, что опять отнимут здание. Михаил Алексеевич сначала удивился, а потом сказал: “Правильно!”. Симптоматично, что буквально через абзац она пишет: «Во всех своих делах ДК чувствовал поддержку М. А. Лаврентьева»⁹⁵. Возникает закономерный вопрос: если Д. К. Беляев чувствовал поддержку Михаила Алексеевича, то почему он доложил о переезде только после его завершения?

Косвенным выражением противостояния различных направлений в биологии, возможно, стали некоторые конфликтные ситуации

⁹⁴ *НАСО*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 182. Л. 81–82.

⁹⁵ *Аргутинская С. В.* Указ. соч. // Дмитрий Константинович Беляев... С. 37.

в молодом сообществе генетиков. Так, в 1961 г. от партийного бюро Института цитологии и генетики поступила жалоба в Новосибирский обком КПСС, партком СО АН, а также в партийную организацию Центрального сибирского ботанического сада. В ней, в частности, указывалось: «В последнее время заведующий лабораторией цитологии и апомиксиса Центрального сибирского ботанического сада СО АН СССР проф. Д. Ф. Петров предпринял ряд акций, направленных против Института цитологии и генетики СО АН СССР; в устных и письменных заявлениях проф. Д. Ф. Петров пытается компрометировать сотрудников института и их научные достижения, пытается преуменьшить практическую значимость результатов, полученных институтом». В документе раскрывалось «истинное лицо проф. Д. Ф. Петрова». По мнению автора данного документа, секретаря партийной организации ИЦиГ Р. И. Салганика, данный ученый «является представителем той очень немногочисленной группы генетиков, которые выступают против работ академика Т. Д. Лысенко и его школы не столько с позиций научной критики, сколько с позиций огульного охаивания всего, что сделано школой академика Т. Д. Лысенко, при этом он выступал не за экспериментальное решение спорных вопросов, а за администрирование в науке».

Далее Р. И. Салганик подчеркнул: «Во всех своих научных работах, особенно в работах последних лет, он выступал активным защитником и пропагандистом генной теории наследственности и всех основных положений классической генетики. <...> Д. Ф. Петров пытается создать представление о том, что у него имеются принципиальные научные расхождения с Н. П. Дубининым. Фактически же это ложь, в научных взглядах на проблему наследственности Д. Ф. Петров и Н. П. Дубинин единомышленники». Далее в документе указывается, что «в настоящее время Д. Ф. Петров обливает грязью и Н. П. Дубинина»⁹⁶.

⁹⁶ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–3. Стоит отметить, что утверждение о критике Д. Ф. Петровым Н. П. Дубинина действительно подтверждается документами. В нашем исследовании уже приводились материалы Ученого совета Института цитологии и генетики, который состоялся 14 января 1959 г. На данном заседании Д. Ф. Петров весьма критично высказался в адрес Н. П. Дубинина. В целом его выступление носило достаточно острый характер и шло вразрез с общей линией выступавших.

В послании поведение Д. Ф. Петрова объясняется следующим образом: «Дело в том, что Петров начинал свою деятельность в Сибирском отделении, как сотрудник Института цитологии и генетики, куда он был приглашен Н. П. Дубининым, бывшим тогда директором института. Однако в коллективе он проявил себя как склочник, интриган и карьерист. С первых же дней появления в институте он требовал, чтобы его выдвинули в члены-корреспонденты АН СССР»⁹⁷.

⁹⁷ Там же. Л. 3. Характерно, что поведение Д. Ф. Петрова рассматривалось на заседании Бюро Президиума СО АН от 21 мая 1963 г. В частности, директор Центрального сибирского ботанического сада К. А. Соболевская сообщила: «Я уже не говорю о таких вещах, когда Петров позволяет себе за заместителем директора по науке гоняться по кабинету. Я заявляю совершенно серьезно, что я боюсь оставаться с ним в кабинете. Ни одного моего распоряжения и приказа Дмитрий Федорович не выполнил» (*НАСО*. Ф. 10. Оп. 3. Д. 346. Л. 226). В негативном контексте упоминался Д. Ф. Петров также на партийном собрании СО АН по итогам июньского пленума ЦК КПСС 1963 г. Секретарь парткома Сибирского отделения Г. С. Мигиренко, говоря в своем докладе о конфликтных ситуациях в ряде институтов, в том числе отметил: «Несколько лет не удается привлечь к обычной деятельности профессора Петрова Д. Ф., который дошел даже до того, что участвовал в драке со своим сотрудником Владимировым, не ужился в Институте цитологии и генетики, в Ботаническом саду». См.: *За науку* в Сибири. 1963. 15 июля.

Дополнительные материалы для понимания сложившейся конфликтной ситуации дают упоминавшиеся мемуары Р. А. Цильке. Он, повествуя о своей встрече с П. К. Шкварниковым, проходившей, судя по контексту, в 1966 г. в ИЦиГ, пишет так: «Во время этой встречи в кабинете появился профессор Д. Ф. Петров. Узнав меня, он демонстративно поздоровался с Петром Климентьевичем, показывая всем видом, что не знает меня. Шкварников, не имея понятия о нашем раннем знакомстве, поспешил представить меня Дмитрию Федоровичу. Но гость с явным недовольством, не глядя на меня, выпалил: “Мы знакомы с молодым человеком, но по странному стечению обстоятельств нам суждено было прервать наши отношения”. Профессор быстро попрощался с хозяином и ушел. Мне было невдомек, зачем нужно было солидному человеку разыгрывать этот спектакль. <...> Я в нескольких словах объяснил недоуменному П. К. причины поведения Петрова. Он махнул рукой и сказал: “Это в его манере, не обращайтесь внимания”» (*Цильке Р. А.* Указ. соч. С. 159–160). Вместе с тем свидетельство Регинальда Александровича вызывает некоторые сомнения, так как Д. Ф. Петров, на момент 1966 г., уже несколько лет не работал в ИЦиГ и, как известно, конфликтовал с его сотрудниками. Поэтому непонятно, что он делал в институте.

Определенные симптомы продолжающегося противостояния с «лысенковщиной» обнаруживаются и в последующие годы. Так, на заседании Ученого совета института 18 мая 1962 г., Н. А. Плохинский поставил под сомнение одно из утверждений Т. Д. Лысенко. Он начал с того, что зачитал высказывание Трофима Денисовича о джерсеизации крупного рогатого скота с целью получения новых пород, имеющих повышенное содержание жира в молоке. После этого названный сотрудник института заявил: «Наши исследования показали, что в результате джерсеизации происходит усиление пределов разнообразия показателей (% жира, удоя и живого веса). Особенно сильно падает живой вес (на 102 кг). % Жира повышается (на 0,2%), молочный жир понижается (на 0,2%). Массовое использование джерсеев может привести к повышению жира в молоке и к резкому уменьшению живого веса. Это приведет к измельчанию скота»⁹⁸.

В какой-то мере о сохранении непростой ситуации свидетельствуют материалы открытого партийного собрания СО АН от 14 июня 1962 г. Оно было посвящено очередной идеологической кампании – «борьбе за достижение советской наукой мирового приоритета». Докладчик, секретарь парткома СО АН Г. С. Мигиренко, коснувшись вопросов биологии, подчеркнул: «Много лет в области теоретической биологии существует тяжелое положение и из этого тяжелого положения надо выходить. Сибирское отделение обладает всеми возможностями для того, чтобы из этого положения как можно быстрее выйти».

Далее он в качестве важнейшего недостатка биологических исследований отметил их недостаточное внедрение в практику: «У нас имеется связь трех биологических институтов с 12-ю передовиками сельского хозяйства. Когда посмотрите эту связь поглубже, то увидите, что она платоническая: послали семена когда-то, один

Судя по всем вышеприведенным документам, вопрос о личности и деятельности Д. Ф. Петрова становится понятным. В то же время, характеризуя деятельность Д. Ф. Петрова, следует учитывать, что в 1964 г. он, будучи заведующим лабораторией Биологического института СО АН, был выдвинут в члены-корреспонденты по Отделению общей биологии (См.: *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 55. Д. 85. Л. 227. Справка о зарегистрированных кандидатах в академики и члены-корреспонденты АН СССР на 1 июня 1964 г.).

⁹⁸ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 83. Л. 58.

раз заехали к передовику, поговорили, он посеял семена, а как они взошли, – не знаем, переписка не налажена. <...> Когда наши журналисты приходят к передовику Карасикову, кукурузоводу, и спрашивают: скажите, чьи семена посеяны, скажем, семена Сибирского отделения Вы посеяли? И он не смог ответить, хотя эти семена им были посеяны»⁹⁹.

Нельзя оставить без внимания еще одно знаковое событие из жизни Академгородка тех лет, – заседание дискуссионного клуба «Комсомольской правды» на тему «Я и время», состоявшееся 30 ноября 1962 г. в Институте геологии и геофизики. Ряд участников диспута вышел за рамки обозначенной темы «Знания и нравственность» и затронули проблемы внутренней и внешней политики страны.

«Гвоздем» дискуссии стала речь студента-химика НГУ Ю. В. Никоро (сына З. С. Никоро), который утверждал, что в новой Программе КПСС имеет место недооценка роли математических методов в естественных науках. Более того, он подверг критике лично Н. С. Хрущева за его заявление в 1955 г. о том, что в СССР выведены хорошие гибриды кукурузы. Студент-химик познакомился с публикацией Н. П. Дубинина и двух его соавторов в «Ботаническом журнале», согласно которой лучшие отечественные гибриды фактически являлись плагиатом с американской разработки. Кроме того, Ю. В. Никоро выступил в защиту группы молодых сотрудников Института неорганической химии (упоминавшийся О. Бреусов и др.), уволенных в 1960 г. из института за инакомыслие.

Выступление студента-химика имело значительный общественно-политический резонанс, вызвало негативную реакцию партийных и комсомольских органов, обсуждалось на различных конференциях, активах и заседаниях¹⁰⁰. Нас же, в свою очередь, интересу-

⁹⁹ ГАНО. Ф. П-384. Оп. 1. Д. 19. Л. 15, 28, 29. Необходимо иметь в виду, что по некоторым сведениям, секретарь парткома СО АН Г. С. Мигиренко принимал непосредственное участие в защите генетиков. В частности, как сообщил акад. В. К. Шумный в беседе с автором, именно через секретаря парткома СО АН передавались соответствующие письма сотрудников ИЦиГ в ЦК КПСС.

¹⁰⁰ Борзенков А. Г. Политизированная аналитическая и дискуссионная деятельность молодежи на востоке России: возможности и пределы студенческой самодеятельности (1961–1991 гг.) // Вестник НГУ. Серия: История, фи-

ет не столько сам этот инцидент, сколько возможность проследить в данной ситуации связь генетиков с общественно-политической жизнью новосибирского Академгородка. Маловероятно, чтобы студент самостоятельно проанализировал и сопоставил заявления Н. С. Хрущева и статью Н. П. Дубинина и его коллег. Удивляет его осведомленность в деле группы молодых ученых Института неорганической химии.

Характерно, что, сравнивая стили поведения Ю. В. Никоро и его матери, мы обнаруживаем немало общего. Так, речь студента Ю. В. Никоро была выделена из остальных выступлений, во многом из-за нее история с диспутом получила огласку. При этом другие выступления также содержали весьма острые утверждения, но именно высказывания студента-химика были отмечены особо. Аналогичную картину мы наблюдаем в отношении З. С. Никоро. В нашей работе уже рассматривалось отличавшееся от всех остальных выступление Зои Софроньевны на заседании Ученого совета института от 23 ноября 1959 г., на котором обсуждалось коллективное письмо в ЦК КПСС. Она не оставалась без внимания со стороны партийных инстанций, так как была отмечена особо и в справке Новосибирского обкома КПСС «О серьезных недостатках в комплектовании кадрами Института цитологии и генетики СО АН СССР» в 1959 г., и в материалах комиссии парткома СО АН в 1961 г. Весьма показательно и то, что Л. Г. Берг в своих мемуарах лестно отзывается о З. С. Никоро. Кроме того, Раиса Львовна приводит в своей работе «Суховой» фрагменты разного рода заседаний, на которых порой звучали весьма «ключие» высказывания З. С. Никоро¹⁰¹.

Весьма характерен и образ, оставленный З. С. Никоро в памяти некоторых сотрудников ИЦиГ. В его рамках она предстает как «наиболее пострадавшая», «довольно непримиримая», имевшая «внешний облик народоволки». Более того, З. С. Никоро «кури-

лология. Т. 1. Новосибирск, 2003, вып. 3: История. С. 71, 72. Что касается обсуждения поступка Ю. В. Никоро, то здесь представляется целесообразным представить позицию секретаря партбюро НГУ Н. Я. Гущина, озвученную в ходе заседания партбюро 12 декабря 1962 г.: «Студент Никоро в своем выступлении на диспуте возвел клевету на советское правительство, на главу партии и государства» (ГАНО. Ф. П-5419. Оп. 1. Д. 2. Л. 90).

¹⁰¹ Берг Р. Л. Указ. соч. С. 285, 286, 290, 342.

ла, чуть ли не махорку», была «экстремистка» и «критично выступала»¹⁰².

Говоря о ситуации в Институте цитологии и генетики в конце «оттепели», следует напомнить, что осень 1963 г. была отмечена неурожаем, вызванным засухой, что усугубило и без того непростое положение с продовольствием, возникли перебои с хлебом. Все это получило резонанс на заседании Ученого совета ИЦиГ 14 января 1964 г., посвященном состоянию в институте движения за «коммунистический труд». Суждения участников заседания звучали в официальном духе, что особенно ярко проявилось в выступлении М. Д. Голубовского: «... Научный труд в полном его выражении уже является трудом коммунистическим. В успехе движения за коммунистический труд особое значение должен приобрести элемент контроля и качества самого руководителя».

Резким диссонансом на этом фоне прозвучало выступление З. С. Никоро: «У нас в стране создалось тяжелое – я сказала бы позорное и безобразное положение с хлебом для людей и кормами для животных. И в этом виноваты мы, ученые. Виноваты, прежде всего, в том, что допустили ликвидацию паров, распаивание пойменных лугов и т.д. Мы должны были бы говорить в свое время об ошибочности этих мероприятий. Никита Сергеевич Хрущев в беседе с академиком Власюком говорил о принципиальности ученых, о честности в научной работе и научных воззрениях. Но мы об этом не говорим, хотя должны быть честными и принципиальными в крупных вопросах, от правильного решения которых зависит благо нашей родины. Надо быть смелыми, честными и принципиальными и не бояться больших и острых вопросов. Вот если мы будем такими, тогда движение за коммунистический труд будет успешным».

Хотя данное выступление было встречено аплодисментами, целый ряд участников заседания попытались смягчить ситуацию. Так, О. И. Майстренко сказала: «Я не могу сейчас аплодировать Зое Софроньевне, так как считаю, что в наших трудностях сейчас виноваты не распашка паров и пойменных лугов. Мы на основании наших научных результатов не можем дать оценку – правильно или неправильно было решение о распашке паров и лугов, так как мы не работаем в данной области, не являемся специалистами, и, кроме того,

разве мы сами не были свидетелями жесточайшей засухи на наших полях – такая засуха бывает раз в 70 лет, и она была по всей стране. Поэтому мы просто не имеем никакого права давать здесь оценку правильности или неправильности решения о ликвидации паров и распашки лугов, мы не имеем на это никаких данных».

В свою очередь, П. К. Шкварников заявил: «Я также не согласен с оценкой положения в стране, которую высказала Зоя Софроньевна; дело вовсе не в распашке паров; у нас партия и правительство принимают все меры для улучшения положения с сельских хозяйством, о чем говорят пленумы ЦК КПСС». Р. И. Салганик подчеркнул: «Я поддерживаю призыв З. С. Никоро быть принципиальным и выступать с обсуждением тех вопросов, где мы знаем и можем принести пользу. Но я категорически против, той оценки, какую дает З. С. Никоро положению в стране и причин породивших это положение. Здесь она ошибается».

Больше всего Зое Софроньевне «досталось» от директора института Д. К. Беляева, который сказал: «Выступление З. С. Никоро я считаю глубоко ошибочным и неверным. Прибегать к таким терминам, как “безобразное” и “позорное” в оценке положения в сельском хозяйстве в настоящее время – совершенно неверно и безответственно. Не Вы, Зоя Софроньевна, первая нам говорите о тяжелом положении в сельском хозяйстве – об этом мы знаем из материалов пленумов ЦК КПСС. Вы не имеете никакого права об этом говорить, так как не располагаете никакими материалами, не “анализировали” положение по всей стране, не работаете, да и никогда не работали в сельском хозяйстве, не являетесь специалистом – поэтому ответственно говорить об этих материалах Вы не имеете никакого права. Так что же это за безответственное выступление, может быть рассчитанное на то, чтобы “сорвать аплодисменты”? Высокая гражданственность ученого – состоит в том, чтобы с фактами в руках, на строго научном материале говорить о работе, о недостатках и промахах – иначе, без такого основания, все выступления будут носить демагогический характер. Вот если бы Вы были принципиальной и проявляли бы гражданственность в своих делах, то не положили бы в Министерстве под сукно свои предложения, а помнили бы о них и сделали бы все, чтобы внести и свой вклад в развитие сельского хозяйства страны»¹⁰³.

¹⁰² ЛАА. Запись беседы с О. Л. Серовым от 14 ноября 2006 г.

¹⁰³ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 128. Л. 7–12.

Решение Ученого совета не содержало никаких критических слов в адрес З. С. Никоро. По иному обстояло дело на расширенном заседании партийного бюро института 17 января 1964 г., полностью посвященном данному выступлению. Принятое по его результатам постановление гласило:

«1. Осудить выступление З. С. Никоро на Ученом совете института 14 января 1964 года, считать его ошибочным не только политически, но и по существу неверным и недостойным ученого, обязанного исходить в своих положениях из точных данных и фактов, основанных на глубоком знании существа процесса.

Принять к сведению, что З. С. Никоро не хотела, ни в какой мере обвинить Партию и Правительство в тяжелом положении, сложившемся в сельском хозяйстве.

2. Партбюро считает необходимым обратить внимание З. С. Никоро, что ее служебное положение как заведующей лабораторией и вытекающая из этого обязанность правильно воспитывать и обучать молодые кадры, требуют от нее очень строго и ответственно относиться к своим выступлениям. К этому ее особенно обязывает авторитет, которым она как ученый и человек пользуется среди молодежи нашего Института»¹⁰⁴.

Как уже отмечалось, описание данной ситуации присутствует в мемуарах Р. Л. Берг. Правда, Раиса Львовна допускает некоторые неточности, – так, она пишет: «Еще в 1963 году, до снятия Хрущева, она на заседании, когда было предложено создавать бригады коммунистического труда, сказала, что мы не достойны высокого звания, что вот в стране голод, хлеба не хватает, причина – невежественное планирование сельского хозяйства, а мы – специалисты по сельскому хозяйству – молчим. Зная, что делаются явные ошибки, мы даже не пытаемся их исправить». Как видим, в приведенном фрагменте указана неверная дата.

Далее Р. Л. Берг пишет: «Она говорила, зал, ну не весь, а три четверти может быть, аплодировали. И тогда выскочил на трибуну Д. К. Беляев и говорил все, что ему было бы предложено говорить, имей он время проконсультироваться в райкоме. Слова “демагогическое выступление с целью сорвать аплодисменты” фигурировали в его

выступлении. Он очень красивый, сухой, шея у него не толстая, скорее тонкая, и она дергалась в нервном тике, от угла рта к ключице».

Что касается аплодисментов, то здесь следует привести высказывания ряда сотрудников ИЦиГ, прозвучавших на заседании партийного бюро. Так, Н. Б. Христюкова сказала: «Наша молодежь не такая уж незрелая. Многие молодые товарищи жалели что аплодировали, когда поняли о чем т. Никоро говорила». Р. П. Мартынова отметила: «Наша молодежь хорошая и упрекать ее не к чему, она аплодировала не ошибочному утверждению т. Никоро, а только страстности выступления». З. И. Бандура высказался так: «Молодежь аплодировала за призыв к принципиальности, а не за обвинение руководства в ошибках»¹⁰⁵.

Продолжая свое повествование, Раиса Львовна свидетельствует: «А после этого Зою Софроньевну «прорабатывали». И Ю. П. Мирюта – сотрудник института, член партии, знавший Зою Софроньевну по Горьковскому университету, где они вместе работали и откуда ее выгнали в 1948 году, – сказал, что он всегда считал ее вредителем, человеком безнравственным. Знают ли присутствующие, что она по вечерам в ресторане на рояле играла? – А она действительно играла, и это был единственный заработок, после того, как её выгнали. А у нее трое своих детей было и еще сколько-то приемных».

Стенограмма свидетельствует, что Ю. П. Мирюта выступил достаточно резко, но не до такой степени. Он не упоминал о том, что З. С. Никоро была одно время музыкальным работником.

Затем Р. Л. Берг пишет: «Но тут присутствующие забыли о своем партийном долге заниматься перевоспитанием Зои Софроньевны, набросились на Мирюту, и ему не поздоровилось. Тем это позорище и кончилось»¹⁰⁶.

Данное утверждение верно, так как Ю. П. Мирюта был подвергнут критике со стороны других участников заседания, и был осужден итоговым постановлением партбюро.

На примере З. С. Никоро особенно ярко прослеживается, как изменилась судьба генетики и ее конкретных представителей после смещения Н. С. Хрущева. Так, 8 марта 1965 г. газета «За науку в Си-

¹⁰⁴ ГАНУ. Ф. П-5434. Оп. 1. Д. 4. Л. 68–69.

¹⁰⁵ Там же. Л. 59, 60.

¹⁰⁶ Берг Р. Л. Указ. соч. С. 286.

бири» опубликовала заметку Ю. Я. Керкиса «Щедрое сердце», которая была посвящена Зое Софроньевне. В ней сообщалось: «Зоя Софроньевна Никоро работает в Институте цитологии и генетики с первых дней его основания. Когда в 1958 году она пришла в институт, у нее за плечами уже был долгий тернистый путь служения науке. Ученица известного советского генетика С. С. Четверикова, она работала по теоретическим вопросам популяционной генетики. В начале 30-х годов Зоя Софроньевна принимала непосредственное участие в коллективной работе по генетическому анализу природных популяций. Эти работы, которыми руководил чл.-корр. АН СССР Н. П. Дубинин, принесли заслуженную славу нашей науке и получили всемирное признание».

В публикации освещалась разносторонняя деятельность З. С. Никоро: «Сейчас Зоя Софроньевна руководит лабораторией теоретических основ селекции животных, но ее деятельность далеко выходит за рамки лаборатории и института. Она несет генетические и биометрические знания селекционерам, устанавливает контакты между сотрудниками животноводческих и селекционных станций и математиками, ведет большую педагогическую работу в Новосибирском университете и физматшколе».

Принимая во внимание рассмотренные выше выступления названного ученого, показательно и то, что среди лестных эпитетов, завершавших публикацию, утверждалось: «Молодежь, да и не одна молодежь, видит в Зое Софроньевне пример для подражания».

Между тем к концу хрущевского правления общественно-политический контекст развития генетики заметно менялся: позиции Т. Д. Лысенко постепенно ослабевали, так как несостоятельность всех его рекомендаций и обещаний становилась все более очевидной. 26 октября 1964 г. Президент АН СССР М. В. Келдыш направил в ЦК КПСС письмо, в котором, в частности, отмечалось: «В связи с тем, что в развитии ряда направлений биологической науки в Советском Союзе имеются серьезные недостатки, Президиум Академии наук СССР намечает обсудить в Академии наук СССР в декабре 1964 г. – январе 1965 г. совместно с представителями сельскохозяйственной и медицинской науки, научными работниками высших учебных заведений вопрос о современном состоянии биологической науки и перспективах ее развития в ближайшее

время. Президиум Академии наук СССР предлагает подготовить и представить для обсуждения доклад, содержащий оценку основных направлений развития современной мировой биологической науки, состояние биологии и ее отдельных направлений в СССР. <...> В докладе особо будут отмечены те области биологической науки, которые, в силу различных причин, не получили в нашей стране должного развития»¹⁰⁷.

В порядке реакции на это письмо в Идеологическом отделе ЦК КПСС была подготовлена справка, где подчеркивалось: «Намечаемое Академией наук СССР междуведомственное обсуждение вопросов биологической науки явится важным мероприятием по выполнению указанных поручений ЦК КПСС и Совета Министров (имеется в виду постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки, укреплению ее связи с практикой» от 9 января 1963 г. – С. Ш.)»¹⁰⁸.

Симптоматичное событие произошло 19 декабря 1964 г., когда в радиоэфир была выпущена передача «О некоторых проблемах современной биологии». Интервью давал директор Института истории естествознания член-корр. АН СССР Б. М. Кедров. Он начал свое выступление так: «Мне хочется высказать свое сугубо личное мнение по поводу споров, которые развернулись вокруг биологии в нашей стране. Сделать это не так легко, как может иногда показаться с первого взгляда, тем более что я не биолог, а химик-философ. Но все же попробую».

Далее он подробно излагал суть различных биологических вопросов, делая исторические экскурсы. Но затем он буквально обрушился с критикой на Т. Д. Лысенко. Приведем один из таких фрагментов: «Теперь представьте себе следующую картину: когда развитие науки стало успешно двигаться вперед по отмеченному пути, вдруг является человек, не понимающий того, что происходит в современной биологии, и заявляет: все это идеализм и мистика, схоластика и метафизика, а потому несовместимо с диалектическим материализмом! Представьте далее, что после таких заявлений этот человек по-

¹⁰⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 91. Л. 101.

¹⁰⁸ Там же. Л. 103. Документ был подписан зам. зав. Идеологическим отделом Н. Красновым и зав. сектором А. Мониным и датирован 9 ноября 1964 г.

лучает право и силу для того, чтобы тормозить и даже ликвидировать негодные ему научные направления в биологии и насаждать свои собственные взгляды. Такой человек в нашей стране был и есть: это – академик Трофим Денисович Лысенко».

В завершении своего выступления Б. М. Кедров перешел к оценке современного состояния биологии в стране: «О том, насколько неблагоприятным было у нас положение в биологической науке, можно судить по многочисленным статьям, выступлениям, письмам, репликам, которые вот уже более месяца появляются в нашей печати. Публикуемые материалы свидетельствуют о том, как долго и какими неправильными способами сдерживалась творческая мысль в области биологической науки».

Автор предложил и своего рода «рецепт» решения насущных проблем в биологии: «Как мне кажется, сейчас в области биологической науки встает двуединая задача. Во-первых, критическая, негативная – расчистить от словесного мусора путь для развития всех без исключения прогрессивных течений в биологии <...>. И второе <...> осуществлять теоретический синтез результатов, полученных представителями самых различных школ и направлений в биологии с тем, чтобы создать единую современную биологическую теорию»¹⁰⁹.

В нашем распоряжении имеется ряд документов, красноречиво свидетельствующий о весьма быстром изменении ситуации в биологии после отставки Н. С. Хрущева, что говорит о назревшем характере этой трансформации. Так, в постановлении Президиума АН «О развитии в Академии наук СССР научно-исследовательских работ в области генетики» от 25 декабря 1964 г. отмечалось: «За последние годы в Академии наук СССР и в академиях наук союзных республик значительно расширены исследования глубинных процессов жизненных явлений на молекулярном уровне с использованием средств химии, физики, математики и электроники. Организован ряд новых научных учреждений: Институт цитологии и генетики СО АН СССР, Институт цитологии АН, Институт радиационной и физико-химической биологии АН СССР».

¹⁰⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 91. Л. 116–127. Текст выступления был передан секретарю ЦК КПСС Л. Ф. Ильичеву по его личной просьбе (*Там же*. Л. 115).

Как видим, ИЦиГ при перечислении новых институтов был поставлен на первое место, что само по себе уже показательно. Немаловажно и то, что постановление предписывало организовать Институт общей генетики, а в оргкомитет по подготовке предложений вошел бывший некогда в опале Н. П. Дубинин. Кроме того, в постановлении значилось: «Считать целесообразным организацию журнала “Генетика” <...>. Поручить редакционно-издательскому совету АН СССР <...> в двухнедельный срок подготовить предложения об издании серии монографических трудов по генетике <...>. Считать целесообразным организацию Всесоюзного общества генетиков и селекционеров»¹¹⁰.

Более остро ситуация в биологической науке была охарактеризована в письме акад. М. В. Келдыша в ЦК КПСС, которое датируется 20 января 1965 г.: «Многие члены Академии наук СССР проявляют беспокойство о развитии биологической науки у нас в стране и считают необходимым принять нужные меры для преодоления тех препятствий, которые долгое время задерживали нормальное развитие ряда важных областей биологии, в особенности генетики. <...> Ряд членов Академии наук настаивает на том, чтобы на общем собрании была высказана точка зрения президента о положении в биологической науке и оценка, в связи с этим, деятельности академика Т. Д. Лысенко. Считаю целесообразным это сделать, так как в противном случае критика деятельности академика Лысенко на общем собрании поднимется стихийно и может вылиться в нежелательные формы».

Далее прилагался текст проекта вступительной речи, где анализировались достижения советской биологической науки, указывались проблемы, а также резкой критике была подвергнута деятельность Т. Д. Лысенко. В частности, утверждалось: «Однако уровень и размах работ по ряду современных направлений биологии и, в первую очередь, в области молекулярной биологии и генетики, сильно отстают от мирового уровня. С другой стороны, в течении последних десятилетий у нас задерживалось практическое использование ряда крупнейших завоеваний советской науки, в частности, достижений агрохимии и ряда достижений генетики.

¹¹⁰ *Там же*. Д. 134. Л. 8–17.

Это явилось следствием монопольного положения группы ученых, возглавляемых академиком Т. Д. Лысенко, отрицавшей ряд важнейших направлений биологической науки и внедрявших свои точки зрения, часто не соответствующие современному уровню науки и экспериментальным фактам».

Кроме того, в тексте выступления содержится позитивный отзыв об ИЦиГ, который впоследствии был озвучен на общем собрании АН: «В нашей стране был создан ряд крупных научных учреждений, исследования которых были направлены на разработку коренных проблем биологии. В частности, к ним относится Институт цитологии и генетики Сибирского отделения».

Уже 26 января 1965 г. Идеологическим отделом ЦК был подготовлен документ с пометкой «срочно», где значилось: «Предложение т. Келдыша М. В. поддерживаем». Кроме того, было отмечено: «Считаем возможным разрешить т. Келдышу сообщить общему собранию АН СССР, что Министерству сельского хозяйства СССР поручено провести в ближайшее время сессию ВАСХНИЛ, на которой имеется в виду рассмотреть вопрос об укреплении руководства ВАСХНИЛ и наметить мероприятия по дальнейшему развитию сельскохозяйственной науки в стране»¹¹¹.

Возвращаясь непосредственно к Институту цитологии и генетики, надо сказать, что рассматриваемые перемены прежде всего сказались на статусе его директора. Как известно, Д. К. Беляев более пяти лет являлся исполняющим обязанности, но на общем собрании АН в феврале 1965 г. он, наконец, был утвержден в должности. Стоит отметить, что это решение было принято единогласно¹¹².

¹¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 134. Л. 99–105. В этой связи встает вопрос и о личной позиции Президента АН СССР. Как вспоминал акад. В. А. Кириллин, в начале 1960-х гг. М. В. Келдыш признался ему, что желал бы «успеть до конца жизни, во-первых, навести порядок в биологии, а во-вторых, построить здание Президиума Академии наук. Построить здание он не успел, а что касается наведения порядка в биологии, то он это успешно решил. Для этого он проделал большую работу. В этом деле активно сотрудничал не только с биологами академиками В. А. Энгельгардтом, Н. М. Сисакианом и многими другими, но и с такими учеными, как академики П. Л. Капица, Н. Н. Семенов» (Курапова Е. Р. Сисакиан продолжается... М., 2008. С. 31).

¹¹² АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 151. Л. 28.

События 1964–1965 гг. получили оперативный отклик в Сибири. Так, 14 декабря 1964 г. газета «За науку в Сибири» поместила обширный материал «Методологические вопросы современной биологии», где сообщалось: «3 декабря в Институте математики состоялось совместное занятие философского семинара отдела кибернетики, математической экономики и дискретного анализа на тему: “Методологические вопросы современной биологии”. В обсуждении приняли участие сотрудники Института цитологии и генетики. Сегодня в газете печатаются сокращенные изложения некоторых выступлений и комментарии редакции».

Одним из выступавших на этом семинаре был член-корр. А. А. Ляпунов, речь которого была опубликована под заголовком «За единство предмета и метода». Он, в частности, сказал: «В настоящее время устранены обстоятельства, которые долгое время мешали нормальному развитию биологии. До недавнего времени в силу необходимости методологические усилия в сфере биологии приходилось направлять на борьбу за развитие новых передовых областей биологии, в первую очередь – генетики. Сейчас всеми признано, что необходимо разрабатывать такие области, как генетика, цитология, биохимия. Возникла новая важная область – молекулярная биология. Химия и физика позволили более глубоко проникнуть в клетку. Они привели к целому ряду крупных и неожиданных открытий».

Директор Института цитологии и генетики также принял участие в работе философского семинара. В его выступлении, названном газетой «Трудности созидания», отмечалось: «Долгое время на развитие биологии отрицательно влияло административное вмешательство. Например, как только не ругали генетику – это и идеализм, и буржуазная лженаука и т.д. Сейчас это отошло в прошлое. <...> Не обладая достаточно гибкой научной методологией, не понимая диалектико-материалистического содержания предмета и идей генетики, некоторые деятели произвольно приписали идеализм и метафизику тем, кто вторгся в мир новых явлений, пользовался новыми методами исследования. Годы войны с такими представлениями прошли».

Давая редакционный комментарий по поводу рассматриваемого обсуждения, газета подчеркнула: «За три с половиной часа, которые длился семинар, трудно конечно детально обсудить столь обширную и значительную тему. Но уже из тех выступлений, которые здесь

приведены, видно, что во время обсуждения разгорелась оживленная дискуссия, затрагивающая принципиальные вопросы развития биологии. Некоторые участники семинара высказали весьма спорные предложения, которые встретили серьезные возражения присутствующих. Д. К. Беляев не согласился с интерпретацией истории биологической науки, выдвинутой Р. Л. Берг. <...> Обсуждая острые, наименее разработанные вопросы теории, участники семинара в то же время высказали ряд практических пожеланий. Особое внимание было обращено на улучшение преподавания биологии в университете и физико-математической школе. Решено было также чаще устраивать встречи биологов и математиков, расширить их сотрудничество».

В качестве еще одного доказательства назревшего характера перемен в отношении к биологической науке, приведем фрагмент из передовой статьи «Правды» за 7 февраля 1965 г., названной «Большие перспективы советской науки» и опубликованной с сокращениями в газете «За науку в Сибири»: «Плодотворные перемены происходят в биологической науке. Известно, что на развитие биологии долгое время отрицательно влияло монопольное положение группы ученых, которые отвергали ряд важнейших направлений биологии и проводили свои взгляды, зачастую не соответствовавшие современному уровню науки. Это сказывалось на развитии всего комплекса биологических, медицинских и сельскохозяйственных наук. За последние годы много сделано для того, чтобы преодолеть это отставание. Развитие науки немыслимо без борьбы мнений, без свободной научной критики, без обсуждения и проверки различных точек зрения. Подлинная наука не терпит монополии отдельных ученых, каким бы научным авторитетом они не пользовались. В ближайшее время на созываемом совещании ученые всесторонне обсудят вопросы, связанные с развитием биологии, укреплением ее связи с практикой. Можно не сомневаться, что наша биологическая наука порадует советский народ новыми крупными достижениями».

В свою очередь, об изменении отношения непосредственно к ИЦиГ ярко свидетельствует в статье С. Осьминой «Архимедовы рычаги» в газете «Известия». Автор не просто позитивно оценивал работу института, но подчеркивал его уникальность: «Есть лишь два

места на земном шаре, где могут делать такие эксперименты, – лаборатория профессора Хидена в Швеции, куда приезжают ученые со всех концов мира, и Институт цитологии и генетики в самой глубине Сибири»¹¹³.

3.3. Состояние научных исследований по генетике: проблемы и результаты

Основным критерием оценки деятельности соответствующей научной сферы являются ее теоретические и практические результаты. Вместе с тем, очевидно, что объективно оценить их непросто, – в том числе и в силу недостаточной компетентности историка в специальных научных вопросах. Поэтому в данном разделе будет приведен ряд оценок, нашедших отражение в прессе и в документах. Их сопоставление, как надеется автор, позволит наметить основные контуры рассматриваемых процессов.

Что же представлял собой Институт цитологии и генетики к началу 1960-х гг.? Согласно протоколу экспертной группы по биологии Президиума СО АН (1961 г.) в институте действовало 13 лабораторий из 22, утвержденных в его структуре. На тот момент штат института состоял из 280 человек научно-технического, административного и рабочего персонала. Что касается непосредственно научных сотрудников, то их было 156, в том числе: докторов наук – 1, старших научных сотрудников – кандидатов наук – 21, младших научных сотрудников – кандидатов наук – 10, младших научных сотрудников – 41, старших лаборантов с высшим образованием – 83.

В институте велись научные исследования по двум основным направлениям: 1) Физические, химические и структурные основы жизненных явлений и наследственности; 2) управление наследственностью растений, животных и микроорганизмов¹¹⁴.

Говоря о динамике кадровой составляющей института, следует отметить, что к 1963 г. штат института был несколько увеличен. Так, общая численность сотрудников составляла 340 человек, в том числе научно-технического персонала – 173 человека. В то же время уро-

¹¹³ *Известия*. 1966. 11 дек.

¹¹⁴ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

вень квалификации ученых изменился незначительно. Так, количество докторов наук осталось прежним, а число кандидатов наук возросло до 32¹¹⁵.

Известно, что с июля 1961 г. начала выходить первая в стране газета академического центра «За науку в Сибири», на страницах которой публиковались содержательные материалы о состоянии биологических исследований. Первой такой публикацией стал небольшой материал от 15 августа названного года о том, что науч. сотр. лаборатории общих методов селекции ИЦиГ канд. сель-хоз. наук Т. С. Ростовцева вывела новый сорт кукурузы – «Сибирская-2». По урожайности силосной массы он превышал стандарт на 38%, по весу початков в молочно-восковой спелости на 36%, по кормовым единицам превосходил стандарт на 25%.

17 октября 1961 г. газета опубликовала более обширную статью заведующего лабораторией гетерозиса ИЦиГ Ю. П. Мирюты «Новые гибриды кукурузы», где, в частности, сообщалось: «В 1961 г. мы начали передачу гибридов в государственное испытание под названием “Сибирские”. Три из них уже испытываются в десяти краях и областях Сибири и Казахстана. <...> В этом году на полях экспериментального совхоза СО АН СССР урожай силосной массы с початками молочно-восковой спелости у лучших гибридов достиг 824 центнера с гектара, превысив лучший стандарт для этого района (Воронежская-80) на 70 процентов».

26 декабря 1961 г. названная газета поместила материал к 60-летию заведующего лабораторией ИЦиГ А. Н. Луткова. Как сообщалось здесь, под его руководством «была создана методика ускоренного (за 2 года вместо 5 лет) получения триплоидных гибридов. В 1961 году производились первые районные испытания 40 различных гибридов». Как отмечалось, «лучшие из них дают повышение урожайности корней на 15 – 20 процентов, сахаристости на 1,4 – 1,9 процента, сбора сахара с единицы площади до 20 – 25 процентов».

Обобщающие оценки работы сотрудников ИЦиГ были даны в статье Д. К. Беляева под интригующим названием «Раскрыта загадка

наследственности» («За науку в Сибири», 24 января 1963 г.). В ней отмечалось, что экспериментальная работа по созданию отечественных высокопродуктивных триплоидов сахарной свеклы была начата в Институте цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР в 1958 г. Первые отечественные триплоидные гибриды (разных гибридов было получено более шестидесяти) испытывались в 1961 г. в системе селекционных станций в 18 пунктах страны в основных зонах свеклосеяния. Как сообщалось в статье, результаты испытаний показали большую производственную перспективность многих триплоидных гибридов, которые превышали общесоюзный стандарт по урожаю корнеплодов и по сбору сахара на 15 – 20 процентов, а именно: по урожаю корнеплодов наблюдалось повышение на 34 – 62 ц/га, а по сбору сахара на 6 – 16 ц/га. Интересно, что отдельные триплоидные гибриды дали превышение урожая при посеве в различных точках СССР, т. е. оказались пригодными для разнообразных зон возделывания.

14 февраля 1963 г. та же газета опубликовала статью уже упоминавшейся Т. С. Ростовцевой о внедрении выведенного в ИЦиГ гибрида кукурузы Сибирский-2 (Безенчукский-2). Госкомиссия утвердила на 1963 г. по стране 7 новых перспективных гибридов, в том числе Сибирский-2. В 1962 г. названный гибрид, несмотря на сильную засуху, дал урожай зеленой массы 350 ц/га, превысив стандарт по урожаю зелёной массы на 33 процента, сухого вещества на 54 и кормовым единицам на 51 процент.

Об успехах молодого института сообщали также и другие органы печати. Так, в номере за 21 марта 1962 г. «Советская Сибирь» опубликовала статью ученого секретаря ИЦиГ Г. Привалова «На переднем крае науки», где сообщалось: «За короткий период существования института уже получен ряд новых гибридов и форм сельскохозяйственных растений благодаря использованию новейших достижений физики, химии и биологии». В свою очередь, в номере от 4 мая указанного года, названное издание поместило статью Ю. П. Мирюты «Семена и урожай», в которой сообщалось об успехах ИЦиГ по выведению новых гибридов кукурузы.

Кроме того, газета «Вечерний Новосибирск» 29 июня 1962 г. опубликовала статью канд. мед. наук, мл. науч. сотр. ИЦиГ Г. Д. Бердышева «Проблема старения и долголетия». Данная публикация, по-

¹¹⁵ Там же. Д. 112. Л. 3. Данные извлечены из докладной записки в Новосибирский обком КПСС о состоянии материально-технической базы, научных исследованиях и кадрах Института цитологии и генетики СО АН.

пулярная по своему стилю, вместе с тем содержала достаточно смелые утверждения: «За последние 10 лет в биологии сделаны открытия, которые по своей значимости для человека справедливо ставят в один ряд с расщеплением атома и прорывом в космос. Изучены основные этапы важнейших биохимических процессов, исследовано строение ряда белков, гормонов, витаминов, а также нуклеиновых кислот – этих носителей наследственности. Расшифрован код наследственной информации, который управляет синтезом белков и, в конечном счете, развитием организма».

Говоря о достижениях молодого коллектива сибирских генетиков, вместе с тем ряд документов и публикаций отмечал трудности в их работе, обусловленные не только естественными проблемами становления, но и общей ситуацией с генетикой в стране. Особенно остро эти вопросы были поставлены в выступлении зав. лабораторией радиационной генетики Ю. Я. Керкиса на общем собрании партийной организации СО АН 14 июня 1962 г. Оно было посвящено проводившейся в то время кампании по достижению советской наукой «мирового приоритета». Юлий Яковлевич, в частности, отметил: «Генетические исследования у нас в стране по сравнению с большинством зарубежных стран отстали очень сильно, а в некоторых специальных и очень важных отраслях наша наука отстала особенно сильно, даже в таких странах, как Индия и Австралия, генетические исследования развиты несравненно шире, чем у нас в стране. Нам это особенно тяжело сознавать, потому что в первые 20 лет развития наша наука генетика и цитология у нас в стране занимала передовые рубежи». Далее оратор с оптимизмом сказал: «Сейчас партия и правительство принимают очень энергичные меры для преодоления этого отставания, создавшегося благодаря процветанию длительное время культа личности в биологической науке и атмосфере нетерпимости ко всем инакомыслящим. Можно не сомневаться, что и в области генетики допущенные ошибки будут устранены, и советская генетика будет вновь стоять на передовом крае мировой науки».

При этом Юлий Яковлевич подчеркнул: «Для быстрого развития генетики недостаточно одной только моральной поддержки и прекращения различных форм дискриминации, но нужны и некоторые материальные возможности». В первую очередь необходимо было

развернуть подготовку кадров генетиков НГУ, создать соответствующий журнал и улучшить снабжение оборудованием и реактивами. Неудовлетворительное обеспечение ими оратор продемонстрировал следующим примером: для изучения действия малых доз радиации на наследственные структуры человека крайне необходим препарат фетаглютенин: «Мы бьемся около года и не можем получить его»¹¹⁶.

Основные положения указанного выступления были преданы гласности также в статье Ю. Я. Керкиса в газете «За науку в Сибири» от 27 июня под названием «Советская генетика будет вновь стоять на переднем крае». При этом ряд прозвучавших в ранее цитированном выступлении положений были смягчены, другие же еще и усилены. Так, в связи с необходимостью издания журнала по проблемам генетики в данной публикации отмечалось: «В стране у нас нет ни одного такого журнала, за рубежом же – их сотни».

Как уже отмечалось, заметной вехой официальной политики начала 1960-х гг. стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой». Оно было обсуждено 1 февраля 1963 г. на расширенном заседании Президиума АН СССР и ее Отделения биологических наук. В решении по итогам этого обсуждения отмечалось: «ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении от 9 января 1963 г. “О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой” отметили, что советская наука достигла серьезных успехов в вопросах общей биологии, в дальнейшей разработке теории развития органического мира и на этой основе добилась важных результатов, имеющих большое практическое значение для сельского хозяйства, медицины, различных отраслей промышленности».

Однако в документе перечислялись не только достижения советских биологов, но были указаны и серьезные недоработки. В частности, говорилось: «Вместе с тем ЦК КПСС и Совет Министров СССР отметили, что научные исследования в некоторых разделах биологии и смежных наук, а также по тем разделам химии и физики, которые связаны с сельским хозяйством и медициной, развернуты не-

¹¹⁶ ГАНУ. Ф. П-384. Оп. 1. Д. 19. Л. 38–43.

достаточно. В ряде случаев исследования ведутся на низком уровне и являются теоретически бесплодными, не имеющими практического значения».

Весьма важно, что постановление предусматривало конкретные меры по улучшению подготовки кадров биологической науки. Оно обязывало отделения биологических и химических наук АН:

а) принять участие в работе Совета народного хозяйства СССР в подготовке материалов для разработки плана приема студентов на 1963–1965 гг. по специальностям: генетика, физиология, биофизика, биохимия, цитология, микробиология, вирусология, агрохимия, имея в виду обеспечение потребностей научно-исследовательских учреждений, вузов и производственных организаций в кадрах по указанным специальностям;

б) подготовить материалы для составления плана приема аспирантов на 1963–1965 гг. по специальностям: генетика, биохимия, биофизика, цитология, микробиология и вирусология в соответствии с потребностью в квалифицированных научных кадрах научно-исследовательских учреждений Академии наук СССР и академий наук союзных республик. Разработать план приема аспирантов по этим специальностям для академии наук СССР»¹¹⁷.

Свидетельством того, что называвшееся постановление ЦК КПСС стало определенным шагом на пути позитивных изменений в биологической науке является выступление Президента АН СССР М. В. Келдыша на годичном общем собрании Академии наук 1 февраля 1965 г. Он подчеркнул: «Не подлежит сомнению, что за последние годы положение в биологической науке непрерывно улучшалось. В этом направлении большую роль сыграли решения нашей партии по химизации сельского хозяйства и постановление Центрального Комитета партии и Совета Министров “О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой”»¹¹⁸.

¹¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 29. Л. 23–36. Документ подписан Президентом АН СССР академиком М. В. Келдышем, академиком-секретарем Отделения биологических наук академиком Н. М. Сисакиным и и. о. главного ученого секретаря АН членом-корреспондентом М. И. Агошковым.

¹¹⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 151. Л. 61.

Характерен и тот отклик, который данное партийное постановление получило в Сибири. Так, уже 4 марта 1963 г. «Вечерний Новосибирск» публикует объемную статью директора ИЦиГ Д. К. Беляева «Управление наследственностью». Горячо поддерживая этот документ, автор подчеркивал: «И все-таки в ряде случаев развитие науки, представителями которой мы являемся, отстает. Не все еще сделано для оказания максимальной помощи народному хозяйству и для организации дальнего поиска в науке».

22 мая 1963 г. Президиум СО АН специально рассмотрел вопрос о развитии биологической науки в институтах Сибирского отделения, – доклад по этому поводу сделал проф. А. Б. Жуков. Оратор сообщил, что Бюро Президиума СО АН в январе того же года вынесло решение о мерах по усилению связи биологических исследований с математикой, физикой и химией, для чего была создана комиссия под председательством члена-корреспондента В. В. Воеводского.

В докладе были отмечены достижения Института цитологии и генетики, в частности: на основе данных клинических испытаний фармакологическим комитетом Минздрава СССР в октябре 1962 г. разрешено применение разработанного в институте препарата ДНК-азы при лечении; совместно с Институтом органической химии организовано опытное производство и выпущены первые большие партии фермента для широкого внедрения; полученные институтом высокосахаристые триплоидные гибриды сахарной свеклы в 1962 г. проходили государственное сортоиспытание, два гибрида по сбору сахара превысили районированный стандарт на 7,6–15,2%.

Выступивший на заседании директор ИЦиГ Д. К. Беляев обратил внимание на недостатки в обеспечении института оборудованием: «Нет пригодного для использования в производственном процессе прибора для определения содержания белка в молоке. Нет и таких приборов, которые помогали бы определить влажность семян кукурузы, и многих других приборов»¹¹⁹.

Материалы названного заседания были изложены в газете «За науку в Сибири» от 30 мая. Говоря о достижениях Института цитологии и генетики, эта публикация, в частности, отметила, что институт «разработал мероприятия по усилению связи с другими института-

¹¹⁹ ИАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 361. Л. 115–123, 154–157.

ми СО АН СССР по более широкому использованию электронно-вычислительных устройств, по развитию современных исследований с физиками и химиками».

Особое внимание в рассматриваемой публикации было уделено подготовке кадров, по поводу чего говорилось: «Научные учреждения Сибирского отделения биологического профиля имеют достаточно квалифицированные кадры докторов и кандидатов наук, но кадры в основном подготовленные в период, когда к биологическим наукам предъявлялись сравнительно узкие требования, определяемые интересами только той науки, в которой специализировался тот или иной ученый. Биологи старшего поколения слабо владеют знаниями в таких областях, как новейшая техника, физика, математика, электроника. Поэтому необходимо обратить самое серьезное внимание на подготовку и переподготовку научных кадров биологов нового комплексного профиля. Для этой цели необходимо форсировать подготовку биофизиков, биохимиков, генетиков, цитологов, микробиологов в стенах Новосибирского университета».

В целом же материалы названного заседания производят неоднозначное впечатление. Разумеется, весьма важно, что руководство СО АН в комплексе рассмотрело состояние биологических исследований в молодом научном центре, наметило ряд конкретных мер. Вместе с тем бросается в глаза, что здесь не был затронут ряд важных проблем и, прежде всего, вопрос об ускорении строительства здания для ИЦиГ. По этому поводу лишь в выступлении Д. К. Беляева прозвучали сдержанные суждения на медленную разработку соответствующего «проектного задания».

Все эти проблемы были вновь рассмотрены в статье Ю. Я. Керкиса в газете «За науку в Сибири» от 29 июня того же года. Говоря о «тормозящих факторах», он особое внимание обратил на неоднократно отмечавшиеся недостатки в обеспечении оборудованием и реактивами и в особенности на проблему кадров. Автор отмечал: «Среди молодых кадров нашего института, к сожалению, недостаточно большой процент людей, способных к самостоятельной творческой работе. Смена подрастает слишком медленно. А в нашей науке это очень существенный недостаток. Подготовка кадров продолжает оставаться самой острой проблемой. Мы, представители старшего поколения, к большому нашему сожалению, недостаточно владем знани-

ями физики, химии и математики. Молодежь, пришедшая к нам из других вузов, в том числе из Ленинградского и Московского университетов (биологии), тоже недостаточно подкована в этих областях, ибо программы биологов МГУ и ЛГУ не учитывают значения точных наук для развития современной биологии и генетики. Это является тормозом, и мы, поэтому возлагаем большие надежды на молодые кадры, которые скоро придут из нашего Новосибирского университета, где принимаются все меры, чтобы этот недостаток не имел места».

Общий вывод данной публикации был оптимистичен: «Несмотря на все наши недостатки и трудности, в работе нашего института произошел очень заметный сдвиг. При этом крайне важно, что имеет место не простое повторение достижений зарубежной науки, а развитие оригинальных исследований, выводящих нашу науку действительно на передовые рубежи мировой науки».

Проблема подготовки кадров, о которой писал Ю. Я. Керкис, была одной из ключевых и неоднократно затрагивалась в различных официальных документах. Поэтому необходимо специально рассмотреть, как она решалась в Новосибирском государственном университете.

15 сентября 1961 г. на факультете естественных наук НГУ была организована кафедра общей биологии, которую возглавил Д. К. Беляев. О подготовительной работе и первоначальных планах по организации кафедры можно судить по объяснительной записке к проекту учебного плана факультета биологии и теоретической медицины Новосибирского университета, направленной ректором НГУ И. Н. Векуа министру высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютину¹²⁰ (1959 г.). В документе сообщалось: «Создание факультета биологии и теоретической медицины в Новосибирском университете имеет целью организацию подготовки кадров научных работников владеющих современными методами исследования и способных использовать для развития биологической и медицинской наук достижения математики, физики, химии. Основной базой для подготовки таких специалистов должны явиться Институт

¹²⁰ Елютин Вячеслав Петрович (1907–1993) – советский государственный деятель и ученый. Член-корр. АН СССР. Первый зам. министра (1951–1954), министр высшего образования СССР (1954–1959), министр высшего и среднего специального образования СССР (1959–1985).

экспериментальной биологии и медицины и Институт цитологии и генетики»¹²¹. Характерно, что среди перечисленных в документе кафедр, которые должны были принимать участие в работе факультета, упоминается кафедра генетики и селекции.

По поводу создания биологического отделения в рассматриваемом документе подчеркивалось: «В основу учебного плана биологического отделения положены действующие в университетах планы подготовки биологов-зоологов и биологов-ботаников, в которые внесены некоторые изменения, направленные, главным образом, на то, чтобы подготовить специалистов-генетиков, которые смогут работать по этой специальности в ВУЗах и научно-исследовательских учреждениях, в том числе на селекционных станциях»¹²².

Действительно, обращаясь непосредственно к учебному плану, можно обнаружить, что на курс генетики и основ селекции отводилось 164 часа (2 семестра) аудиторных занятий. Кроме того, в документе отмечалось, что «значительно расширены по сравнению с обычными университетскими программами, курсы генетики, микробиологии и биофизики»¹²³.

Вместе с тем это были всего лишь планы, в то время как в действительности дело обстояло гораздо сложнее. Существовавшие на тот момент проблемы рельефно отражены в стенограмме расширенного заседания Ученого совета НГУ, состоявшегося 14 января 1960 г. В частности, декан ФЕН Б. О. Солоноуц¹²⁴, говоря о плане приема и указывая, что для биологов он составлял 30 человек, сказал: «У нас было возражение с самого начала – неясная возможность открытия биологической специальности. Причем Министерство считает само, что биологическую специальность разворачивать не будем. Поэтому мы вносим такое предложение, Министерству мы разъяснили, что 30 человек по биологической специальности записаны фор-

¹²¹ ГАНО. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

¹²² Там же. Л. 32.

¹²³ Там же. Л. 33, 34.

¹²⁴ Солоноуц Борис Осипович (1907–1975) – канд. тех. наук, декан ФЕН НГУ (1959–1961), доц. кафедры высшей математики ММФ НГУ (1959–1961). В первые годы существования НГУ фактически исполнял функции единственного проректора, вел основную организационную работу.

мально с тем, что разверстают это количество по другим специальностям. Предлагается такого рода разверстка: по биологии студентов не принимать. По геологии и разведке принять 40 и по химии 40»¹²⁵.

В свою очередь, ректор И. Н. Векуа¹²⁶ на данном заседании отметил: «Давайте обсудим вопрос относительно плана приема. Тут один вопрос принципиальный – насчет биологии. Мы уже в прошлом году обещали открыть биологию, в этом году такое же положение примерно. А Министерство нам прислало план приема по биологической специальности на 30 человек. Вот Совет должен принять решение по этому вопросу, потому что единолично принимать решение по такому вопросу невозможно. Как вы считаете, в этом году воздержимся от открытия?». Далее названный оратор добавил: «Товарищи, университет запрашивал несколько другое, но независимо от нашего запроса, они прислали план приема; биологию мы не просили ввести, а они нам прислали. Конечно, не исключена возможность, попросим, что прием прибавить, но если уж просить прибавить, так надо создать соответствующие условия. Есть такое предложение, чтобы геологам дать 45, физикам предложено 60, химикам 40»¹²⁷.

Принимая во внимание все вышесказанное, представляется закономерным зафиксированное в постановлении решение: «Учитывая задержку строительства зданий 1-ой очереди НГУ считать нецелесообразным открытие в 1960/61 учебном году новых специальностей». Далее в документе содержится просьба к Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР об изменении плана приема в НГУ с тем, чтобы отменить набор на биологическое отделение¹²⁸.

Тем не менее, уже в следующем году приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 15 сентября 1961 г. была организована кафедра биологии ФЕН НГУ¹²⁹. Имею-

¹²⁵ ГАНО. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 81.

¹²⁶ Векуа Илья Нестерович (1907–1977) – акад. АН СССР. Первый ректор НГУ (1959–1965), основатель и первый заведующий кафедрой математической физики ФФ НГУ (1959–1965).

¹²⁷ ГАНО. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 84–85.

¹²⁸ Там же. Л. 90.

¹²⁹ Там же. Д. 26. Л. 97.

щиеся в нашем распоряжении документы дают определенное представление о ее работе в первый учебный год. В состав кафедры входили: зав. кафедрой Д. К. Беляев, проф. С. С. Фолитарек, канд. биол. наук, доц. Г. М. Кривошеков, канд. биол. наук, доц. Г. С. Кикнадзе¹³⁰. В отчете о работе кафедры в рассматриваемый период отмечалось: «В соответствии с планом учебной работы кафедра в 1961/62 учебном году должна была обеспечить проведение на 1 курсе медико-биологической специальности курсов зоологии и ботаники. В связи с отсутствием в университете необходимых помещений и учебных пособий, занятия по зоологии проводились на базе Новосибирского сельскохозяйственного института. <...> Практические занятия по ботанике провести не удалось в связи с отсутствием материальной базы». Далее в документе сообщалось: «Для нормального проведения учебного процесса в 1962/63 учебном году, кафедре необходимы помещения, оборудование, наглядные пособия»¹³¹. Об этих же проблемах говорилось и в материалах отчета ФЕН за 1961/62 учебный год¹³².

Как видим, существенные трудности заключались в слабой материально-технической базе кафедры. Вместе с тем, как следует из некоторых мемуарных свидетельств, сотрудники кафедры сталкивались и с другими проблемами. По воспоминаниям С. В. Аргутинской, в то время стояла проблема как прочесть курс классической генетики, избежав идеологических претензий. Не менее сложным был вопрос о методах проведения вступительных испытаний на биологическое отделение. Все эти проблемы преодолевались совместно с сотрудниками факультета во главе с его деканом В. В. Воеводским¹³³. Так, решили принимать экзамены не по биологии, а по физи-

¹³⁰ Там же. Д. 35. Л. 7.

¹³¹ Там же. Л. 5–6. Документ подписан зав. кафедрой Д. К. Беляевым.

¹³² Там же. Д. 41. Л. 1–2.

¹³³ О вкладе декана ФЕН В. В. Воеводского вспоминают также ветераны университета, проф. Л. Ф. Лисс и Г. В. Меледин: «А какие чудеса эквилибристики пришлось проявить <...> В. В. Воеводскому, имея на руках две такие “трудные” специальности, как биология и химия» (Лисс Л. Ф., Меледин Г. В. Брать ответственность на себя // Наука. Академгородок. Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 175).

ке и математике, чтобы выявить способность к логическому мышлению. В свою очередь, уровень знаний по биологии определяли с помощью специальных собеседований¹³⁴.

Представляет интерес план работы кафедры на 1962/63 учебный год, в который по-прежнему не входило преподавание генетики, хотя было запланировано составление Д. К. Беляевым программы по названному курсу. Кроме того, были запланированы преподавание цитологии и цитолого-эмбриологическая практика¹³⁵.

Как следует из отчета о работе кафедры за указанный учебный год, большую помощь в расширении учебно-производственной базы кафедры оказал ряд институтов. В частности, ИЦиГ предоставил основную массу препаратов для цитологической практики, из Зоологического института АН был получен материал по многим группам животного мира, а Центральный сибирский ботанический сад, в свою очередь, передал свыше 500 листов гербарного материала по флоре Сибири. Вместе с тем в документе отмечалось, что организация практикумов происходила в достаточно сложных условиях, поскольку кафедра имела в своем распоряжении только 2 учебных комнаты, отсутствовали необходимые приборы для проведения цитологических работ.

Что касается учебно-методической работы, то здесь следует отметить, что в течении 1962/63 учебного года студенты дневного отделения прослушали 40 часов лекций по цитологии (доц. И. И. Кикнадзе) и имели 32 часа практических занятий (ассистент Н. П. Панина). В свою очередь, студенты вечернего отделения смогли посетить 24 часа лекций и 12 часов практических занятий по данному предмету.

Помимо этого, на кафедре биологии велась научно-исследовательская работа. Основная масса преподавателей занималась исследованиями в институтах СО АН, но двое штатных сотрудников, – ассистенты Н. Б. Белянина и Н. П. Панина, вели самостоятельные

¹³⁴ Аргутинская С. В. Институт цитологии и генетики // «И забыть по-прежнему нельзя»: Сборник воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск, 2007. С. 92. Вместе с тем, как вспоминает акад. Л. Н. Иванова, занимавшая в 1963–1965 гг. должность зам. декана ФЕН, непосредственно при чтении курсов никаких «притеснений» не было (ЛИА. Запись беседы с Л. Н. Ивановой от 24 ноября 2009 г.).

¹³⁵ ГАНУ. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–2.

темы на кафедре (работа последней имела генетическую направленность – «Избирательность конъюгации хромосом у тетраплоидов»).

Необходимо подчеркнуть, что на тот момент состав кафедры несколько изменился. Согласно документам, некоторые из ранее упомянутых сотрудников больше не числились в ее составе, в то время как на их место пришли другие. В целом, в штат входили 9 человек, в том числе: штатные совместители – зав. кафедрой, доц., канд. биол. наук, Д. К. Беляев, проф., д-р биол. наук С. С. Фолитарек, проф., д-р биол. наук К. А. Соболевская, доц., канд. биол. наук И. В. Стебаев, доц., канд. биол. наук И. И. Кикнадзе; штатные преподаватели – ассистент Н. Б. Белянина, ассистент Н. П. Панина; штатные сотрудники – лаборант З. Ф. Павлова, лаборант З. И. Гладкова¹³⁶.

Определенный интерес представляет отчет НГУ за 1962/63 учебный год. Так, в данном документе среди специальностей ФЕН отсутствовала генетика, но вместе с тем сообщалось: «На факультете естественных наук работало медико-биологическое отделение в составе 1 и 2 курсов. Оба курса работали по одному учебному плану. В дальнейшем предполагается организовать специализацию студентов этого отделения по медицинской биологии, цитологии и генетики»¹³⁷. Кроме того, в разделе, посвященном учебной и производственной практике отмечалось, что в указанный период студенты 4 и 5 курсов проходили производственную практику, в том числе ИЦиГ. В частности, под руководством канд. биол. наук Р. И. Салганика велась работа по двум темам: «Сравнительные исследования действия гидразина на нативную и денатурированную ДНК в связи с его мутагенным действием» и «Определение молекулярного веса, нативности протосей белка и РНК в препаратах ДНК»¹³⁸.

Необходимо также коснуться процессов, происходивших «за кулисами», ведь именно они во многом определяли и учебные планы, и решение материально-технических проблем. В этой связи рассмотрим два письма, направленные руководством НГУ в руководящие органы.

¹³⁶ Там же. Л. 4–10.

¹³⁷ Там же. Д. 59. Л. 3.

¹³⁸ Там же. Л. 49.

Так, 23 апреля 1962 г. председателю Научного совета АН СССР по проблеме «Биологическая функция белка и структура клетки» акад. В. А. Энгельгарду было направлено письмо ректора НГУ И. Н. Векуа и декана ФЕН В. В. Воеводского. В нем сообщалось: «В 1961 г. в Новосибирском государственном университете на факультете естественных наук была организована новая специальность – медико-биологическая. Задачей этой специальности является подготовка научных работников в области биологии и экспериментальной и теоретической медицины, обладающих глубокими знаниями в области высшей математики, физики и химии, позволяющими использовать последние достижения точных наук для решения актуальных задач биологии и медицины». Далее в документе содержится следующая просьба: «Поскольку Ваш Совет призван координировать деятельность научных и учебных учреждений в области современной биологии, просим Вас включить медико-биологическую специальность в сферу вашей деятельности. В частности, мы обращаем Ваше внимание на то, что нам установлен план приема по этой специальности на 1962/1963 учебный год в количестве 25 человек, что явно недостаточно. Мы были бы Вам весьма благодарны, если бы Вы со своей стороны воздействовали на Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР в целях увеличения приема, по крайней мере, в 2 раза»¹³⁹.

В свою очередь, отношения с упомянутым министерством красноречиво характеризует другое послание, адресованное В. Н. Столетову¹⁴⁰ и датированное 2 февраля 1963 г. Здесь, в частности, указывалось: «В полученном университетом ориентировочном плане по контингенту студентов на 1963 г. предусмотрен прием студентов на 1-ый курс дневного обучения в количестве 500 человек. 25/VI 1962 г. университетом был направлен в Министерство проект по плану приема, рассматривавшийся нами как минимальный, в количестве 650 человек». Далее в документе обосновывалось утверждение данного

¹³⁹ Там же. Д. 88. Л. 13–14. Документ датирован 23 апреля 1962 г.

¹⁴⁰ Столетов Василий Николаевич (1907–1989) – советский государственный деятель и ученый. Министр высшего образования СССР (1951–1953), высшего и среднего специального образования РСФСР (1959–1972), президент Академии педагогических наук СССР (1972–1981).

проекта: «Университет расширяет подготовку специалистов в области новой техники и новых направлений (кибернетика, ядерная физика, радиофизика и электроника, полупроводниковая техника, физическая химия, химия высокомолекулярных и комплексных соединений, медицинская и молекулярная биология, цитология и генетики, экономика с применением математических методов и т. д.), для чего имеются высококвалифицированные кадры преподавателей и необходимая материальная база»¹⁴¹.

В 1963/64 учебном году на кафедре биологии НГУ впервые было поставлено чтение лекций и проведение практических занятий по генетики и истории биологии и дарвинизма. Лекции по генетики для студентов дневного отделения читал Д. К. Беляев, для вечернего – Ю. Я. Керкис. В свою очередь, практические занятия вели мл. науч. сотр. Д. С. Билева и С. И. Раджабли¹⁴². Как вспоминает С. В. Аргутинская, Д. К. Беляев читал генетику третьему курсу, и его лекции вызывали большой интерес, так как их посещали студенты других факультетов, научные сотрудники различных институтов, преподаватели Медицинского и Сельскохозяйственного институтов Новосибирска. Впоследствии Дмитрий Константинович передал курс Ю. Я. Керкису как профессору этой кафедры¹⁴³.

Судя по отчету кафедры за указанный год, происходило ее определенное развитие. Так, в проведение учебного процесса принимали участие 16 преподавателей, в том числе 2 профессора, 3 доцента, 4 ассистента, 3 старших научных сотрудника, 3 младших научных сотрудника и 1 старший препаратер. Были внесены изменения в некоторые из читаемых курсов. В частности, был расширен один из разделов курса цитологии¹⁴⁴. Кроме того, первые успехи были достигнуты в научной работе студентов. Так, на проходившей в апреле 1963 г. первой научной студенческой конференции высокую оценку получила работа студента второго курса В. Ф. Дьяченко «Отведение биопотенциала от животных и растительных клеток и некоторые аспекты использования микроэлектродной техники в биологии», выпол-

¹⁴¹ ГАНУ. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 135. Л. 23. Документ датирован 2 февраля 1963 г.

¹⁴² Там же. Д. 116. Л. 2–4.

¹⁴³ Аргутинская С. В. Указ. соч. // «И забыть по-прежнему нельзя»... С. 92.

¹⁴⁴ ГАНУ. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 116. Л. 1, 4–5.

ненная под руководством зав. лабораторией Института цитологии и генетики Ю. Я. Керкиса¹⁴⁵.

Вместе с тем работу кафедры по-прежнему осложняла слабость материально-технической базы. Так, в упомянутом отчете Д. К. Беляев сетовал: «В настоящее время кафедра испытывает серьезный недостаток в оптических приборах для обеспечения практикумов по цитологии, генетики, ботанике и отчасти зоологии. Ощущается острый недостаток в раздаточном материале по зоологическим курсам; материал, который может быть выписан только из отдельных районов СССР. Сказывается недостаток демонстрационных таблиц, специальной литературы в библиотеке НГУ и условий для разведения живого материала, необходимого для проведения практикумов по зоологии, ботанике и особенно генетике. Так, например, до сих пор нет условий для культивирования мух-дрозофил»¹⁴⁶.

Учитывая вышесказанное, видимо, нельзя согласиться с составителями юбилейного сборника об НГУ «Наука. Академгородок. Университет», по мнению которых, «рекордно короткий срок – 4 года – потребовался для того, чтобы развернуть крупное многопрофильное учебное заведение, обеспеченное кадрами и материальной базой на уровне лучших вузов страны»¹⁴⁷. Очевидно, что утверждение об образцовой материальной базе является в некоторой степени преувеличением, по крайней мере, по отношению к кафедре биологии. В то же время нельзя исключать, что на других кафедрах положение могло быть и лучше. Однако в этом случае встает вопрос о причинах такой «дискриминации». Характерно, что с подобными проблемами материально-технического плана в рассматриваемые годы сталкивался Институт цитологии и генетики. При этом слабость материально-технической базы и кадровые проблемы порой оказывали более негативное воздействие, чем происки «лысенковцев».

Тем не менее, несмотря на все трудности, кафедра биологии развивалась, и одной из форм ее деятельности было привлечение к чтению лекций ведущих ученых из Москвы и Ленинграда. Так, НГУ по-

¹⁴⁵ Там же. Д. 103. Л. 9.

¹⁴⁶ Там же. Д. 116. Л. 7–8.

¹⁴⁷ Наука. Академгородок. Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 25.

сетили такие известные ученые как А. А. Прокофьева-Бельговская, Н. В. Тимофеев-Ресовский, В. П. Эфроимсон, Л. А. Блюменфельд, С. Э. Шноль и др.¹⁴⁸

Весьма важно, что в новосибирском Академгородке подготовка подрастающей смены генетиков начиналась еще со школьной скамьи. В 1963 г. была создана физико-математическая школа при НГУ. Как вспоминает заведующий кафедрой естественных наук СУНЦ НГУ д-р биол. наук, проф. Г. М. Дымшиц, учить биологии в ней начинали не с нуля, а с «отрицательного уровня». Виной всему была насаждавшаяся в школах «мичуринская биология».

Первыми лекторами по биологии в физико-математической школе были З. С. Никоро и Н. Н. Воронцов¹⁴⁹. Г. М. Дымшиц особо отмечает заслуги Зои Софроньевны, старавшейся донести до учеников знания о генах и хромосомах, о свойствах генетического кода, о строгих закономерностях наследования. В результате, «сворачиваемые» ею школьники, которые до поступления в ФМШ неуважительно относились к биологии, не только успешно закончили биологическое отделение ФЕН НГУ, но и в настоящее время являются ведущими учеными¹⁵⁰.

Показательно, что в 1963 г. газета «За науку в Сибири» поместила на своих страницах заметку сотрудников ИЦиГ Т. Себелевой и Л.

¹⁴⁸ Кикнадзе И. И. Д. К. Беляев – организатор биологического образования в НГУ // Наука. Академгородок. Университет... С. 214. О том, что представляли собой подобные лекции, ярко иллюстрирует письмо В. П. Эфроимсона, выступавшего в НГУ в феврале 1966 г.: «На лекции ходит по-прежнему много народа, человек по сто и пока не убывает» (*Время борьбы и утрат*. К 100-летию со дня рождения В. П. Эфроимсона // *Природа*. 2008. № 11. С. 70).

¹⁴⁹ Воронцов Н. Н. (1934–2000) – д-р биол. наук (1967), ст. науч. сотр. лаборатории генетики популяций Института цитологии и генетики СО АН и одновременно ученый секретарь по биологическим наукам Президиума СО АН (1964–1971). Впоследствии известный ученый зоолог, эволюционист, эколог и генетик. Вице-президент РАЕН, лауреат Государственной премии СССР. Народный депутат первого перестроечного Верховного Совета, министр природопользования и охраны окружающей среды СССР, депутат Госдумы. См. о нем: *Голубовский М. Д.* Труды эволюциониста // *Вестник РАН*. 2006. Т. 76. № 1.

¹⁵⁰ *Наука в Сибири*. 2008. 20 июня.

Степаньяна «Генетика в школе». В публикации сообщалось: «В Академгородке в средних школах введено преподавание генетики. Новая программа по биологии в девятых классах ФМШ, например, включает помимо “Основ дарвинизма” элементы цитологии, расширенный раздел “Наследственность и изменчивость”. В десятых и одиннадцатых классах появился раздел “Генетика”. Задача, поставленная перед преподавателями, оказалась не из легких. Сказывается и неопытность педагогов, и то, что учащиеся иногда воспринимали “новую” биологию только как интересное развлечение, и то, что в школе нет кабинета биологии. К тому же, программа в ее теперешнем виде оставляет желать лучшего. Однако первые трудности преодолеваются. У учащихся появился живой интерес к генетике. Сейчас они по собственной инициативе создают биологическое общество»¹⁵¹.

Стоит отметить, что сотрудники кафедры биологии активно занимались научно-просветительской работой. В частности, проф. С. С. Фолитарек выступал в школах Академгородка с лекциями и докладами. По кафедре проводились экскурсии школьников, а также консультации для учителей. Кроме того, совместно с Институтом усовершенствования учителей проводились занятия по цитологии с учителями биологии Новосибирской области¹⁵².

Конечно, основной задачей кафедры была подготовка высококвалифицированных биологов, в особенности, генетиков. В 1966 г. состоялся первый выпуск. Как вспоминает С. В. Аргутинская, в основном, это были блестящие студенты. Тематика их дипломных работ отражала исследовательские направления ИЦиГ. По свидетельству той же мемуаристки, некоторые из дипломных сочинений по оригинальности идей и объему экспериментального материала можно было приравнять к кандидатским диссертациям¹⁵³. Председатель ГЭК проф. М. Я. Субботин так оценил уровень первых выпускников: «Комиссия считает необходимым специально отметить высокий научный уровень дипломных работ по цитологии, генетике, биохимии и гистологии»¹⁵⁴.

¹⁵¹ *За науку в Сибири*. 1963. 16 дек.

¹⁵² *ГАНУ*. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 116. Л. 7.

¹⁵³ *Аргутинская С. В.* Заметки – воспоминания о Д. К. Беляеве и становлении НГУ // *Наука. Академгородок. Университет...* С. 211.

¹⁵⁴ *ГАНУ*. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 250. Л. 3.

Подводя итоги рассмотрению научно-образовательного аспекта развития генетики, следует специально поставить вопрос о роли НГУ в ее возрождении. Для этого следует иметь в виду общую ситуацию с преподаванием генетики в вузах страны в 1950–1960-е гг. Как известно, в авангарде находились МГУ и ЛГУ. Так, например, еще в 1965 г. газета «Советская Сибирь», рассказывая о достижениях молодых генетиков из ИЦиГ, в свое время окончивших биологический факультет ЛГУ, отмечала: «Надо отдать должное этому факультету: здесь преподавали и преподают люди, которые мужественно отстаивали генетические идеи в самые трудные времена»¹⁵⁵.

Однако в рассматриваемый период ситуация с генетикой в ведущих университетах страны не была однозначной. Например, как отмечалось в уже приводимой ранее статье Ю. Я. Керкиса, «молодежь, пришедшая к нам из других вузов, в том числе из Ленинградского и Московского университетов (биологии), тоже недостаточно подкована в этих областях, ибо программы биологов МГУ и ЛГУ не учитывают значения точных наук для развития современной биологии генетики»¹⁵⁶.

Что же касается сибирских вузов, то здесь следует обратиться к отчету зав. лабораторией ИЦиГ П. К. Шварникова (1963 г.), в котором отмечалось: «Иллюстрацией может служить такой факт, имевший место в Новосибирском сельскохозяйственном институте. Преподавательница этого института, кандидат химических наук Казакова в докладе, сделанном ею на научной конференции института, отметила генетическую роль ДНК и РНК. <...> У подавляющей части преподавательского состава это выступление вызвало переполох и было расценено как опасная крамола. Выступившие ректор института доцент Красиков, декан агрономического факультета профессор Леонов и доценты Михайлов, Кривошеков и Сакс устроили разнос доклада Казаковой, обвинили ее в идеализме, в американизме <...>. По этому случаю можно представить, какими знаниями и идеями вооружают студентов преподаватели, имеющие такие представления»¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Сов. Сибирь. 1965. 7 апр.

¹⁵⁶ За науку в Сибири. 1962. 29 июня.

¹⁵⁷ НАСО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 86. Л. 107–108.

В этой связи приведем мнение преподавателя кафедры биологии, д-ра биол. наук, проф. В. А. Ратнера¹⁵⁸. Повествуя о ситуации после низвержения Т. Д. Лысенко в 1964 г., он отмечает: «Сибирское отделение АН СССР и НГУ были в первых рядах возрождения генетики. В этом смысле вузы страны были более консервативны. Во многих университетах, сельскохозяйственных и медицинских вузах на кафедрах сидели откровенные “лысенковцы”, которые не собирались и не могли преподавать генетику будущим специалистам. Настоящих генетиков в это время готовили только в МГУ и ЛГУ. Поэтому учреждение в НГУ кафедры цитологии и генетики (названная кафедра в 1968 г. была выделена из кафедры биологии – С. Ш.) было очень своевременным и дальновидным шагом»¹⁵⁹.

Кроме кадровых вопросов, во многих из рассматриваемых нами источниках ставилась проблема внедрения достижений биологической науки в практику. О состоянии этой работы можно судить по справке ИЦиГ «о состоянии работ по оказанию помощи сельскому хозяйству Институтом цитологии и генетики СО АН СССР» (1962 г.)

В документе указывалось: «1. Выведение новых высокопродуктивных силосных и зерновых гибридов кукурузы для Сибири. В 1961 году проводилось производственное испытание ряда гибридов. Гибрид кукурузы, переданный для испытания известному кукурузоводу А. Лисичкину (Читинская область) дал урожай зеленой массы 1200 ц/га и початки в молочно-восковой спелости. Получен урожай сухого зерна на Карасукском сортоучастке Новосибирской области – 38 ц/га. В совхозе «Лесной» Алтайского края и колхозе им. С. М. Кирова Восточно-Казахстанской области получено 60 центнеров зерна с гектара <...>

2. Новые высокосахаристые триплоидные гибриды сахарной свеклы. В 1961 году производились районные испытания гибридов во всех основных свеклосеющих областях Советского союза (Украина,

¹⁵⁸ Ратнер В. А. (1932–2002) – известный генетик, зав. лабораторией молекулярно-генетических систем ИЦиГ СО РАН, основатель научной школы. Подробнее о нем см., напр.: Шумный В. К., Васильева Л. А., Колчанов Н. А., Захаров И. К. Профессор Вадим Александрович Ратнер // Информационный вестник ВОГиС. 2003. № 21–22.

¹⁵⁹ Ратнер В. А. О подготовке биологов в НГУ // Наука. Академгородок. Университет... С. 297.

Алтай, Воронежская область и др.). Получено сообщение о том, что выявлены наиболее высокосахаристые гибриды, повышающие сбор сахара с единицы площади до 20–25% <...>

3. В 1961 году продано колхозам и совхозам Новосибирской области 350 голов ландрасских племенных свиней беконного типа. В 1962 г. намечено вырастить и продать хозяйствам области 200 голов.

4. В 1961 году произведена оценка 184-х быков-производителей в 5 хозяйствах Новосибирской области и Алтайского края. Сотрудники института выезжали в хозяйства и консультировали как применять полученные результаты <...>

5. В 1961 году произведена оценка 25-ти баранов производителей в колхозе “Страна Советов” и бонитировка скота в 4-х колхозах Алтайского края <...>

6. Оказана методическая помощь путем выезда групп сотрудников института Михайловскому и Здвинскому районам Новосибирской области в деле налаживания племенной работы в этих районах»¹⁶⁰.

О практической ценности исследований, проводившихся в ИЦиГ, свидетельствуют составленные в ИЦиГ в том же году «Рекомендации по свекле для комиссии по оказанию помощи сельскому хозяйству под руководством член-корр. В. Николаева». Здесь были зафиксированы следующие предложения:

«1. Организовать широкое производственное испытание лучших триплоидных гибридов Института цитологии и генетики по данным станционных испытаний 1961–1962 гг. и государственных испытаний в 1962 г. в Центральном районе, на Украине, в Краснодарском крае, в Белоруссии, Башкирии, Алтайском крае, в Зап. Сибири и Казахстане.

2. В 1963–1964 гг. расширить государственное сортоиспытание триплоидных гибридов свеклы, рекомендованных Институтом цитологии и генетики <...>

5. Опытным станциям, работающим по селекции сахарной свеклы выделить по 2 штатным единицам для лаборантов-цитологов и просить Сибирское отделение АН СССР провести в Институте цитоло-

¹⁶⁰ *НАСО*. Ф. 50. Оп. 1. Д. 101. Л. 5–6. Документ подписан и. о. директора Института цитологии и генетики П. К. Шкварниковым и секретарем партбюро О. И. Майстренко.

гии и генетики в зимний период 1962–1963 гг. курсы по их подготовке для работы по селекции сахарной свеклы путем полиплоидии»¹⁶¹.

Представляют интерес и предложения института по ускорению внедрения в практику сельского хозяйства методов полиплоидии. В частности, в цитированном документе отмечалось: «В соответствии с большой практической значимостью работ по созданию триплоидных гибридов сахарной свеклы Институт цитологии и генетики СО АН СССР считает необходимым:

1. Просить Министерство Сельского хозяйства:

а) Предусмотреть расширение объема селекционных работ с полиплоидной сахарной свеклой в системе институтов и селекционных станций, уже ведущих эту работу в основных зонах свеклосеяния: в Центральной полосе РСФСР, в Краснодарском крае, на Украине, в Алтайском крае и в условиях орошаемого земледелия (Киргизия и Казахская ССР). <...>

2. Просить Госкомиссию МСХ СССР:

а) О приеме в Госсортоиспытания высокоперспективных триплоидных гибридов сахарной свеклы <...> получивших высокую оценку по сбору сахара в широких станционных испытаниях 1961–1962 гг. в различных зонах Союза и проходящих в 1963 году районные сортоиспытания на трех сортоучастках. <...>

3. Просить Президиум СО АН СССР с января 1964 года выделить штатные единицы в количестве 4-х человек <...> для создания цитологической группы при лаборатории полиплоидии Института цитологии и генетики <...>

4. Просить Президиум СО АН СССР выделить валюту по кап. странам (Англия) в размере 5–6 тысяч рублей для закупки автоматических поляриметров, позволяющих резко ускорить процесс селекции полиплоидной сахарной свеклы»¹⁶².

В нашем распоряжении имеется также ценная справка «О связях Института цитологии и генетики с предприятиями Новосибирской области». В документе указывалось: «В процессе проводимых в институте теоретических работ по проблемам наследственности, получены

¹⁶¹ *Там же*. Л. 7. К сожалению, подпись под документом неразборчива.

¹⁶² *Там же*. Л. 8–10. Документ подписан и. о. директора ИЦиГ Р. И. Салгаником.

некоторые результаты имеющие практическое значение. Ряд из них используется также и предприятиями Новосибирского совнархоза:

1. Новый лечебный препарат дезоксирибонуклеаза (ДНК-аза), полученный в институте, был широко изучен в ряде лечебных учреждений Новосибирска и других областей.

2. Заключен договор о творческом содружестве с Новосибирской с/х опытной станцией, куда переданы селекционные материалы для дальнейшей разработки по ряду культур – томатам, сое, зерновым культурам. <...>

3. Сотрудниками института прочитаны ряд лекций по биологии в институте усовершенствования учителей.

4. В ряде совхозов Новосибирской области <...> проводилась производственная оценка и дальнейшая разработка методов оценки быков и баранов – производителей по потомству...»¹⁶³.

Кроме того, в январе 1964 г. в Институте цитологии и генетики было подготовлено послание в Президиум пленума ЦК КПСС. В документе излагается просьба рассмотреть предложения института по внедрению метода экспериментальной полиплоидии. Авторы письма указывали на успешный зарубежный опыт применения триплоидных гибридов сахарной свеклы. Отмечалось, что в институте уже несколько лет ведутся экспериментальные работы по созданию советских триплоидных гибридов, и некоторые из них показали высокую продуктивность в ходе государственных сортоиспытаний. Далее следовало предложения решить ряд организационных вопросов. В частности, расширить объем работ по полиплоидии сахарной свеклы, усилить существующие и создать новые цитологические лаборатории соответствующего профиля. Здесь, помимо прочего, было выражено признание ограниченности возможностей института. Так, в документе отмечалось: «В настоящее время цитологический анализ триплоидных и тетраплоидных форм, получаемых на селекционных станциях ведет институт цитологии и генетики СО АН СССР. При расширении объема работ по полиплоидной свекле, институт не сможет своими силами обеспечить проведение этих анализов»¹⁶⁴.

¹⁶³ Там же. Д. 141. Л. 1–2. Документ датирован 29 августа 1964 г.

¹⁶⁴ Там же. Л. 8–9. Документ подписан директором ИЦиГ Д. К. Беляевым и секретарем партбюро Г. А. Стакан.

Из всех приведенных выше документов можно сделать вывод, что результаты научных исследований ИЦиГ успешно внедрялись в практику, давали заметные результаты. Однако в нашем распоряжении имеются и другие документы, напоминающие о существовавших в этой сфере проблемах.

Так, 9 мая 1963 г. партком СО АН рассмотрел вопрос «О результатах внедрения научных работ в практику ИГиГ и ИЦиГ». Выступивший на заседании Д. К. Беляев отметил большие трудности в реализации научных разработок своего института. В частности, на вопрос «Кто занимался внедрением?» он ответил: «Сам внедрял и ездил защищать в комитете. Для внедрения в совхозы пришлось посылать своих сотрудников и проводить личное знакомство. Если что-либо внедрять, то я должен прекратить работать»¹⁶⁵.

О трудностях, с которыми сталкивался институт, свидетельствуют и другие источники. Так, в 1964 г. заведующий лабораторией гетерозиса Ю. П. Мирюта представил информацию о внедрении достижений лаборатории в сельское хозяйство. В материалах указывалось, что важнейшая задача заключается во внедрении пищевого и силосного гибрида кукурузы «Сибирская-4». Его широкое внедрение затруднялось отсутствием соответствующих посевных площадей и средств. В 1964 г. имелась возможность размножить лишь на 10 га, что позволило обеспечить семенами только 1 000 га. В то же время лаборатория располагала посевным материалом на 150 га, что позволило бы обеспечить в 1965 г. посев на площади 15–20 тыс. га. Масштабы окончательного внедрения могут достигнуть 10 млн. га. Ю. П. Мирюта сообщал: «Задержка внедрения гибрида <...> определяется чрезмерной осторожностью Гос. комиссии»: [не оформляет авторских свидетельств, безосновательно требуя распространения на другие культуры, а между тем можно было реализовывать патенты за рубежом]¹⁶⁶.

Следует также обратить внимание на материалы Ученого совета ИЦиГ от 12 июня 1964 г., на котором рассматривались отчеты лабораторий о научной работе за 1958–1964 гг. Протокол зафиксировал

¹⁶⁵ ГАНО. Ф. П-384. Оп. 1. Д. 26. Л. 243.

¹⁶⁶ НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 136. Л. 5–6. Документ появился не позднее 15 мая 1964 г. Текст не датирован, дата определена примерно по содержанию.

следующее суждение П. К. Шкварникова: «Общее положение с выходом печатных работ по институту сейчас очень плохое. <...> По ряду лабораторий сейчас не может быть послана ни одна работа, минуя Атомный комитет. Но Атомный комитет отказывается их смотреть». В свою очередь, Ю. П. Мирюта сказал: «У нас давно лежат работы в портфелях редакций – своего журнала у нас нет». В итоге на заседании было принято решение: «Поставить еще раз вопрос в Президиуме СО АН об издании журнала “Генетика” в СО АН»¹⁶⁷.

Работа ИЦиГ по-прежнему осложнялось его недостаточной материальной оснащенностью. Показательные сведения по этому поводу приводятся в письме ученого секретаря ИЦиГ от 21 сентября 1964 г. В ответ на запрос ученого секретаря Президиума СО АН сообщалось: «В Институте ведется работа по изучению применения различных химических веществ для получения наследственных изменений у ряда сельскохозяйственных культур <...> с целью повышения эффективности методов селекции. <...> В настоящее время, к сожалению, в институте отсутствуют необходимые условия для достаточно широкой постановки этих исследований» [отсутствие специальных сооружений (фетатрона или климатрона), неналаженность производства в стране необходимых химических препаратов (их можно было бы развернуть в СО АН, но для этого необходимо некоторое оборудование и 5 ставок). Заключительный вывод: для устранения этих препятствий институту необходимо дополнительное помещение размером до 70 кв. м, некоторое оборудование и 5 штатных единиц.] «Необходимо решительно улучшить техническую базу экспериментального хозяйства, особенности в части “малой механизации” для проведения полевых работ». Как подчеркивалось в цитированном документе, устранение отмеченных недостатков «позволило бы более широко внедрять разработанные методы в селекционную практику»¹⁶⁸.

Красноречиво свидетельствует об ограниченности возможностей института еще ряд документов. Например, проректор Куйбышевского педагогического института, в своем письме от 30 ноября 1964 г., просил оказать помощь в организации преподавания курса генети-

¹⁶⁷ Там же. Д. 128. Л. 74–75.

¹⁶⁸ Там же. Д. 136. Л. 8.

ки. В ответ было направлено письмо Д. К. Беляева о возможных мерах помощи, в частности, о направлении списка литературы. Касаясь просьбы о высылке трудов сотрудников института, с сожалением констатировалось отсутствие такой возможности¹⁶⁹.

Следует отметить, что в это время ряд сотрудников ИЦиГ получили уникальную возможность оценить состояние генетических исследований в мировом контексте. В 1963 г. один из ведущих сотрудников института П. К. Шкварников побывал в командировке в США, о чем представил небывало обширный отчет. В нем, помимо прочего, сравнивалось состояние исследований по генетике в США и в СССР, в частности, отмечалось следующее: «У нас слишком мало учреждений, которые разрабатывают такие важнейшие проблемы современной генетики, как строение наследственно значимых структур клетки; механизм наследственной информации; радиационная генетика; биохимическая генетика; цитогенетика; генетика популяций, генетика развития и др. Что же касается всесторонней разработки на современном уровне вопросов частной генетики таких важнейших сельскохозяйственных культур как пшеница, кукуруза, сахарная свекла, ячмень, бобовые растения и другие, то она у нас просто отсутствует».

Касаясь непосредственно ИЦиГ в сравнении с американскими научными учреждениями, названный автор отмечал: «Условия и техническая база для постановки экспериментов в учреждениях, которые занимаются у нас по разработке указанных выше проблем, более ограничены, чем в США, а отсюда и наше отставание в темпах и качестве решения актуальных вопросов генетики. Для примера можно привести самое новое в нашей стране генетическое учреждение – Институт цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР. Даже когда будет закончено строительство главного корпуса и других объектов этого института, он не будет иметь тех возможностей для экспериментальной работы, какие имеют генетические отделы университетов и других учреждений в США. В этом институте будут хорошие помещения для некоторых видов работ, но в нем не будет таких специализированных помещений для экспериментирования с растениями и животными в различных условиях, кроме обыч-

¹⁶⁹ Там же. Д. 148. Л. 7.

ных оранжерей и вивария, какие имеются в каждом университете у них. Для постановки многих экспериментов по разработке различных проблем современной генетики не всегда удается обходиться стандартным оборудованием и аппаратурой. Часто необходимо быстро создавать различные приборы и технические устройства, не выпускаемые промышленностью. Но имеющиеся в институте мастерские и особенно кадры не в состоянии обеспечить что-либо большее, кроме текущего ремонта предметов лабораторного оборудования и далеко не всех».

Помимо прочего, в рассматриваемом отчете подвергалась критике работа Экспериментального завода СО АН: «Уровень конструкторских работ и технического выполнения заказов на этом заводе (по крайней мере, в отношении заказов биологических институтов) еще очень низок. Это можно проиллюстрировать, в 1961 г. этот завод проектировал и изготовлял по заказу Института цитологии и генетики такие несложные приборы, как два типа ручных сеялок для посева мелких опытных образцов зерновых культур (одна из них по готовому образцу). С тех пор эти сеялки трижды возвращались заводу (последний раз в текущем году) для доделки, но до сих пор после всех переделок они так и не работают».

Далее в цитированном документе подчеркивалось: «Намного большую тревогу, по сравнению с отмеченными недостатками, вызывает существующее у нас положение с генетическими кадрами, имеющими современный уровень подготовки. Самого серьезного внимания в этом отношении заслуживает то, что по существу нет у нас сейчас источников пополнения этих кадров. Ярким примером этого может служить также Институт цитологии и генетики СО АН СССР, который комплектовал свой штат (сейчас в его составе около 400 человек) на 90% из молодых специалистов – воспитанников Ленинградского, Московского, Томского, Воронежского, Саратовского университетов и ряда сельскохозяйственных институтов. В подавляющем большинстве своем эти люди (за исключением выпускников Ленинградского и отчасти Московского университетов) к моменту прихода в институт имели довольно смутное представление о генетике и начали ее изучать, находясь уже на исследовательской работе, что дает не те результаты какие можно было бы иметь. Таково положение в головном академиче-

ском институте. Что же касается родственных отраслевых институтов и работников селекционных станций, то там положение еще хуже».

Выявляя причины такого положения дел, автор рассматриваемого документа употребляет достаточно резкие выражения. Так, он утверждает: «Все это явилось результатом того, что в свое время генетику в целом объявляли лженаукой, буржуазной наукой, формальной наукой, вейсманизмом-морганизмом и ее преподавание в вузах было сведено на нет». Характерно, что П. К. Шкварников говорит в прошедшем времени, хотя на момент написания этого отчета в 1963 г. генетика по-прежнему была в сложном положении.

Автор отчета анализирует, каким образом американским генетикам удалось достичь существенных результатов: «Важным фактором, определяющим интенсивное развитие генетических исследований в США и значительные их успехи, является координация в каждом отдельном штате и в масштабе страны деятельности всех научных учреждений. Эта координация не обладает еще совершенством, но несомненным успехом ее является то, что в решении разных более или менее крупных научных проблем, требующих для своего решения либо усилий больших коллективов и четкого разделения труда, либо комплексного подхода, вовлечены в той или иной форме все или многие учреждения. Как отмечалось выше, основной формой этой координации является составление кооперативных планов исследований по разным проблемам. Координационные функции по составлению и выполнению таких планов выполняют по разным отраслям разные научные организации. В отдельных штатах в решении задач местного значения подобные функции выполняются, как правило, университетами. Следует отметить, что все университеты Штатов очень тесно связаны с жизнью, с экономикой штата, являются ведущими учреждениями в решении разнообразных экономических задач...»¹⁷⁰.

Ценные сведения о состоянии исследований по генетике содержат также отчет Д. К. Беляева о его участии в международном генетическом конгрессе в Гааге (сентябрь 1963 г.). Так, говоря о при-

¹⁷⁰ Там же. Оп. 9. Д. 86. Л. 59–114.

менении методов генетико-математического анализа, он отмечает: «У нас они развиты очень слабо. Модельные селекционные и эволюционно-генетические исследования на лабораторных объектах в нашей стране не проводятся; мало кто владеет генетико-математическим аппаратом, дающим возможность наиболее полно анализировать существо генетических изменений при отборе. Это направление представляется мне заслуживающим всяческого внимания и развития».

Касаясь своего участия в работе конгресса, Д. К. Беляев отмечал: «В нашем докладе (Беляев и Трут) были освещены результаты экспериментальных исследований по перестройке воспроизводительной функции животных путем селекции по поведению». В отчете подчеркивалось: «Все эти работы ведутся на основе бесспорно признанного теперь положения об уникальной роли ДНК (в некоторых случаях РНК) в качестве носителя наследственной информации. К сожалению, подавляющее большинство работ в этих направлениях принадлежит американцам. К еще большему сожалению из 199 докладов, заявленных на секциях: структура генов, рекомбинации, молекулярная генетика и генетика микробов, цитология – лишь 5 принадлежат советским исследователям (Хесин, Гершензон, Столетов, Косиков, Прокофьева-Бельговская); однако, ни один из докладчиков на конгресс не прибыл, и, поэтому доклады остались непрочитанными».

В итоговой части отчета директор ИЦиГ приходит к следующему заключению: «Общий вывод, который я должен сделать из анализа материалов конгресса сводится к тому, что генетика бурно развивается по всем направлениям. Особенное внимание привлечено сейчас к проблемам молекулярной генетики и организации генетического материала в клеточных структурах, генетических основ индивидуального развития, популяционной и эволюционной генетики, генетики человека. К сожалению нельзя не констатировать нашего сильного (в смысле широты и размаха исследований) отставания во всех этих направлениях.

Что же касается нашей делегации и туристической группы, то они, будучи составлены в основном из ученых, работающих в области генетики растений, не представляли полностью всех направлений советской генетики и поэтому не могли донести до конгресса тех

успехов, которые, несмотря на скромные масштабы исследований, у нас все же имеются»¹⁷¹.

Представляет интерес рекомендация Д. К. Беляева на заведующую лабораторией радиационной генетики Ю. Я. Керкиса для командировки в США (1964 г.). Особую ценность имеет содержащийся в документе анализ уровня генетических исследований в США. В частности, отмечалось: «Проблемы радиационной генетики, в области которых работает лаборатория, руководимая Ю. Я. Керкисом, разрабатываются в очень многих научных учреждениях США. По широте поставленных работ, тщательности разработанных методик и влиянию на направление радиационно-генетических исследований в других радиационно-генетических лабораториях мира, США занимают главенствующее положение». Кроме того, в документе содержится следующее утверждение: «США стоит на первом месте в мире не только по размаху генетических исследований, но и по числу университетских кафедр, готовящих специалистов-генетиков. Наиболее известны кафедры генетики в Колумбийском, Орегонском и Калифорнийском университетах»¹⁷².

В целом же, несмотря на все трудности к концу рассматриваемого периода ИЦиГ добился весомых научных результатов, о чем свидетельствовали и высокие оценки его работы со стороны руководства АН СССР. Так, 20 января 1964 г. на годовом общем собрании Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений член-корр. Н.К. Кочетков сказал: «Большие работы ведутся по исследованию физиологически активных веществ, выделенных из растений. <...> Начаты такие работы на Дальнем Востоке и в Сибирском отделении».

В свою очередь, член-корр. А. Е. Браунштейн в докладе «Важнейшие результаты научных исследований в области молекулярной биологии» отметил: «Из выполненных в 1963 году исследований заслуживают упоминания работы Р. И. Салганика (Сиб. Отделение АН

¹⁷¹ Там же. Л. 25, 29. В то же время, как отмечает зав. лабораторией ИЦиГ д-р биол. наук П. М. Бородин, сам факт поездок сотрудников института на международные конгрессы создавал впечатление, что в СССР возрождается генетика, причем возрождается именно в Институте цитологии и генетики СО АН (ЛИА). Запись беседы с П. М. Бородиным от 25 ноября 2009 г.).

¹⁷² ИАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 146. Л. 15–16.

СССР) о способности нуклеаз подавлять размножение ряда патогенных вирусов и о попытках применения этих ферментов для лечения некоторых вирусных заболеваний»¹⁷³.

Этот же ученый на общем собрании Отделения биохимии, биофизики и физиологически активных соединений 24 июня 1964 г. сказал: «Интересные попытки применения очищенной дезоксирибонуклеазы для борьбы с некоторыми заболеваниями, вызываемыми некоторыми ДНК-содержащими вирусами (СО АН СССР)»¹⁷⁴.

При этом следует отметить, что в обоих приведенных выше фрагментах ИЦиГ не фигурирует напрямую, а завуалирован названием «Сибирское отделение». Столь симптоматичный факт бросается в глаза еще и потому, что на рассматриваемой сессии общего собрания Отделения 24 июня 1964 г. член-корр. А. Е. Браунштейн, говоря о достижениях в области энзимологии, конкретно называл институты.

Характерно, что в документах 1965 г. ситуация выглядит несколько по иному, ведь именно тогда ИЦиГ в прямом смысле «снискал лавры» и постоянно упоминался первыми лицами Академии наук. Так, 1 февраля 1965 г. Президент АН М. В. Келдыш, в своем вступительном слове на годовом общем собрании Академии наук сказал: «Сейчас всех ученых очень беспокоит вопрос о развитии биологической науки в нашей стране. Это беспокойство совершенно оправдано. За последнее время биология делает громадные шаги вперед и на ее развитии во всем мире все больше и больше концентрируются усилия не только самих биологов, но и физиков, химиков и математиков. <...> Не подлежит сомнению, что за последние годы положение в биологической науке непрерывно улучшалось. В этом направлении большую роль сыграли решения нашей партии по химизации сельского хозяйства и постановление Центрального Комитета партии и Совета Министров «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой». Был создан ряд крупных научных учреждений, исследования которых были направлены на разработку коренных проблем биологии. В частности к ним относится Институт цитологии и

¹⁷³ АРАН. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 8. Л. 37, 54. Фрагмент из выступления член-корр. А. Е. Браунштейна, где говорится о работе Р. И. Салганика, набран с другим интервалом по отношению к остальному тексту.

¹⁷⁴ Там же. Д. 14. Л. 9.

генетики Сибирского отделения, Институт цитологии в Ленинграде и Институт радиационной и физико-химической биологии, биологические отделы в институтах Атомной энергии, Химической физики, Кристаллографии, Химии высокомолекулярных соединений, Лаборатория радиационной генетики в Институте биофизики».

В свою очередь, выступавший на указанном собрании акад. Н. М. Сисакян отметил, что в ИЦиГ «разработана генетическая схема разведения пушных зверей, которая позволяет получить большой экономический эффект»¹⁷⁵.

На общем собрании называвшегося Отделения АН 20 апреля 1965 г., посвященном деятельности научного совета по проблемам цитологии, акад. Н. М. Эммануэль отметил: «В определенном смысле на настоящей сессии цитология как наука, отмечает как бы день своего второго рождения. Действительно, цитология, как и вся биологическая наука в целом, сейчас сбросила с себя ограничение, раньше зависящее от господства догматических взглядов в ряде разделов в биологии и в полный голос сейчас заговорит наша цитогенетика, и нет никакого сомнения в том, что наша цитология в кратчайший срок ликвидирует отставание некоторых разделов цитологии от уровня мировой науки, разовьет еще больше те направления цитологии, в которых мы уже сейчас находимся впереди и что наша цитология станет полностью современной цитологией и займёт передовые позиции мировой науки».

В свою очередь, председатель Научного совета по проблемам цитологии член-корр. А. С. Трошин в своем докладе отметил: «В 1956–1957 гг. после довольно продолжительного застоя и шатаний намечился ощутимый подъем цитологических исследований и в нашей стране. Этот подъем произошел благодаря энергичным мерам, предпринятым Президиумом Академии Наук СССР. Именно в это время и в последующие годы были созданы новые институты в Ленинграде, Новосибирске, Москве, в которых проблемы цитологии стали разрабатываться на современном уровне». Он также сказал: «Однако, к сожалению, приходится констатировать, что на высоком или на современном уровне исследования по цитологии пока ведутся лишь в ограниченном числе научных коллекти-

¹⁷⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 151. Л. 57, 61, 102–103.

вов, главным образом, в Москве, Ленинграде, Новосибирске и некоторых других».

Далее названный докладчик подчеркнул: «Долгое время в нашей стране работы по полиплоидии не поощрялись, наоборот, они считались какой-то крамольной наукой. Такое отношение у нас утвердилось с 1939 года, тем не менее, такие работы велись, а за последние 5–6 лет они проводятся широким фронтом. Работы по этой проблеме имеют крупное народнохозяйственное значение. Особенно больших успехов в этом отношении добился Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР. В Институте цитологии Сибирского отделения АН развернуты исследования по созданию тетраплоида клевера, получен целый ряд новых полиплоидных форм весьма перспективных для сельского хозяйства»¹⁷⁶.

В отчете о работе Отделения за 1965 г. отмечалось: «Имеются определенные достижения в изучении проблем цитологии. <...> Однако на современном уровне исследования ведутся лишь в сравнительно ограниченном числе цитологических научных коллективов, преимущественно в Москве, Ленинграде и Новосибирске»¹⁷⁷.

Проблемы цитологии затрагивались и в информации о работе Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР, направленной в ЦК КПСС 28 мая 1966 г. В документе подчеркивалось: «На современном уровне исследования ведутся лишь в сравнительно ограниченном числе цитологических научных коллективов, преимущественно в Москве, Ленинграде и Новосибирске. <...> По ряду разделов развитие исследований по цитологии у нас в стране не получило еще достаточно широкого размаха в связи с тем, что оно длительное время тормозилось догматизмом по ряду вопросов биологии. <...> В настоящее время принят ряд мер, способствующих развитию исследований в области цитологии: определены основные направления исследований, пересмотрены программы преподавания цитологии в высших учебных заведениях страны, издано руководство по цитологии»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Там же. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 31. Л. 4, 8–10, 13–16.

¹⁷⁷ Там же. Д. 22. Л. 14.

¹⁷⁸ Там же. Д. 41. Л. 3, 19–20.

Характерно, что на общем собрании АН СССР 7 марта 1965 г. ее Президент акад. М. В. Келдыш отметил «большие достижения Сибирского отделения в области механики, энергетики, в развитии актуальных направлений в биологии»¹⁷⁹.

* * *

Таким образом, развитие генетических исследований в Новосибирском научном центре в первой половине 1960-х гг. характеризовалось разнонаправленными тенденциями. Главным позитивным итогом рассматриваемых процессов было формирование коллектива генетиков – подлинных энтузиастов своей науки. В это же время происходит становление Д. К. Беляева как лидера молодого научного сообщества. Требуется подчеркнуть наличие в литературе неоднозначных оценок этой фигуры, хотя и не столь ярко выраженных, как в отношении Н. П. Дубинина.

Значимым достижением явилась организация подготовки научных кадров генетиков в Новосибирском государственном университете. С этой целью в 1961 г. на факультете естественных наук была создана кафедра общей биологии под руководством Д. К. Беляева. Важным шагом было преодоление международной изоляции отечественного генетического сообщества, чему способствовали зарубежные поездки научных сотрудников ИЦиГ.

Развернувшиеся научные исследования в эти годы ознаменовались практическими результатами, которые нашли признание в научном сообществе и в официальных документах. В частности, об этом свидетельствовали высокие оценки со стороны руководства АН СССР.

Вместе с тем возрождение генетики тормозилось целым комплексом факторов – недостатками в материально-технической базе, в подготовке кадров. Бесспорно, сказывалось и продолжающееся воздействие «лысенковщины».

В этих условиях, разумеется, существенное значение имела поддержка генетиков со стороны научной общественности, руководства СО АН. Однако ее эффективность была различной по тем или иным позициям. В частности, в эти годы не произошло принципиальных

¹⁷⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 160. Л. 8.

улучшений в материально-технической базе генетических исследований. Особенное негативное значение имело отсутствие у ИЦиГ собственного здания до 1964 г.

Сопоставляя рассматриваемый этап с предшествующим, следует признать, что проблема недостатков в материально-технической инфраструктуре осложняла работу института на протяжении обоих периодов. В то же время степень идеологического давления существенно изменилась. Так, если в 1958–1959 гг. она достигла апогея, то в 1960–1964 гг. произошло ее некоторое снижение. Противодействие генетикам со стороны «мичуринцев» в конце «оттепели» носило преимущественно латентный характер. В свою очередь, развернувшиеся в конце 1950-х гг. научные исследования получили свое продолжение и развитие на следующем этапе. Именно 1960-е гг. характеризовались заметными практическими результатами работы ИЦиГ, получившими широкое отражение в печати и в официальных документах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс становления генетических исследований в Новосибирском научном центре имел сложный характер, основные тенденции которого были обусловлены как фундаментальными политико-идеологическими императивами, так и особенностями становления и развития Сибирского отделения АН СССР. Среди первого комплекса факторов определяющее воздействие оказали «оттепель», «десталинизация», расширение гласности и оживление общественного мнения. Важнейшую роль сыграла инициатива прогрессивной части научного сообщества, прежде всего физиков-атомщиков, свидетельством чего стало «письмо 300-т» (1955 г.).

Говоря о внутринаучных факторах, необходимо отметить быстрое становление нового научного центра, его относительную независимость от местных партийно-идеологических структур, близость руководства СО АН к представителям центральных органов власти. Помимо этого, существенное значение имели особенности внутренней атмосферы ННЦ, такие как дух свободомыслия и энтузиазма, широкие возможности межнаучной интеграции.

Квинтэссенцией процесса становления генетических исследований в Новосибирском научном центре явилось создание и развитие Института цитологии и генетики в составе СО АН. В ходе этого процесса прослеживается определенная динамика. В нем можно выделить четыре основных этапа. Критерием для них выступает сочетание собственно внутринаучных и социально-политических факторов, корректировавших в совокупности темпы и характер формирования и развития научного коллектива и направленность генетических исследований.

Первый охватывает время с момента создания Института цитологии и генетики 7 июня 1957 г. и до конца 1958 г. Его основной характеристикой является то, что на данном этапе закладывались базовые основы и принципы нового научного учреждения – прежде всего, происходило формирование его организационной структуры, кадрового потенциала. В значительной мере, как и для всего Отделения, оно шло «под директора». Одновременно определялись направления научных исследований и ресурсное обеспечение для их развертывания.

Второй этап включает декабрь 1958 и 1959 г., когда обычные трудности становления новой научной структуры были усугублены и дра-

матизированы развернувшейся кампанией дискредитации ученых, причисленных к «вейсманистам-морганистам». Кульминацией давления на формировавшееся генетическое сообщество стали события осени 1959 г., когда во время визита Н. С. Хрущева в новосибирский Академгородок, оказался отправлен в отставку первый директор ИЦиГ Н. П. Дубинин. Это был наиболее тяжелый период в истории Института цитологии и генетики, когда не исключалась возможность его закрытия или полного изменения направления работы в духе «мичуринской биологии». Фактически, это была первая научно-политическая коллизия вокруг Сибирского отделения и, одновременно, проверка на прочность, жизнеспособность и перспективность тех основ генетических исследований, которые заложили Н. П. Дубинин и его единомышленники на стадии зарождения ИЦиГ.

Третий этап охватывает 1960–1962 гг. и характеризуется некоторым снижением остроты внешнего давления на институт и в то же время продолжением противодействия его работе со стороны «мичуринцев». С точки зрения внутренней консолидации генетического сообщества и, соответственно, фактором развития института наиболее значимым явлением этого периода выступает утверждение Д. К. Беляева как лидера молодого научного коллектива. Свою важную роль в определенной стабилизации внутри ИЦиГ и вокруг него сыграло то обстоятельство, что на данном этапе стали все более заметны практические результаты работы сибирских генетиков, получившие позитивную оценку в официальных документах и широкий резонанс в печати.

Четвертый период включает 1963–1964 гг. и характеризуется тем, что в это время противодействие со стороны противников генетики приобрело преимущественно латентный характер. Возможно, относительно благоприятные (в сравнении с предшествующими годами) внешние условия деятельности сибирских генетиков были обусловлены тем, что рейтинг М. А. Лаврентьева, как главного «покровителя» ИЦиГ, достиг в это время максимума. Успешная реализация грандиозного проекта строительства Академгородка наряду с рядом других факторов значительно усилили позиции М. А. Лаврентьева на «властном Олимпе». В это время Михаил Алексеевич, будучи кандидатом в члены ЦК КПСС, становится еще и председателем созданного в 1963 г. Совета по делам науки при Совете Министров СССР.

Слово лидера «сибирской академии» звучит весомо при обсуждении ключевых вопросов развития страны на заседаниях Президиума ЦК. Естественно, что в таких условиях возможности противодействия «лысенковцев» сибирским генетикам сужаются. Более весомыми становились и достижения генетиков, осуществлялся их выход на международный уровень.

Главный вывод исследования заключается в том, что Сибирское отделение АН СССР, во многом благодаря принципиальной позиции своих создателей и, прежде всего М. А. Лаврентьева, стимулировало возрождение генетики в стране. При этом поддержка генетических исследований осуществлялась по разным направлениям. Так, Институту цитологии и генетики была обеспечена защита со стороны руководства СО АН и лично М. А. Лаврентьева от политико-идеологического давления, что наиболее ярко проявилось в решительных и вместе с тем гибких дипломатических действиях в отношении ряда комиссий. Кроме того, состояние биологических исследований в СО АН неоднократно обсуждалось на заседаниях его Президиума, что способствовало оптимальному определению задач и направлений. Ряд ведущих ученых СО АН принимал участие в обсуждении принципиальных вопросов генетики. Кроме того, велось активное общественное обсуждение этих проблем, формировалось соответствующее общественное мнение. Следует отметить и роль СО АН в интеграции немногочисленных генетических кадров в масштабах страны, свидетельством чего были лекции известных генетиков в ННЦ.

С организацией Института цитологии и генетики возник ряд важных внутринаучных предпосылок для преодоления «лысенковщины». Именно здесь обрели «второе дыхание» продолжатели вавилонской традиции, в числе которых были Ю. Я. Керкис, А. Н. Лутков, Ю. П. Мирюта, З. С. Никоро, И. Д. Романов, П. К. Шкварников. Наряду с этим именно в Новосибирском научном центре начали свою научную биографию многие молодые и перспективные ученые, впоследствии внесшие большой научный вклад. Среди них будущие академики Р. И. Салганик и В. К. Шумный. Существенным достижением являлась интеграция в новом научном сообществе представителей всех прежних школ отечественной генетики: Ленинградских школ Ю. А. Филипченко и Н. И. Вавилова, а также Московской школы Н. К. Кольцова–С. С. Четвери-

кова. Тем самым, на сибирской почве генетика получила мощный импульс для своего развития.

Развернувшиеся в эти годы научные исследования ознаменовались рядом весомых не только теоретических, но и практических результатов, которые нашли признание в научном сообществе и в официальных документах. В числе достижений Института цитологии и генетики следует назвать создание триплоидных сортов сахарной свеклы и ряда других культур, достижения в области пушного звероводства, перспективные разработки лекарственных средств, некоторые из которых не потеряли своей актуальности и в наши дни, а также изучение проблем радиационной безопасности.

Важным достижением стало развертывание подготовки научных кадров в области генетики на основе интеграции Института цитологии и генетики и Новосибирского государственного университета. Так, в 1961 г. на факультете естественных наук НГУ была организована кафедра общей биологии, где с 1963 г. читались лекции по генетике, и началась целевая подготовка специалистов-генетиков. Это явилось важным и необходимым условием длительного процесса возрождения и развития кадрового потенциала отечественной генетики.

Кроме того, становление генетических исследований в ННЦ открывало путь к преодолению международной изоляции отечественного генетического сообщества. Этому способствовали зарубежные поездки сотрудников ИЦиГ, их знакомство с состоянием генетики в ведущих мировых центрах. В свою очередь, международное генетическое сообщество получало оперативную информацию о достижениях советских генетиков.

В ходе исследования выявлялось и анализировалось действие факторов, тормозивших возрождение генетики в новом научном центре. Безусловно, наиболее негативное влияние на данный процесс оказывали факторы прямого политико-идеологического воздействия, связанные с новым рецидивом «лысенковщины». В то же время исследование показало, что наряду с внешним давлением, столь же негативное значение имели коллизии в самом биологическом научном сообществе, базировавшиеся на консервативных традициях и корпоративно-клановых отношениях. Это проявилось в неоднозначном восприятии ИЦиГ со стороны научных коллективов других био-

логических институтов СО АН, а также преподавательского корпуса ряда высших учебных заведений Новосибирска и Томска.

В рамках всего исследуемого периода существенные проблемы были связаны с недостаточностью финансирования научных работ, материальной базы, кадрового обеспечения генетических исследований. Так, собственное здание Института цитологии и генетики получил только в 1964 г. Долгое время научные сотрудники института работали в обстановке острой нехватки производственных площадей и недостаточного оснащения приборами и реактивами. Следует также отметить отставание в решении социальных проблем ученых-генетиков в сравнении с другими институтами СО АН. В частности, в ИЦиГ крайне остро стоял «жилищный вопрос».

Правомерно рассматривать коллизии вокруг генетики и перспектив ее развития не только в историко-научном контексте, но и в контексте истории взаимоотношений власти и социума изучаемого периода. Имело ли противостояние генетиков и «лысенковцев» политическое измерение? Этот вопрос тем более правомерен с учетом того, что сами гонители генетики постоянно стремились перевести это противоборство в политико-идеологическую плоскость. Как уже отмечалось выше, в печально знаменитой статье «Правды» от 14 декабря 1958 г. борьба с «вейсманистами-морганистами» рассматривалась в общем контексте борьбы с «буржуазной идеологией». В свою очередь, в конце 1950-х–начале 1960-х гг., выступая на ряде пленумов ЦК КПСС, Т. Д. Лысенко упорно стремился представить своих научных оппонентов в роли политических противников. В частности, «народный академик» подчеркивал, что «буржуазная пропаганда» с большим вниманием относится к борьбе различных направлений в советской биологии и всячески поддерживает «вейсманистов-морганистов» и в то же время чернит «мичуринцев».

Это стремление лидера «мичуринской биологии» политизировать научную борьбу имело цель окончательно уничтожить своих противников. Вряд ли утверждения такого рода соответствовали истине, – трудно представить «вейсманистов-морганистов» в роли сознательных противников существующего общественного строя. Хотя ряд фактов говорит о том, что в некоторых случаях бескомпромиссное отстаивание своих научных убеждений сочеталось с критическим отношением к политике правящих кругов и даже к официальной иде-

ологии. В рассматриваемый период наиболее ярко это проявилось в поведении З. С. Никоро. Нечто подобное было характерно и для жизненной и научной позиции Р. Л. Берг. С учетом такого рода фактов борьба за возрождение генетики может рассматриваться не только как знаковая страница отечественной науки, но и как важная веха общественной жизни, проявление политической активности научной интеллигенции, хотя и в локальной и специфической форме.

В данном контексте важнее другое: даже если считать, что сторонники возрождения генетики не имели никаких политических мотивов и руководствовались чисто научными интересами, их решительное противостояние «лысенковцам» объективно приобретало определенное политическое значение. И дело не только в том, что разгром генетики в предшествующий период был одним из самых одиозных проявлений сталинского режима. В свою очередь, давление в отношении «вейсманистов-морганистов» в рассматриваемый период поддерживалось на самом высшем уровне, приняв привычные формы и методы очередной политико-идеологической кампании.

Рассматривая общественно-политическую жизнь в годы «оттепели», следует иметь в виду, что после разгрома в 1957 г. «антипартийной группы» с Н. С. Хрущевым уже никто не пытался спорить. В сущности, единственной областью, где официальная политика встретила заметное противодействие, была сфера, связанная с генетикой. Парадокс, но ученые, выступавшие в конце 1950-х–начале 1960-х гг. в поддержку гонимой генетики, являлись практически единственными в то время оппонентами Н. С. Хрущеву.

В современной историографии распространено мнение, согласно которому наиболее прогрессивным элементом общественной жизни СССР в послесталинский период были противники существовавшего политического режима¹⁸⁰. Однако следует отметить, что сознательное противостояние системе обычно не являлось в эти десятилетия распространенным явлением. Наиболее заметные факты общественной активности, альтернативные по отношению к консервативному курсу правящих кругов, как правило, имели место не вне «си-

стемы», а внутри ее. В этой связи особый интерес представляет роль в общественно-политической жизни такого своеобразного социального института как Академия наук СССР. Являясь частью советского «истеблишмента», научная, прежде всего академическая элита, вместе с тем в некоторых ситуациях оказывалась в роли своеобразного оппонента правящих кругов. В период «оттепели» это как раз наиболее ярко проявилось в поддержке академическим сообществом «репрессированной науки» – генетики.

Конфликты вокруг генетики, в данном случае связанные с возникновением в системе Сибирского отделения новой институциональной площадки для развития этой области науки, могут служить важной познавательной моделью для дальнейшего изучения такого многоаспектного феномена, как государственный патернализм в его проекции на научное сообщество. Применительно к коллизиям периода становления ИЦиГ он проявился в полной мере и в своих основных, сущностных характеристиках, в частности, в форме действия монополизма одной из корпоративных групп («лысенковцы») с использованием властных ресурсов и полномочий (покровительство Н. С. Хрущева). Но, наряду с этим, в пользу генетического сообщества работал авторитет другой группы (М. А. Лаврентьев), получившей также значительный спектр полномочий и ресурсов от институтов власти для развертывания нового академического комплекса (своеобразная разновидность монополизма в научно-организационной среде). И в данном случае модель государственного патернализма (а иной для советской науки и не существовало) явилась той защитной формой, в рамках которой состоялся (при всех его корпоративных и личностных издержках) процесс институционализации отечественной генетики на сибирской почве.

¹⁸⁰ В наиболее концентрированном виде эта точка зрения представлена в кн.: *Крамola: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг.* М., 2005.

Научное издание

Сергей Викторович Шалимов

**«Спасение и возрождение»:
Исторический очерк развития генетики
в Новосибирском научном центре в годы «оттепели»
(1957–1964)**

**Издательский дом «Манускрипт»
630060, г. Новосибирск, ул. Зеленая горка, 1**

Сдано в набор 18.03.11. Подписано в печать 22.03.11. Формат 84x108 1/32.
Печ. л. 7,375. Гарнитура Times. Заказ № ???? Тираж ???? шт. Бумага офсетная №1

Отпечатано в типографии «Издательский дом «Манускрипт»
630060, г. Новосибирск, ул. Зеленая горка, 1. Тел./факс (383) 3334016
e-mail:3334016@mail.ru, www.manu-nsk.ru